

Владимир
Запецний

Колпашевский яр

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот и выходит первая — так хочется думать, что будут еще и другие, — книга о «колпашевском деле». Не прошло и десяти лет с той поры, когда впервые появилось в российском самиздате письменное свидетельство о событиях, рассказанных в этой книге (автором его был Вильгельм Фаст), и только пять лет минуло, как начал свое расследование Владимир Запецкий. Сроки, по меркам недавней нашей истории, совсем малые: в ГУЛАГе бывалые зеки над такими посмеивались. Если ссылка — навечно, если лагеря — четвертной... Вряд ли кто и думал в середине восьмидесятых, что так заспешил, такой обвальной лавиной двинется навстречу року застывшее в мерзлоте Нарыма и Колымы российского времени...

События, которые непосредственно послужили к написанию этой книги, произошли в 1979 году в небольшом городке Колпашево Томской области, накануне красного Первомая и в следующие за ним дни. Именно так — как происходящее здесь и сейчас — они были восприняты в то время большинством участников и очевидцев. Но уже тогда был явлен со всей грозной отчетливостью реальный смысл этих событий, их историзм и логическая незавершенность. Было ясно уже и тогда, что «колпашевское дело» охватывает всю нашу эпоху. Цепочку государственных преступлений, тянущуюся от тридцатых? двадцатых годов? — к нашему времени, проследили в своих статьях В. Запецкий и В. Фаст, писали об этом и другие (вероятно, десятки людей), писал и я, писала прокуратура. Эта цепочка протянута не сквозь папки архивных дел, а через тела и души жертв палачей, соучастников, равнодушных, проходит она через несколько поколений и не кончается сегодняшним днем. Уго-

ловное дело, возбужденное прокуратурой после многократных требований общественности, было по существу «делом» государства против себя самого, поэтому его смысл, конечно же, не мог быть юридическим. Преступников не было — и в 30-е, и в 70-е годы в Колпашеве осуществлялась привычная государственная служба, находящаяся под контролем той же самой прокуратуры. И сегодня (весна 1992 года), когда этого уголовного государства уже почти что не существует, два пухлых тома «колпашевского дела» по-прежнему томятся в Военной прокуратуре г. Новосибирска: не то будут названы виновными «солдат партии» Лисачев и генералы «невидимого фронта» (и прощены за истечением срока давности), не то «за недоказанность» дело будет прекращено. Ни одно из этих решений не имеет логического смысла и исторического значения.

«Колпашевское дело» само по себе является приговором коммунистическому строю с главными его несущими опорами: тоталитарной партией и такой же политической полицией, КПСС и КГБ. Но преступления этого интернационального строя несравненно шире только колпашевских, они охватывают десятки различных государств в разных частях света. Книга Владимира Запецкого не об этом. Восстанавливая подлинную картину событий и связь времен, автор не стремился составить на основании расследования обвинительный акт, задачей его было очищенное от лжи человеческое свидетельство.

«Колпашевский яр» — книга о советском человеке, внезапно вытолкнутом из замкнутой сферы социалистического быта, куда успешно задвинул его режим, — на встречу с собственной историей, с бытийным и вечным. Одурманенный пропагандой, лишенный национального самосознания, придавленный всей тяжестью государственной машины, советский человек неизвестною волею был поставлен в Колпашеве лицом к лицу со своей десятилетиями длившейся трагедией. Совершенно буквально он дотронулся до нее руками, и душа его была ею испытана. Это столкновение и запечатлено в книге Владимира Запецкого целой галере-

ей портретов реально существующих лиц, за которыми угадывается нечто большее, чем фрагмент, эпизод, частность. На фоне колпашевских событий их участники — как бы мы ни отвыкли от подобного восприятия — сливаются в народ, обретают общую историческую судьбу, общую беду, вину и ответственность, в которых заключен смысл настоящего и предвестие будущего. Книга о современной России.

Будущее России вынесет свой беспристрастный приговор нашему пониманию, нашему видению, нашему слову. История договорит то, о чём мы может быть, втайне догадываемся, но о чём уместнее сегодня молчать. Укажем только, что и в последние годы — годы непрерывного общественного смятения, нравственных прозрений и сотрясений все же было кому заниматься конкретной работой самопознания и очищения, делать то главное дело, к которому мы по большей части только призываем друг друга. «Колпашевский яр» Владимира Запецкого — важное доказательство тому.

Это книга о преступлении, за которым не может последовать наказание, но только возмездие. Вопрос, что понимать под этим словом. Метафизический смысл колпашевских событий, ощущаемый подспудно каждым, кто приблизился к этому делу, остается для нас роковой тайной. После того, как усилиями В. Запецкого, В. Фаста и многих других собраны сотни страниц свидетельских показаний, опрошено едва ли не большинство вольных и невольных участников, отснят многочасовой видеофильм бесед с очевидцами, — после всего этого можно с особенной уверенностью сказать: мы не знаем, что это было. Грозная символичность произшедшего в маленьком геородке отдаленной российской провинции ждет еще своего Достоевского, своих «Вех». А пока мы в силах только свидетельствовать о той страшной беде, которая нас окружает и в которой все мы повинны.

3 мая 1992 года.

И. АРИСТОВ

1

Описывая широкую дугу, в этом месте Обь течет на запад. Пожалуй, даже на юго-запад. Левый ее берег низок, вровень с водой. За узкой полоской песка, на которой можно разглядеть с пяток лодок, начинается малорослый лес. Левый берег пустынен, и человеку приезжему это может показаться странным, потому что на другой стороне стоит город Колпашево. Небольшой, всего тысяч на тридцать жителей, но все-таки город.

Однако ничего удивительного в этом нет. И дело не в том только, что в Сибири места для городов вдоволь, стройся где душа пожелает. И даже не в том, что в весне невысокий берег будет заливать вода. Еще десяток-другой лет назад даже августовская вода, самая низкая в году, скрывала то место, которое теперь заросло тальником. Вот почему так молод поднявшийся на левом берегу лес.

Русло реки медленно, но вполне заметно перемещается, и старики помнят те времена, когда кромка берега по левую сторону реки тоже была берегом, но берегом правым, а там, где сейчас идут по речному фарватеру груженные стройматериалами баржи, тянулись дома примыкавшей к Колпашеву деревеньки Благино или, как ее еще называли, Саратовки. А на болотцах рядом местные охотники, бывало, стреляли с облаков уток и гусей.

Полностью текст опубликован в № 155 «Граней» (Франкфурт-на-Майне) и в самиздатовской «Летописи террора» (вып. 1, Томск, 1989). Со значительными сокращениями напечатан «Молодостью Сибири» (29.04.89) и «Сибирскими огнями» (№ 10, 1989). Небольшие отрывки публиковались также «Литературной газетой» (07.11.90).

Отнимая ежегодно у города по несколько метров суши, Обь до неузнаваемости изменила высокий правый берег. Когда-то он отлого спускался к воде, но теперь его можно видеть таким только у речного вокзала. А выше по течению это совершенно отвесный песчаный обрыв. Время от времени еще какой-нибудь кусок берега, подмытый водой, рушится вниз. Чаще это бывает в конце весны или в начале лета, когда заметно прибывает быстрой воды, и особенно в те дни, когда южный ветер гонит на яр волны.

В 1979 г., накануне майских праздников, в очередной раз обвалился край берега почти в самом центре города, в нескольких десятках метров от того места, где обрывается, упираясь в Обь, улица Ленина. Но случай оказался отнюдь не рядовым.

Со стороны реки, с лодок, можно было увидеть страшную картину. Из обрыва, метров с двух, торчали человеческие останки: руки, ноги, головы. Открывшийся срез захоронения имел размеры до четырех метров в ширину и до трех метров в глубину. Трупы в могиле были сложены штабелями, и если верхние полностью истлевли, то нижние сохранились на редкость хорошо. По сути дела, это были мумии желтовато-коричневого цвета. Лица, волосы сохранились в такой степени, что, по свидетельству очевидцев, можно было произвести опознание убитых — в затылочной части черепов были пулевые отверстия. Во многих черепах их было по два, причем второе часто приходилось на височную кость.

Первыми обнаружили захоронение мальчишки. Черепа они закидывали в Обь, носились с ними, надев на палки, по городу.

Тогда-то всполошились и взрослые. На берег хлынул народ. Иные из верующих старушек шли туда с иконами. Милиция появилась только часа через два. По случаю праздников не оказалось на месте кого-то из больших начальников, маленькие, явно не зная, что предпринять, ограничились тем, что выставили оцепление, чтобы не подпускать к обрыву людей. Впрочем, это не очень помогло. Захоронение в Колпашеве видели собственными глазами многие.

В дальнейшем события развивались следующим образом. Городские власти пришли в себя от первого шока. Уже в течение суток солдаты строительного батальона обнесли шурф забором, на помощь прислали дру-

жинников, которые дежурили у могилы и на подступах к ней. Милицейский наряд оставался здесь и на ночь.

А за забором начались работы по ликвидации захоронения.

Прошло немало лет, воссоздать объективную картину нелегко; мне самому эта история известна лишь по рассказам свидетелей. Их оказалось вполне достаточно, и все услышанное было записано добросовестно, однако избежать ошибок трудно. Но что в этом неожиданного? Что удивительного в том, что факты стали обрасти домыслами? Природа не терпит пустот, общество — беспамятства. На пустом месте все равно что-то появится. Если нет здорового семени — вырастет сорняк. Так кто в этом виноват?

Непростой вопрос: что, собственно говоря, я пытаюсь написать? Документальный очерк? Слишком много предположительного, слишком зыбки факты, субъективна их оценка. Эссе? Язык противится попытке употребить слово, все еще ощущаемое чужеродным и манерным, когда речь идет о том диком, что произошло не где-нибудь, а у нас, и что нигде более, пожалуй, произойти и не могло.

Уверен, что отсутствием документальной определенности не преминут воспользоваться заинтересованные, скажем так, лица. Более того, подозреваю, что эти люди уже позабочились о том, чтобы документальных свидетельств не осталось и в архивах. Но большим злом считаю не возможные ошибки, а молчание, которым до сих пор была окружена страшная эта находка на берегу Оби. Так и прошу судить написанное: как попытку разобраться — всем миром — в том, что произошло когда-то в сибирском городке.

Поначалу якобы была предпринята попытка раскопать могилу с берега и вывезти останки расстрелянных на автомашинах, но скоро от этого отказались. По той простой причине, вероятно, что конфигурация захоронения оказалась непростой (многие местные жители уверяли, что ям было несколько), а число трупов — достаточно велико. Использовать же технику на краю

обрыва мешал подвижный песчаный грунт. И тогда было решено попросту размыть берег.

К яру подошел мощнейший, двухтысячесильный буксир серии ОТ*. Его поставили кормой к берегу, на мертвое закрепив лебедкой. На полных оборотах заработали винты, и отбрасываемая ими вода ударила под обрыв.

Течение разворачивало буксир, поэтому выше встал под углом к первому еще один, поменьше, который был зачен к берегу и в свою очередь тросом удерживал носовую часть ОТ. Позже, для ускорения работ, рядом поставили второй двухтысячник...

Как уже было сказано, многие трупы сохранились исключительно хорошо. Почему? Во-первых, они находились в песчаной почве, что обеспечивало вентиляцию, необходимую для быстрого — в течение нескольких месяцев или года — высыхания тел. Во-вторых — при погребении использовалась хлорная (или, может быть, негашеная) известь. На срезе захоронения можно было видеть, что людские останки расположены послойно, и разделяют их настилы из досок и прослойки окаменевшей извести. Отмечался также сильный запах креозота. Наличие дезинфицирующих средств, видимо, оградило от гниения трупы в нижних рядах.

Так вот, если черепа и кости, превращаясь в крошево при обвале берега, тут же шли ко дну, то легкие мумифицированные останки выплывали, и река несла их на виду всего города, потому что большая часть сегодняшнего Колпашева расположена ниже по течению: и речной вокзал, и застроенный частными домами жилой район, именуемый Песками, и грузовой порт...

В это время на Оби, кроме размывавших берег судов, находились еще катера и лодки — для того, чтобы перехватывать плывущие трупы. Но их даже не вылавливали. Их топили, цепляя к ногам либо к поясу металлические болванки или же кирпичи, которые складывали попарно и перекручивали проволокой. К поясу — чтобы трупы не стояли вертикально в воде. Поступали и проще: крошили высохшие тела веслами.

Милиции в те дни работы хватало. Придавленные грунтом, некоторые трупы всплывали не сразу, а ночью.

* Или его модификация ОТА, внешне они очень похожи (предположительно, это был буксир № 2010 с капитаном Черепановым).

когда работы на реке прекращались. И поэтому часы с четырех утра, едва светало, милиция на катерах обследовала берега Оби и Канеровской протоки. Тем не менее, случалось, река уносила людские останки на многие сотни километров вниз по течению — до Новоникольского и Прохоркино, что на севере Томской области.

Два мужских трупа в ватниках были доставлены в морг колпашевской больницы — по недоразумению, если можно так выразиться. Они отмокли в воде, стали беловато-серыми, волосы выпали, надкожница отслоилась. Однако произвести вскрытие разрешено не было. Представители правоохранительных органов забрали тела и увезли их с собой. Известны также случаи, когда местные жители обнаруживали тела и, принимая их за утопленников, сообщали в милицию. Одному из колпашевцев с Песков собственный пес притащил к крыльцу найденную на берегу человеческую руку.

К середине мая все было кончено.

Теперь на месте захоронения что-то вроде оврага, треугольником врезавшегося в берег. Но внизу уже не вода, а намытый рекой песок. В этой удобной бухточке швартуются небольшие речные суда, на песке лежат чьи-то лодки. По откосу — другого подобного рядом нет — легко вскарабкаться наверх. Там мусорная свалка. Свалены в кучу ржавые жестянки, битые бутылки, старое тряпье. О могиле напоминают лишь торчащие из обрыва дощатые стенки подземных ходов — это был настоящий, вполне обустроенный подземный склеп.

Ширина оврага достигает метров двадцати пяти, в глубь берега он уходит метров на десять. Но это едва ли треть того, что можно было видеть восемь лет назад*. Обь продолжает подмывать яр. Еще через шесть-семь лет на этом месте будет плескаться вода.

Хотя о существовании могилы колпашевцы в массе своей до мая 1979 г. даже не подозревали, вопрос о ее происхождении не возник, потому что именно здесь, на месте бывшего пустыря в середине тридцатых годов был построен городок НКВД.

* Очерк был написан летом 1987 г., позже были внесены лишь отдельные дополнения. — Прим. 1992 г.

Нынешняя улица Ленина в то время называлась иначе, зато пересекающая ее улица Дзержинского сохранила свое, так сказать, традиционное название. Городок НКВД располагался как раз на их пересечении (если стоять лицом к Оби, то по левую сторону от улицы Ленина, на той стороне улицы Дзержинского, что ближе к реке).

Центральное здание — двухэтажное, сложенное из бревен — стояло на самом перекрестке торцом к улице Дзержинского. Здесь было парадное крыльцо. Здание НКВД замыкало с четвертой стороны П-образный забор, который тянулся вдоль улицы Дзержинского метров на сто пятьдесят — двести. Забор был высок, что-то около четырех метров; наверху, кроме того, была натянута колючая проволока. По одному из рассказов, к концу пятидесятых годов он был наполовину разобран и стал гораздо ниже. Так что, вероятно, забор был поставлен по-чалдонски, без гвоздей: для этого врывали столбы с вертикальными пазами, в которые затем вставлялись горизонтальные доски. Такой забор разобрать до нужной высоты очень легко.

Некоторое время над забором возвышались три сторожевые вышки. Две из них стояли по углам внутреннего дворика, третья — ближе к главному зданию, рядом с воротами, выходившими на улицу Дзержинского. Они всегда были заперты. Да и через двери парадного крыльца редко кто заходил в дневное время внутрь. Таким — молчаливым и мрачным — здание НКВД запомнилось колпашевским старожилам. А оно, кстати, сохранилось доныне. Из-за размыва берега рекой, его перенесли на улицу Горького. Слегка перестроенное, обшитое свежим тесом, оно служит сейчас общежитием медучилища.

Река почти полностью завладела той территорией, которая когда-то была обнесена забором. А вот двухэтажный дом № 17 напротив заселен и по сей день. В прежние времена это было общежитие сотрудников НКВД. На той же стороне, на пересечении улиц Ленина и Дзержинского, когда-то находился дом начальника НКВД, но его снесли. Ичезли еще несколько зданий, которые когда-то стояли ближе к берегу.

Так, по улице Ленина, мимо небольшого сквера под окнами центрального здания НКВД можно было выйти к клубу «Динамо», правее которого находился магазин

№ 21 для сотрудников НКВД. Там же — еще два-три общежития для них. Городком НКВД назывался весь этот небольшой квартал, и доступ сюда ограничен для местных жителей не был — за исключением «централа», естественно. На стадионе между «централом» и клубом мальчишки гоняли в футбол, и мяч порой перелетал через забор.

Трудно сказать, что было там. Строго говоря, это здание называлось зданием НКВД только в тридцатых годах. Когда был образован Народный комиссариат государственной безопасности, НКГБ «займствовал» у НКВД второй этаж, а у парадного крыльца появилась вторая вывеска. В 1946 г. народные комиссариаты были преобразованы в министерства, вывески были вообще заменены. Видимо, по мере всех этих реорганизаций менялся и вид внутреннего двора. С конца пятидесятых годов туда вообще мог зайти любой желающий, ворота были открыты настежь. Но сам двор был тогда уже пуст.

А прежде здесь стояла внутренняя тюрьма: обыкновенная рубленная «в лапу» изба, крытая тесом. На окнах — «ежовские козырьки» (нижняя половина окна заколачивалась наглухо, верхняя также была заколочена, но приоткрыта в небо). По одному из рассказов, стена тюрьмы выходила на улицу Дзержинского. По другому — тюрьма целиком находилась за забором, причем поперек двора стоял еще забор, так что она была огорождена со всех сторон.

Вероятно, совсем недолго, едва ли до конца войны простоял стрелковый тир. Во всяком случае, человек, который пришел работать сюда в 1949 г., категорически отрицал его существование. Зато другой колпашевец, бывший начальник пожарной охраны, бывал в НКВД и прежде и тир этот даже описал. Это было длинное строение, вытянувшееся параллельно улице Дзержинского вдоль дальнего забора. Слева — входная дверь. Рядом со входом — барьер, у которого и становились стрелки. На расстоянии 25 метров — стена с мишенью. В правой ее части — дверь, ведущая в глухую комнату. Якобы туда и уводили приговоренных к расстрелу.

Еще один колпашевец паняненком, случалось, забирался на деревья и заглядывал через забор. Он тоже говорил о каком-то сарае, дровяном складе или конюшне на том месте, где должен был стоять тир. Однако ко-

иошня (вместе с домиком конюха и дизелем, дававшим ток зданию НКВД) находилась за забором с северной стороны. Впоследствии она использовалась как складское помещение, пока несколько лет назад не сгорела. Говорю об этом столь подробно, поскольку несколько раз конюшня упоминалась в рассказах местных жителей как предполагаемое место расстрелов. Нет, скорее всего, это лишь успевшее укорениться заблуждение.

Еще по одной версии, от главного здания вел подземный ход к ямам. Повторяю, остатки каких-то подземных ходов сохранились до сих пор. Если быть точным, сохранились фрагменты трех стенок, поворот под прямым углом (что говорит, кстати, о не слишком простом устройстве всего этого «хозяйства»). Эта версия не покажется такой уж нелепой, если предположить, что для захоронения были использованы какие-то подземные провинцеские склады или овощехранилище. Мне приходилось слышать упоминание о каком-то старике-плотнике, который это овощехранилище строил и которого поэтому пытались срочно найти во время ликвидации захоронения. По другим сведениям, из Томска срочно привезли бывшего сотрудника НКВД, ведавшего некогда секретными архивами. Возможно, речь шла об одном и том же человеке.

Увы, опять всего лишь слухи, слухи...

Тогда, в мае 1979 г., слухи Колпашево переполнили. Городским властям пришлось дать разъяснения. Не через печать, разумеется. Местная газета «Советский Север» хранила — прошу прощения за малоуместный каламбур — гробовое молчание. Разъяснения были даны полуофициальным, никого ни к чему не обязывающим образом — через секретарей первичных парторганизаций, через профсоюзных работников, депутатов исполнкомов и т. д. А сводились они к утверждению, что в обнаруженной и поспешно ликвидированной могиле были похоронены расстрелянные во время войны дезертиры.

Дезертиры? Странно, сибиряки — народ не слабодушный...

Давайте разбираться вместе. Каковы были размеры захоронения? Масштабы проводившихся на реке работ

говорят сами за себя — не такие уж маленькие. Алексей Николаевич Мальцев, заместитель председателя совета опорного пункта № 1, рассказывал, что только его друзья отобрали у мальчишек 31 череп. А ведь их отогнали от могилы достаточно быстро.

Вполне достоверным является еще такой факт: буки-сиры вымыли две приблизительно одинаковые по размеру ямы. С другой стороны слухи разрастались до совершенно фантастических цифр: говорили чуть ли не о 15 000 расстрелянных. Цифра неправдоподобно велика. Вспомните хотя бы о местонахождении городка НКВД и размерах центральной его части. Рискуя предложить весьма осторожную оценку: расстрелянных была не одна сотня, но в пределах тысячи. Не многовато ли дезертиров для маленького сибирского городка, в котором по переписи 1938 г. проживало 14 857 человек? Правда, Колпашево был административным центром Нарымского округа, но заселен тот был, прямо скажем, негусто. Да и какой смысл свозить в Колпашево дезертиров и тайком, так чтобы никто и никогда об этом не слышал, расстреливать их, если единственной целью подобных акций во все времена было установление в армии и обществе железной, беспрекословной дисциплины? Да и вообще, как могло процветать дезертирство среди коренного населения Сибири, если это практически неизбежно должно было повлечь за собой репрессии против остальных членов семьи?

Тогда, может быть, речь идет о каких-то пришлых людях, которые пробрались сюда из западных районов страны? Как? Через топи и тайгу — немыслимо. А единственный путь — по Оби — всегда находился под жестким контролем.

Специпереселенцы? Да, во время всеобщей коллективизации в Нарымский округ было сослано немало семей раскулаченных. О масштабах этой высылки, кстати, косвенно свидетельствуют цифры невероятного роста площади пахотных земель за счет раскорчевки леса и осушения болот: в 18 раз в 1939 г. по сравнению с 1911 г. И это при обеспеченности землей в 1929 г. по 0,8 га на одного ёдока в хозяйствах единоличников и по 1,4 га — в коммунах. А вот цифры Рассамахина Ю. К., научного сотрудника колпашевского филиала Томского краеведческого музея: специпереселенцев было 192 000 человек, причем число выживших в течение первых двух-

трех лет составляло, по его оценке, около 40%. Последняя цифра ошеломляет, но не забывайте, при каких обстоятельствах спецпереселенцы попадали в ссылку: либо в холода, по зимникам, либо — чаще так оно и было — на баржах в короткое северное лето. А устраиваться приходилось на голом месте, со стариками и детишками на руках, с минимумом посевного материала и без опыта того, как можно растить из болотах хлеб.

И было бы наивно думать, что среди репрессированного крестьянства не было озлобленных людей. Не могло не быть. Но вплоть до 1943 г., то есть пока в войне не произошел перелом, спецпереселенцев вообще не призывали на фронт.

Конечно, это всего лишь общие соображения. Но можно привести и конкретные свидетельства весьма и весьма информированных людей. Александра Матвеевича Большакова старые колпашевцы помнят хорошо, хотя тот уже давно перебрался в Томск, где и удалось его разыскать. Большаков в свое время занимался хозяйственной и партийной работой, в годы войны был председателем РИК Колпашева. И вот он, Александр Матвеевич, знает о единственном случае дезертирства. У Большакова удивительно ясная память, несмотря на почтенный возраст (он 1899 г. рождения), а вот тут, к сожалению, фамилию человека, о котором идет речь, забыл. История тогда произошла следующая. Некто Тимофей, немолодой уже охотник, был призван в армию в конце 1941 г., но по повестке не явился, укрывшись в тайге. Через год был все-таки пойман и осужден. Однако и его не расстреляли, а отправили на фронт в штрафную роту, где он и погиб.*

И еще один факт, который с версией о расстрелянных дезертирах никак не согласуется: в могиле встретились останки женщин.

* От своего родственника, Комарова Андрея Константиновича, который сам был заседателем «тройки» военного трибунала с 1941 г., слышал, что смертные приговоры в тылу действительно выносились, но лишь до создания штрафных частей осенью 1942 г. На его памяти было всего лишь пять таких случаев. Однако органы НКВД дезертирами не занимались вообще. Во всяком случае — в Кутанси, Цхакая и Тбилиси, где Комаров А. К. служил в авиачастях. «Тройки» военного трибунала подчинялись вышестоящим инстанциям того же армейского подразделения, а следственный материал готовила военная прокуратура.

Короче говоря, разъяснения горкома партии напоминают пеловую отговорку, от которой скверно попахивает. Или, если избегать излишней категоричности: возможная толика правды использована для того, чтобы создать общую неверную картину. Цель — не потревожить тихую болотную жизнь — достаточно прозрачна, и если не является простительной, то во всяком случае понятна. Но задумайтесь, пожалуйста, дорогие ответственные товарищи,— так и хочется заглянуть вам в глаза,— какими средствами вы этой цели добивались: фактически вешали на колпашевцев грех массового дезертирства.

Зачем же так собственный народ срамить? И во имя чего? Неужели так вкусен и сытен аппаратовский паек, что страх его потерять заслоняет все остальное?

Впрочем, сами колпашевцы в рассказии о дезертирах не очень-то поверили, оснований для этого достаточно.

Расстрелы явно носили групповой характер — как это и было на самом деле в конце тридцатых годов. Вспомните дощатые настилы (еще их называли «коробами»). Размеры каждого такого «короба» составляли 3—4 метра в длину, 2—3 метра в ширину и немногим более метра по вертикали. Видимо, когда трупы заполняли этот объем — а укладывали убитых плотно, «валетом», — их засыпали хлорной известью для предотвращения гниения, затем закрывали настилом из досок. Ясно, что использовать длительное время такой полу-склеп-полумогилу было просто невозможно. Массовые репрессии в истории нашей страны были, о массовом дезертирстве я слыхом не слыхивал. Вот и судите сами, кто мог быть погребен в могиле на берегу.

Дезертиров расстреливали открыто, часто — перед строем. Здесь же убивали тайком, воровски. В некоторых «коробах» была отдельно собрана одежда. То, что она не попала в магазин, через который распродавали реквизированные вещи (подобный магазин в Колпашеве существовал), может свидетельствовать в пользу того, что среди уничтоженных были местные жители, и органы НКВД позаботились о том, чтобы избежать любой утечки информации. Доводилось слышать, что среди найденной в могиле одежды была и такая, которая в

сороковые годы из употребления вышла: армяки, лазпи.

Наконец, мне известен случай, когда умершего в 1943 г. во внутренней тюрьме подследственного похоронили на городском кладбище. Речь идет о Белягине Парфене Яковлевиче. После шести месяцев пребывания в НКВД он скончался и был вместе с двумя другими умершими арестованными похоронен в общей могиле, в одном ящике на троих вместо гроба. Могилу родственникам позже показали.

2

Если в колпашевской могиле были захоронены останки невинно замученных людей, как тогда расценить то, что происходило на обском берегу восемь лет назад? Повторное убийство? Когда-то были истреблены люди, а четыре десятилетия спустя — самая память о них... Если не это варварство, то что же тогда — варварство?

Ну, а если это была могила преступников? Цивилизованное общество смогло бы найти разумный выход. Как видно, не в достаточной мере свидетельствует о цивилизованности одна лишь способность выжечь кирпич, вытянуть проволоку и построить мощный буксир.

Без обиняков: в дезертиров не верю ни на грош. Мало ли что приходится настве слышать свыше во избавление от ненужных душевных волнений. Никаких документов, как это у нас принято, обнародовано городскими властями не было. Пользуясь законным правом верить или не верить на слово — не верю.

Хочу поделиться скучными, к сожалению, сведениями, через которые можно добраться до фактов, а через факты — и до истины. Может быть, что-то удастся узнать и другим. Для начала — два списка, которые мне посчастливилось получить от журналиста из Колпашева Сергея Уразова. Ничего сенсационного они не содержат, известных имен вы не встретите, но все-таки взгляните на них. Как-то яснее становится, из какого мы родом детства. В них названы около шестидесяти человек, которые потенциально представляли собой, говоря казенным языком того времени, контингент для соответствующих учреждений (орфография подлинника, естественно, сохранена).

СЕКРЕТНО

СПИСОК
УВОЛЕННЫХ ИЗ АППАРАТА ОКРСПОЛКОМА И ЕГО
ОТДЕЛОВ КАК КЛАССОВО-ЧУЖДЫХ СОВ. ВЛАСТИ
И НЕ ОПРАВДАВШИХ СЕБЯ НА РАБОТЕ.

Фамилия	Место работы	Должность	Данные
1. СТРОГАНОВ	ОКРФО	инспектор товарооборота	политессыльный троцкист
2. ТУРИН	»	экономист по лесоведению	политессыльный троцкист
3. ВОСТРОТИН	»	инспектор по анализу балансов	б/адмссыльный
4. МАЛАХОВ	»	ст. инспектор госдоходов	служил в белой армии
5. БРАУН-ШТЕИН	ОКРЗУ	плановик	политессыльный меньшевик
6. ШИГАЕВ	»	счетовод	адмссыльный
7. ДАЦЕНКО	»	ст. агроном	б/адмссыльный
8. ИСТОМИН	»	бухгалтер	б/адмссыльный
9. МИЛЕВСКИЙ	»	птицевод	б/дворянин и полковник белой армии
10. ЕРЕМЕЕВ	»	зоотехник-пчеловод	как разложившийся, пьяница и бездеятельность
11. ЗУЕВ	»	зоотехник	привлекался за предательство. Уволен за бездеятельность
12. БАХТИН	»	агроном	адмссыльный
13. БРАШНА	»	статистик	дочь кулака
14. СОЛНЦЕВ	ОКРПЛАН	плановик	троцкист
15. СЕМЕНОВ	»	»	»
16. КИРСАНОВ	ОКРВНУТОРГ	экономист торг. конвенции	»
17. ГИНСБУРГ	»	экономист торг. конвенции	»
18. ФАЙБУШЕВИН*	»	экономист промтоварной группы	б/адмссыльный по ст. 58 УК п. 10, 13

* Файбушевич?

Фамилия	Место работы	Должность	Данные
19. КОМАРОВА	ОКРВНУТОРГ	машинистка	б/адмссыльная по ст. 58 п. 6, 10
20. ПАНОВ	>	б/зав. окрвноторгом	колчаковский доброволец
21. ЧЕРНОВ	>	>	связь с чуждым элементом, за что был исключен из рядов ВКП(б) и уволен
22. ЛЕВИЦКИЙ	ОМХА	экономист	чомитессыльный троцкист
23. ЛЕБЕДЕВ	ОКРНАРХОЗУЧЕТ	>	б/адмссыльный по ст. 58, п. 14
24. ТИШИН	ОКРЗДРАВ	санинспектор	как разложившийся сужден по ст. 154
25. РАКИНА	Секретариат ОПКА	машинистка	б/адмссыльная по ст. 58 п. 6
26. КАНАЕВ	>	тех. секретарь	за пьянство и прогулы
27. САЛЬНИКОВ	ОРГОТДЕЛ ОИК	ответ. исполнит. по столу жалоб	то же

копия (1937—38 гг.)

СЕКРЕТНО

**СПИСОК
ЛИЦ СУЖДЕННЫХ, ВЫЧЕЩЕННЫХ ИЗ ПАРТИИ И
КЛАССОВО-ЧУЖДЫХ, НО ПРОДОЛЖАЮЩИХ РАБОТАТЬ
В АППАРАТЕ ОКРИСПОЛКОМА И ЕГО ОТДЕЛАХ**

1. ГРОЗИНА Надежда Львовна	секретариат	машинистка	б/ссыльная по ст. 58—11 с 1931 г. по 1933 г. освобождена досрочно
2. ДЯМИХ Илья Александрович	ОРГОТДЕЛ ОИК	инструктор	служил в белой армии, за что исключен из рядов ВКП (б) сын священника (Владимирскому 64 г.)
3. ВЛАДИМИРСКИЙ Гурий Николаевич	ОКРЗУ	статистик	
4. СТУС Иван Андреевич	>	счетовод	отец спешлереселенец. Сужден за растраты в сберкассе по ст. 111 УК
5. ОРЛОВ Михаил Иосифович	>	инспектор бюджета	б/адмссыльный по ст. 58 п. 10

Фамилия	Место работы	Должность	Данные
6. АФАНАСЬЕВ Леонид Николаевич	ОКРЗУ	бухгалтер	писарь 12 Бугуликского полка белой армии
7. ПЕТРОВ Александр Петрович	ОКРФО	инспектор госнормализации	мл. писарь Егерского батальона белой армии с февр. 1919 по февр. 1920 гг.
8. АНЦИФЕРОВ Виталий Михайлович	»	инспектор	служил в белой армии в Чистопольском подку и Камском десантном отряде с VIII. 18 г. по V. 19 г. и в отряде охраны ценностей в Чите с V. 19 г. по X. 20 г. Осужден по ст. 58—13 к заключению в лагеря на 5 лет из дворян. Штабс-капитан белой армии с июля 1918 г. по март 1920 г. В отряде офицеров в офицерском батальоне
9. БИЛЕВИЧ Николай Николаевич	»	инспектор	юнкер белой армии с февр. 1919 г. по дек. 1919 г.
10. ДВОРНИКОВ Трофим Никифорович	»	инспектор	
11. ДОБРОТИН Владимир Павлович	ОКРЗДРАВ	санисполнитель	сын священника (36 лет)
12. БИЛЛУНСКАЯ Калерия Ричардовна	»	машинистка	адм. ссыльной по ст. 58
13. АРНОЛЬДОВ Евг. Валентинович	ОКРПЛАН	экономист	мл. офицер 53 стр. полка белой армии
14. ГРОМОВ Владимир Владимирович	ОКРВНУТОРГ	»	б/адм. ссыльный по ст. 58, п. 10 и 13
15. РУСАНОВ Иван Васильевич	»	инспектор торговли	в б. армии с сентябрь 1918 г. по дек. 1919 г. В дек. 1919 г. перешел в партиз. отряд Мамонтова

Фамилия	Место работы	Должность	Данные
16. РАХМЕТОВ Бениамин Наумович	ОКРОНО	инспектор по ликвидации неграмотности	исключен из ВКП(б) за протаскивание троцкизма в теоретич. трудах сына священника (35 лет)
17. СТЕПАНОВ Петр Клементьевич	»	инспектор по работе с учителями	
18. УЛИТКО Мариян Алексеевич	»	экономист-плановик	
19. ШАХОВСКАЯ Мария Борисовна	ОКРДОР-ОТДЕЛ	машинистка	писарь при штабе 47 сиб. стр. полка б/армии с мая 19—сент. 19 г. Сужден по ст. 111 УК адмиссыльная по ст. 58
20. ЛИДЕР Давид Леонтьевич	»	запдор. отделом	служил в белой армии в 1919 г. Исключен из ВКП(б)
21. ЧЕКУЛАЕВ Дмитрий Васильевич	ОКРНАРХОЗ-УЧЕТ	экономист	б/адмиссыльный
22. ЧЕРНАКОВ Георгий Васильевич	ОКРИСПОЛКОМ	тех. секретарь	сужден по ст. 116 УК (растраты) в 1935 г.
24. * ПАЛЬГУНОВ Михаил Михайлович	ОКРЗУ	охотовед	сужден по ст. 116 и 120 (растраты и подлог). Заменено штрафом
25. ОВСЯННИКОВ Иван Иванович	ОКРЗДРАВ	бухгалтер	сужден в 26 г. за халатное отношение и растрату. В 32 г. за превышение власти.
26. КАРЕЛИН Григорий Кириллович	»	четовод	В 34 г. за хулиганство. Сужден в марте 1937 г. по ст. 109 и 120 УК — подлог в документах
27. ЕВДОКИМОВ Кузьма Григорьевич	ОКРВНУТОРГ	инспектор	сужден за нарушение физиодисциплины
28. ЧАЙКОВСКИЙ Иван Антонович	»	»	сужден в 1930 г. по ст. 111 УК
29. ТЕЛЬ Яков Кузьмич	ОКРОНО	инспектор по ликбезу	сужден по ст. 111 УК

* ошибка в numerации?

Фамилия	Место работы	Должность	Данные
30. БАШКИРОВ Григорий Максимович	ОКХА	зав. ОКХА	тоже, освобожден досрочно
31. КАЛИНОВСКИЙ Казимир Леопольдович	ОКРОНО	инспектор	сужден в 1925 г. по ст. 98 УК
32. БЕЛЬНОЖКО Александр Михайлович	архив. бюро	секретарь	сужден по ст. 111 в 1932 г.

Председ. ОКРИСПОЛКОМА — (подпись)*

Вы заметили, по какому принципу составлены списки? Не по алфавиту, уж скорее по отделам. Но и он соблюден не слишком строго (во всяком случае, во втором списке). В первую очередь перечисляются люди, у которых в графе, носящей примечательное название «данные», значится: административный ссыльный, «та самая» статья 58, троцкист, бывший белогвардеец и т. д. Это, так сказать, «первородный классовый грех». И лишь позже перечислены те, кто обвинен в растратах, пьянстве, подлогах и т. п.— словно бы в довесок. Причем составитель списков не считает нужным давать какие-либо пояснения к многочисленным пунктам статьи 58. Похоже, он ее зазубрил так же, как во времена иные зубрили «Отче наш». А вот рядом с уголовными «мелочами» вроде статей 116, 119, 120 такие пояснения присутствуют.

Очень часто в качестве «первородного греха» называется троцкизм, что само по себе еще не повод для симпатий. Хрен редьки не слаше. Попытка разрушить товарищеские отношения и одновременно обеспечить экономический рост с неизбежностью произвела бы на свет такого министра принудительного труда, каким был ГУЛАГ. Аппарат принуждения, достигнув критической массы, занялся бы самонистреблением... История за-

* подпись вераразборчива, похожа на «Макаров».

кономерно проделала бы тот же путь, только другие имена были бы оплеваны в школьных учебниках и другими именами была бы заплевана страна в новоявленных названиях городов и улиц. Но не о том сейчас речь. Существенно другое.

В январе 1924 г. Троцкий выступил с работой «Новый курс», содержащей лозунги свободы фракционной деятельности, защиты внутрипартийной демократии. Для Троцкого это был важный шаг с целью узаконить свое особое положение «главы теневого кабинета», которое его, теоретика и демагога по совместительству, в этот момент вполне устраивало и обещало реальную полноту власти в будущем.

На руках у Сталина оказался крупный козырь. Если бы рядом со Сталиным не было Троцкого — он бы его выдумал. Итак, всякое свое мыслие — это уже фракционность, следовательно — раскол партии, троцкизм чистой воды, который надо вырубать под корень. И вырубали. Так что к ярлыку «троцкист» надо относиться осторожно. Ярлык есть ярлык. Когда дело доходит до того, чтобы поделить общество на чистых и нечистых, без ярлыков не обойтись. Это что-то вроде казенного штампа на тюремном одеяле. После того, как оно наброшено, можно без пощады бить руками и ногами, живого человека не видно. Избиваемый не видит, кто бьет, бьющие не видят, куда бьют. Политическая темная зиждется на тех же принципах.

За примерами далеко ходить не надо. Так, в воспоминаниях Н. Штемпель о Мандельштаме приводится выдержка из воронежской газеты, где поэт обвиняется в троцкизме. Мандельштам — троцкист? Ну и ну! Если бы не расстрелы и концлагеря, идеяная борьба того времени весьма походила бы на игры детей, страдающих дебильностью...

Вернемся к спискам. Я далек от мысли, что все названные в них люди — непременно без вины пострадавшие. Мемориальная доска в память о жертвах тирании, уверен, рано или поздно появится в Колпашеве, но какие имена будут на ней выбиты, пока говорить рано. Так, встретив знакомую фамилию во втором списке, одна милая старушка на добрые слова явно поскупилась

(да и лихолетье человека этого вообще не коснулось). Но вопрос симпатий и антипатий — отнюдь не вопрос законности*.

Вопрос стоит по-другому: если искать репрессированных колпашевцев, то логично было поискать таковых и среди тех, кто здесь перечислен. Особого внимания заслуживает первый список, где названы те, кого уже «уволили». Бросающаяся в глаза деталь: фамилии указаны даже без инициалов.

Впрочем, списки небезынтересны и сами по себе.

Ленин, решая вопрос, «на какой работе должны практические выделяться и выдвигаться наверх... организаторские таланты», предлагал в качестве рецепта организацию соревнования. «В какой коммуне... нет голодных, нет безработных, нет богатых тунеядцев, называющих себя интеллигентами? в какой больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?» (ППС, т. 35, с. 204—205). Вопрос, надо сказать, исключительной важности для тех, кто жаждет подняться по ступенькам власти наверх. Как знать, уж не эти ли слова из статьи с безобидным названием «Как организовать соревнование?» использовали «организаторские таланты» образца тридцатых годов в качестве своего «трудового» манифеста... Тем более, что говорит об этом Ленин в самом значимом месте, в finale, подчеркивая при этом: «они (организаторские таланты.— В. З.) и только они смогут спасти Россию и дело социализма».

В 1930 г. с безработицей покончено, биржа труда закрыта. Сельскохозяйственное производство — на уровне 1913 г., это дало основание Сталину заявить во все-слушание, что отныне советский народ сыт. Что остается? На молоке для детишек карьеры не сделаешь. Хорошие дома быстро не строятся, а время торопит.

* Кстати, нас не удивляет устоявшаяся реабилитационная политика по отношению к жертвам сталинского террора, когда стыдливо замалчиваются имена тех, кто был непосредственно повинен в преступлениях режима, но позже самим же Сталиным был уничтожен. Прокуратура не считает нужным заявлять протест по их делам. А ведь по отношению к ним судебные процессы были такой же точно фальсификацией, и если они заслуживали возмездия, то за иные свои деяния.

На третьем съезде комсомола Ленин говорил о поколении, «которому сейчас 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе» (ППС, т. 41, с. 318). Это было сказано в 1920 г., и чтобы подтвердить теорию практикой, которая одна является критерием истины, надо уложиться к 1940 г.

Нетрудно себе вообразить, как излишне «смешливый» рабфаковец, разбивая по слогам одну из основополагающих работ Ленина, начинает понимать, что с молоком для детей много неясного, а вот взяться за «тунеядцев, называющих себя интеллигентами», — это беспроигрышно. Замечательное соцсоревнование можно устроить. Глядишь, под палкой и производительность труда поднимется. А чем же ее еще поднимать? С деньгами ведь скоро покончим...

В сталинской теории обострения классовой борьбы можно увидеть не только психическую патологию ее автора, но и страшную внутреннюю логику, выражающую потребность в создании механизма для смешения руководящих поколений. И такой «механизм», своей конструкцией напоминающий мясорубку, был создан.

Рискуя выглядеть смешным, но все-таки напомню, что незадолго до появления «черных списков» колпашевского окрисполкома» (сами списки можно датировать по содержанию не ранее, чем марта 1937 года, по году архивной папки — не позже 1938 г.), в декабре 1936 г. вступила в силу вторая конституция, которая в своей 10 главе гарантировала и равноправие граждан, и политические свободы: совести, слова, печати, собраний, объединения в общественные организации, неприкосновенность личности, жилища и т. д. Уже первый список «уволенных» очевидным образом свидетельствует о репрессиях не в соответствии с некими судебными «ошибками», злыми кознями отдельных лиц, а о централизованной, санкционированной сверху, антиконституционной и потому преступной — по меркам сталинских же законов — политике. «Ошибка» и «преступление» — два разных слова. А политика, направленная на уничтожение слоев населения по некоторому признаку, есть, в соответствии с общепринятыми нормами права, *сеноцид*, то есть преступление перед человечеством, не имеющее срока давности, и этого слова не надо бояться. Школьникам младших классов, прежде чем давать

пионерскую присягу, следует хорошо уяснить, что такое геноцид, и причину, по которой они должны помнить смысл этого слова.

О судьбе людей из «черных списков» могу сказать немного.

Не пострадал Лямин И. А. Уже после войны умерли Анциферов В. М., Громов В. В., Русланов И. В., Чернаков Г. И., Евдокимов К. Г. Впрочем, на всех них либо нет «первородного греха», либо он не слишком велик. А вот фамилии тех, кто в конце тридцатых был репрессирован: Кирсанов, Раҳметов Б. Н., Степанов П. К., Улитко М. А.

Что стало с ними? Арест — это еще не гибель. Вроде бы в 1942 году был жив Раҳметов Б. Н. За ним значится «протаскивание троцкизма в теоретических трудах». Стало быть, и теоретические труды имелись. Раҳметов — это псевдоним, и, думаю, не надо пояснять, откуда он заимствован. Палачи предпочитали псевдонимы «пожестче». Про Раҳметова рассказывали, что это был человек высокой культуры, в ссылку привез много книг. Его жена преподавала историю, ее тоже арестовали (напомню, что именно в период подмены подлинной истории ее «кратким курсом» пострадали многие историки и преподаватели общественных наук).

Также преподавала историю жена Степанова П. К., она была арестована с мужем. А тут след, возможно, ведет в колпашевскую могилу. Среди трупов видели останки женщины, которая по приметам (доха, золотые зубы) была похожа на нее. Говорят, была замечательной рассказчицей...

Из письма Николая Клюева Сергею Клычкову в июне 1934 г.:

«Поселок Колпашево — это бугор глины, усеянный от бед и непогодиц избами, дотуга набитый ссылыми. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем. Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике поэте, лицезрение которого заставляет содрогаться даже приучен-

ных к адским картинам человеческого горя спецпереселенцев. Скажу одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссылым в Колпашеве!» Небо в лохмотьях, косые, налетающие с тысячегорстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется летом, затем свирепая 50-градусная зима...»

Да, Николай Клюев тоже был здесь. И в каком-то другом списке могло стоять против его фамилии в графе «данные»: адмссыльный, ст. 58 п. 10. Тогда же, в первые недели ссылки, Клюев писал с присущим ему изрядном и Н. Ф. Христофоровой-Садомской о том месте, куда его забросила судьба: «Население — 80% ссылых — китайцев, сартов, экзотических кавказцев, украинцев, городская шпана, бывшие офицеры, студенты и безличные люди из разных концов нашей страны — все чужие друг другу и даже, и чаще всего, враждебные, все в поисках жранья, которого нет, ибо Колпашев — давним-давно стал обглоданной костью. Вот он — знаменитый Нарым! — думаю я. И здесь мне суждено провести пять звериных темных лет без любимой и освежающей душу природы, без привета и дорогих людей, дыша парами преступлений и ненависти! И если бы не глубины святых созвездий и потоки слез, то жалким скрюченным трупом прибавилось бы в черных бездонных ямах ближнего болота... безмерно сиротство и бесприютность, голод и свирепая нищета, которую я уже чувствую за плечами. Рубище, ужасающие видения страдания и смерти человеческой здесь никого не трогают. Все это — дело бытовое и слишком обычное. Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссылым в Колпашеве. Недаром остыки говорят, что болотный черт родил Нарым грыжей. Но больше всего пугают меня люди, какие-то полу-пысы, люто голодные, безблагодарные и сумасшедшие от несчастий. Каким боком прилепиться к этим человекообразным, чтобы не погибнуть? Но гибель неизбежна».

Однако погиб Клюев не в Колпашеве, в октябре 1934 г. он был переведен в Томск. Судьба дала ему еще несколько лет жизни.

Если уж говорить о Клюеве, то предположений, где погребены его останки, немало. Вот еще одно.

От архивиста-историка Н. Г. Охотина мне попало в

руки письмо Морозова Игоря Константиновича из деревни Великуша Гдовского района Псковской области с рассказом еще об одном страшном, подобном колпашевскому, случае, который произошел, когда он учился в томском коммунально-строительном техникуме.

«...летом 1956 года две группы ПГС-ников должны были проходить строительную практику. Дали нам строить на пустыре возле Томской пересыльной тюрьмы, у самой стены закрытого для захоронений старинного <...> польского кладбища, здание то ли собственного техникума, то ли артиллерийско-зенитного училища.

Начинать надо было с котлована. Расчетная глубина промерзания в Сибири 2,5 метра, и, следовательно, котлован должен быть глубиной в 3,9 метра. Рядом с нами работала бригада нормальных строителей. Они кувалдой разбивали на бутовый камень скульптуры и памятники польского кладбища и бетонировали фундамент 100-квартирного дома через улицу напротив.

Меня назначили бригадиром этого сводного отряда. Студенты <...> сделали забой, копали, естественно, лопатами, а грунт катали наверх тачками. На пустыре рос могучий бурьян, и из бараков, где жили с семьями надзиратели тюрьмы, ежедневно на веревке приводила коровушку старушка.

Однажды, когда я с прорабом Пятовым из подрядного управления закрывал наряды, меня позвали в котлован. Студенты густой толпой окружили место в забое, где что-то раскопали двое, Тамара Крузова и Францев. Обвалилась тяжелая глиняная стена забоя и <открылось> жуткое зрелище. Бесспорядочно, вперемешку с узлами и чемоданами, лежали не скелеты, а люди, но их тела были не из мяса, а из чего-то похожего на воск или мыло*. Со многими стало плохо. Я попросил всех уйти, а сам пошел звонить директору техникума Горбенко. Он оказался на месте, выслушал меня и обещал приехать.

Часа через два на двух «Победах» приехали какие-то руководители. Наши доброхоты на совковой лопате

* Жировоск, образуется из мягких тканей трупов при нахождении тела в болотистой почве.

подали голову в зимней шапке с истлевшим верхом. На лице черепа сохранились ткани, из головы текло, а вот все зубы были из золота красноватого, а не желтого цвета. С краю лежал чемодан, сооруженный, видимо, каким-то сельским умельцем. Чемодан из досок, хорошо выструганный, соединенный «в шип», отлакированный черным лаком и с какой-то комодной ручкой. Меня попросили открыть чемодан. Несмотря на нарядный лак, чемодан подгибался и легко развалился. В нем — беспорядочно скомканное белье, шевцотовый черный костюм, несколько книжечек стихов, одна из них — «Москва кабацкая», фотографии и две полных, запечатанных коричневым сургучом бутылки довоенной «Московской особой» водки. <...> Все стали удивляться, что за могила? А старушка с коровушкой на веревке сказала: «Э, милые! Да тут весь Каштак на костях стоит». На одной из фотографий были двое, С. Есенин и мужичок в шляпе. Книжки и фотографии начальство забрало с собой. После их отъезда мы раскупорили бутылку, поюхали — пахнет водкой. Пить не решились ни я, ни заядлые алкаши Сеня Влох и Леха Шахманов. Юра Чупрунов спросил, что делать с золотыми зубами, он их наломал пригоршню. Мы его откладывали за мародерство, и он при нас забросил зубы в картофельные грядки. На следующее утро мы к работе не приступили. Нам разрешили несколько дней отствовать, а я остался, чтобы закончить с проработом наряды. Снова пришла старушка с буренкой и рассказала, что она вдова надзирателя еще с царского времени, а могил таких еще много. Когда в 37 году арестованных со всей Западной Сибири свозили в Томск, то в самой тюрьме места не было. Люди с вещами ждали ночи во дворе. А тем временем уголовники на пустыре копали ямы. Ночью арестованных без суда и следствия по пять человек выводили на пустырь и из наганов выстрелами в голову убивали, сваливая в ямы вместе с вещами. Решение тройки НКВД выносилось после, по мере канцелярских возможностей.

Пока студенты вынужденно отдыхали, были наняты на временную работу «зансточенские» татары (бравшиеся за любые хорошо оплачиваемые работы) и, по цене 25 рублей за 1 куб. м покойников, ночами их куда-то вывозили. В 1959 году, в первую годовщину окончания техникума, я приехал на вечер встречи, и мне

рассказали, что Горбенко теперь уже в техникуме не работает, а работает мастером в РСУ после исключения из партии. Он, оказывается, был членом тройки НКВД, в звании майора руководил этой малопочтенней организацией и, видимо, знал об этих ямах на пустыре»*.

И все-таки — не могу объяснить почему — как-то особенно щемит сердце, когда выплывают из бездны совершенно бывшестные имена. О Клюеве уже не забудут, он творчеством своим создал память о себе. А кто не успел, не смог? кто, оболганный, забытый и уже никому не нужный, лег костьми, по которым ретивые служаки карабкались вверх? и память о ком уходит на глазах с уходом старшего поколения?

Существует ли иной, равный по цинизму способ надругаться над тем, что люди называют смыслом жизни, — без всякой нужды, походя растоптать чужую незнакомую жизнь и тут же забыть о ней?

Удалось узнать, что колпашевскими органами НКВД среди многих других были схвачены: работник профсоюза учителей Леонсон, прокурор Пинчук, хирург Ной Яковлевич Иоффе, работник исполкома Ермолович, ленинградцы Александр Ильич Светланов и Евгений Арсеньевич Потехин, первый секретарь Нарымского окружкома Карл Иванович Левин, врачи супруги Кузнецова. Трагически погибла другая семья — Девятовых. Муж был арестован, жена потеряла с горя рассудок и покончила с собой, бросившись в прорубь на Оби. Без родителей остались двое детей, учившиеся в то время в девятом и пятом классах.

Ермоловича называли жертвой оговора. Вспомнил Ермоловича и бывший председатель РИК Колпашевэ Большаков А. М. — без особого сожаления. По его словам, Ермолович, работавший в военном отделе (исполкома? — В. З.), был осужден как колчаковский осведом

* Когда я передал томскому отделению «Мемориала» этот отрывок из письма Морозова, оказалось, что томичам удалось получить документы, свидетельствующие о том, что Клюев был расстрелян в томской пересыльной тюрьме. До этого в ходу было две версии. По одной из них, Клюев умер в лагере, в бане, в результате нелепой случайности. По другой — был выпущен на свободу в поезде тяжко простудился, был высажен на каком-то полустанке, где и скончался.— Прим. 1989 г.

митель. Но это как раз возможность говора не исключает.

Известно, что на свободу вышли Левиц К. И. и Иоффе Н. Я. Последнего из них незадолго до войны видели в Томске. Скрюченный и изможденный, выглядел он очень плохо. Говорил, что в тюрьме его страшно били и, вероятно, повредили позвоночник. А погиб он позже, на Курской дуге.

Может быть, о судьбе кого-то из этих людей могли бы рассказать их дети и внуки? После ареста отца уехал из Колпашева сын Рахметова Эрик. Где-то в Москве живет дочь Девятова Галина (в замужестве — Кузьменко), ее муж Иван Кузьменко одно время работал врачом в ансамбле песни и пляски Советской Армии под управлением Александрова.

Еще одно имя — пианистка Мария Александровна Морозова.

В конце марта 1936 г. в Колпашеве состоялись концерты Рейнгольда Морицевича Глиэра. Они были даны в шефском порядке, два в один день, и перед гастрольной поездкой в Сибирь заранее не планировались. Большой мастер захотел сделать подарок сибирякам. Находясь в Новосибирске, он обратился с открытым письмом к редакции газеты «Советская Сибирь», где, в частности, говорилось: «изъявляю желание обслужить северный район края и отправиться на самолете с ансамблем, состоящим из артистки К. А. Булгаковой и балетной пары Г. Е. Кениг и Н. В. Гаев,— в Колпашево».

Ему помогли. После не слишком комфортабельного перелета Рейнгольд Морицевич очутился, как ему казалось, в самой-самой сибирской глубинке. И каково было удивление Глиэра, когда в этом маленьком городке, в таком отдалении от столичных центров, он не только нашел людей, способных по достоинству оценить серьезную музыку, но и нашел свою собственную музыкальную жизнь. Да, в Колпашеве — «бугре глины, усеянном почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссылыми»,— были свои таланты. И в первую очередь — Мария Александровна Морозова, прекрасная пианистка с редкостным педагогическим дарованием. Именно благодаря ей преподавание музыки

здесь было поставлено столь высоко, что это вызвало у Глиэра радостное изумление.

Давно замечено, что истинный талант способен яркой своей силой выветрить одаренность и в других. Среди немногочисленных колпашевских интеллигентов к музыке было особенное отношение. Любопытная деталь: когда преподавателю математики Евгению Арсеньевичу Потехину — ученики его звали Бессемером — надо было навести порядок во время перемены в расшумевшемся классе, он не говорил ни слова садился за фортепиано. С первыми же аккордами всякий шум тотчас прекращался. Затрудняюсь представить себе подобную сцену в школе, где учился я.

«Кого любит Бог, тот любит музыку...» — кажется, так говорят итальянцы?

Одним из островков культурной жизни в Колпашеве был дом № 16 по ул. Советский Север. Когда-то — да и сейчас некоторые старожилы помнят об этом — он назывался «домом просвещенцев». Жили там в основном учителя и работники окружного отдела народного образования. Жили дружно, с общими для всех праздниками и горестями. И когда началась полоса арестов — бессмысленных, жестоких, — то терзали они маленькую коммуну просвещенцев, словно один живой организм, с садистской методичностью по кусочкам вырывая из него живую плоть. Были тогда арестованы и Потехин и Морозова.

Многие из этих подробностей я узнал от Галины Михайловны Никифоровой, которая и сейчас живет в Колпашеве. Печальная ее собственная судьба. В 1937 г., когда ей было 14 лет, она потеряла отца, Смирнова Михаила Георгиевича.

Их семья также жила в «доме просвещенцев». Отца Галины Михайловны арестовали 3 сентября 1937 г. Сотрудников НКВД было трое. Признаться, в рассказе Галины Михайловны меня ошеломила ее фраза о старшем опергруппе, Калинине: «он был человеком порядочным». Век живи, век удивляйся незлобливости русского характера... Оказалось, что, производя обыск, Калинин заметил под вазой облигации государственного займа, но не позволил их забрать своему подчиненному. Тот тоже заметил облигации и протянул было к ним руку, но Калинин его остановил: «Здесь ничего

нет», — и поставил вазу на место. Сотрудники тогдашнего колпашевского НКВД не отличались чистоплотностью и порой не гнушались во время обысков набивать себе карманы. А те облигации позже очень пригодились семье. Ее бедствия только начинались.

Когда Галина Михайловна вспоминала былое, у нее в глазах стояли слезы, и мне вдруг стало не по себе.

Хочу быть понятым — правильно и точно. Представьте себе, что вы идете в чужой дом, чтобы узнать какие-то факты, фамилии, даты. Короче говоря, вас интересуют сведения, информация. И вдруг сталкиваетесь с живой болью. И за пятьдесят лет рана не зарубцевалась. А боль какая-то особенная. Словно бы замкнутая сама в себе, словно бы сама от себя уставшая. Словно бы боль эта уже и не надеется ни исцелиться, ни ослабнуть. Потому что не может этого сделать, не умеет. И даже быть в полной мере понятой и прочувствованной другим человеком тоже не рассчитывает.

Мы стали какой-то другой породой людей. Стали слишком склонны к умозрительности и слишком смертны. Уж слишком быстро в нас вымирает человеческое. Всего половина жизни позади — а сама способность человеческой души страдать вот так, в течение пятидесяти лет, приводит в смятение...

В доме Никифоровых память о Михаиле Георгиевиче чтут свято. И днем поминовения служит тот день, когда его навсегда увели.

...а ведь я нечаянно исказил слова Галины Михайловны. Не сразу это заметил. Она сказала: «Калинина считали человеком порядочным». Может быть, и случайное, но отличие есть.

Смирнов Михаил Георгиевич родился в селе Павлово под Ямбургом. Окончил Петербургскую учительскую семинарию, затем — Четвертую Петергофскую школу прапорщиков. С 1915 г. в рядах русской армии, в боях участвовал с 1916 г., но успел отличиться. Был награжден орденами третьей степени Св. Станислава и Св. Анны с мечом и бантом. Революцию 17-го года принял с надеждой. Выходец из крестьянской семьи, он как и многие, поверил в декрет о земле и с ним связывал бу-

дущее России. Вот примечательный эпизод из жизни Смирнова: явившись в дворянское собрание, призывал офицеров перейти на сторону Советов. В него стреляли, но промахнулись.

В гражданскую войну Михаил Георгиевич воевал на стороне Красной Армии. Участвовал в переходе через Сиваш. Одно время служил в армии Тухачевского, знал его самого. Командармом Тухачевским был подписан его воинский билет. Не исключено, что имя Тухачевского и стало непосредственной причиной гибели Михаила Георгиевича.

После гражданской войны он оказался в Томске, где встретился со своей будущей женой, Зинаидой Васильевной. В Колпашеве Михаил Георгиевич занимался тем, от чего был надолго оторван военными временем: учительствовал. Он был первым директором школы № 1 в Колпашеве, преподавал математику.

В августе 1937 г. на короткий срок он уехал по служебным делам в Томск. И у Михаила Георгиевича был шанс спастись. Его друг, Кипреян Петрович Баллот, успел сообщить, что им интересовались люди из НКВД, и посоветовал не возвращаться. Но он вернулся. В Колпашеве оставалась его семья. Да и не знал он за собой вины.

Его арестовали через несколько дней.

...через два года после той памятной поездки в Колпашево летом 1987 г. мне встретилась публикация В. Костина в «Социалистической индустрии» (22.03.89), выразительно свидетельствующая, что предшествовало арестам. В публикации той рассказывалось о покаянных откровениях некоего Ильясова, работавшего когда-то председателем райисполкома. «Круг забот известный. Но вдруг ежедневно за час до окончания рабочего дня меня и первого секретаря райкома партии стал вызывать к себе начальник НКВД района... Когда мы первый раз собрались втроем, начальник взял шифровку и зачитал: «...Сегодня надлежит заготовить двадцать быков». Мы недоумение молчали: ну и что? Обращайся, мол, к заготовителям... Но начальник буквально вложил каждому из нас в руки по толстенной книге со списками жителей района. И еще похвалился:

— Мы имеем списки жителей всего района с необходимыми сведениями о каждом. <...> Я без вас уже

подобрал десять человек из колхозов и МТС, а вы теперь добавляйте по пятерке своих,— последовала команда.

— Каких это «своих»? — удивился первый секретарь райкома.

— Пять из райкома и пять из райисполкома,— и захихикал тихоненько.

И мы поняли, о каких «быках» идет речь в шифровке <...>

На следующий день опять звонок, и опять нужно «заготовить 20 быков». И на третий, четвертый... десятый день... <...> Более 200 человек из района забрали, а шифровки все шли... <...>

В один из таких вечеров сижу, вожу пальцем по страницам в книге переписи населения и чувствую: схватило за живот. А мне же еще троих записать надо, а найти с провинками никого не могу... Ну, думаю, сейчас выйду на двор, так он меня самого и впишет. В двух соседних районах председателей уже замели... Но терпеть дальше не было мочи, и я пошел, вернее, побежал во двор. А вдогонку мне весело так:

— Ага, пребрало?! То-то! Это тебе не пустые бумаги подписывать! Людей на смерть посылаешь!

Вернулся я, дописал в список недостающих троих: своего заместителя, заведующего райзо и директора школы. Писал и надеялся, что не посмеет он всех трех — видных людей района — забрать. А чекист прочитал, похвалил...»

Такой вот рассказ. И тут упомянут директор школы. А знаете, где это происходило? — все в той же Томской области. Более того, дважды в газетной публикации упоминается Колпашево — и автор статьи, и бывший председатель райисполкома встретились в 1954 г. именно там. Но злоупотреблять догадками не будем. О чем можно говорить определенно, так это о том, что из Новосибирска в Колпашево — край-то один — летели тогда точно такие же шифровки... (Прим. 1989 г.)

В то время самой Галине Михайловне было четырнадцать лет. Каждое утро она прибегала на улицу Дзержинского к зданию НКВД и ждала, когда откроются ворота. Это случалось крайне редко. Иногда арестованных маленькими партиями угоняли по этапу. Их

вели к баржам, чтобы по реке отправить в Томск. Но ожидание было напрасным. Чуда не произошло. Отца не отпустили. И среди уходивших к пристани его не оказалось.

Позже матери удалось через знакомую в Томске узнать, что в списках, где регистрировались все доставленные в Томск арестанты, Смирнов Михаил Георгиевич не значился (впрочем, как и Пничук и Ермолович, которых забрали в НКВД тогда же).

Из «дома просвещенцев» семья была выселена. Правда чадоны, они любили Михаила Георгиевича... Старшей дочери Смирнова, Ниине, учившейся в институте, предложили на комсомольском собрании отречься от отца как от врага народа. Она отказалась: «Сегодня отрекусь от отца, завтра — от Родины...»

Эх, знать бы, как сложились судьбы тех комсомольских вожаков, которые тогда занимались идеологическим мордобоем? Воевали или в силу особой своей идейной зрелости стояли с автоматами сзади, в заслоне? И главное — какими людьми выросли их дети и внуки?

За своих детей Смирнову стыдно бы не было.

Об отце Галина Михайловна ничего не слышала до 1951 г., когда ее неожиданно вызвали в МГБ. Первым чувством был страх. В четырнадцать лет дочь потеряла отца, и еще ровно четырнадцать лет, регулярно подвергаясь травле, она прожила на положении изгоя. Ей было чего бояться...

Но это была реабилитация. Посмертная реабилитация. В числе немногих он был оправдан еще до смерти генералиссимуса. Следователь Челноков был куда внимательнее и любезнее тех людей, у которых Галина Михайловна когда-то пыталась узнать о судьбе отца. Дело Смирнова было на редкость скучно и состояло едва ли не из единственного протокола допроса, написанного совершенно безграмотной рукой. Директору школы стала вину контрреволюционная деятельность в Сибири, организация мифической подпольной армии, укрывательство складов с оружием и прочая подобная же чушь.

Но под всем этим бредом стояла подпись Михаила Георгиевича. Он расписался не так, как обычно расписывался под документами, полностью выписывая свою фамилию, а ограничился закорючкой — как в ученических дневниках. Почему? Кто знает. Из объяснимого

разве что безысходностью ситуации безразличия к собственной участи? Или сама подпись была обыкновенной подделкой?

А следователь, которого Галина Михайловна спросила, как мог отец подписать подобную ахинею, позволил себе откровенность:

— Скорее всего, у него не было выбора. Ему могли угрожать, что в противном случае они заберут всю семью.

Тогда же Галине Михайловне сообщили, что Смирнов Михаил Георгиевич скончался от эмфиземы легких в 1945 г. Но ведь известно, что на самом деле означал приговор «десять лет без права переписки». Расстрел. Фальсификация дат смерти для «умиротворения» родственников практиковалась в те годы широко. Повторяю, никаких следов в томской пересыльной тюрьме обнаружено не было. Не было Смирнова и среди угоняемых к пристани, а до завершения навигации оставалось мало времени. Да и не в духе той эпохи было затягивать судебные фарсы, на них тратили не месяцы, а минуты.

Взглянуть на фотографию Михаила Георгиевича не удалось. У семьи ничего не осталось: ни фотографий, ни писем. Все было изъято во время ареста сотрудниками НКВД. Не нашлось фотографий и в школе, где он когда-то работал.

Зато в опубликованном фрагменте письма Глиэра, которое тот написал из Колпашева 30 марта 1936 г., можно прочитать: «посылаю фотографии, где снята аудитория из учащихся и учителей». Вот эти фотографии должны были сохраниться. И на них, пожалуй, можно найти и Смирнова, и кого-нибудь из его коллег, погибших в те годы. Тех, кто мог лежать в братской могиле на берегу Оби.

В изданном двухтомнике воспоминаний и статей Глиэра одна из колпашевских фотографий опубликована — но без аудитории, к сожалению. Сделана она, вероятно, в клубе «Динамо» — том самом, что стоял в сотне метров от места расстрелов.

Был знаком со Смирновым Большаков, вспомнил о нем с грустью.

Место могилы Михаила Георгиевича неизвестно.

Уверен, что она была там, на яру... Когда крушили берег, Галина Михайловна стояла рядом. Молодой человек в штатском, из приезжих, попытался ее прогнать. Сквозь слезы она ответила: «Здесь лежит мой отец». Тот молча отошел. Теперь и этого следа не земле нет. Что ж, пусть хотя бы этот рассказ заменит ему надгробный камень.

3

А вот это надгробие в целости и сохранности. На колпашевском кладбище можно найти расширяющийся кверху, наискось срезанный камень с надписью: «Волков Александр Данилович. 11.X.1911—25.XII.1979. Любимому и дорогому мужу и отцу». На белом мраморе не звезда, как на многих других надгробиях, а черный крест. Впрочем, я не вполне прав, что надгробие в целости и сохранности — не то сорвана, не то отлетела фотокарточка.

Этого-то человека, бывшего сотрудника НКВД, едва ли не в один голос называли исполнителем смертных приговоров.. В городе живут жена, сын и дочь Волкова, и это гнетет. Слышал о них только хорошее. От пересудов за спиной, надо думать, они натерпелись достаточно.

Что касается причастности Волкова к расстрелам, чаще колпашевцы в своих рассказах начинали словами «говорят...» Но были и свидетельства вполне определенные, исключающие друг друга.

Одно из них — Александра Павловича Глазырина. Он — из загубленного войной поколения 1923 г., был из фронта, а вернувшись, по комсомольской путевке пошел в 1949 г. «на Дзержинку». Многие из прежних сотрудников продолжали работать. Кроме того, позже Глазырину самому приходилось участвовать в просмотре тех дел. В информированности его можно не сомневаться.

Пожалуй, разговору нашему недоставало откровенности. Александр Павлович сглаживал кое-какие углы, я каких-то вопросов не решался задавать. За рамки официальной версии о дезертирах мы не выходили. Но в отношении Волкова он был категоричен:

— Его оговорили напрасно.

По словам Глазырина, тот работал в НКВД приблизительно с 1944 г. надзирателем внутренней тюрьмы, но ее скоро ликвидировали, и в дальнейшем Волков был лишь телефонистом на коммутаторе. Почему Волков не попал на фронт? Александр Павлович только развел руками. Но в главном Глазырин был тверд: Волков к расстрелам никакого отношения не имел. Как-то неявно предполагалось, что истинного исполнителя приговоров Глазырин знает. Да только мог ли быть такой отдельный палач? Здравый смысл подсказывает, что в системе НКВД должна была действовать система круговой поруки. В убийстве людей повинны слишком многие. Может быть — все без исключения...

А вот по словам Леонида Сергеевича Коновалова, также фронтовика, также коммуниста с изрядным стажем, Волков сам признавал свое участие в расстрелах, даже рассказал об одном эпизоде. Ему было приказано расстрелять молодого парня. Делалось это так: человека вели к яме и неожиданно производили выстрел в затылок. В тот раз то ли первы у Волкова не выдержали, то ли руку свело. Он промахнулся. Пуля лишь зацепила ухо. Парень повернулся и дико закричал: «Мама!» Тогда Волков выстрелил еще раз.

Может быть, эта история относится к еще более ранним временам? Имя Волкова однажды упоминали и в связи с делом Толстыгина.* Якобы тогда ему чудом удалось избежать суда. А может быть, это попросту самооговор?

И этого нельзя исключить. В конце жизни Волков стал религиозен, регулярно посещал татарскую церковь (своей в Колпашеве нет). И когда вскрылось захоронение, колпашевцы стали поговаривать, что Волков, мол, старые грехи замаливает...

В общем-то можно допустить, что человек в подобной ситуации не только не отрицает обвинений, но даже готов сообщить «подробности». Действует по принципу:

* В начале 30-х годов комсомольский вожак Матвей Толстыгин, член самосуда, расстрелял на старом цыганском кладбище (в районе магазина № 24) немало невинных людей. Во время одного изочных расстрелов кому-то удалось бежать, о действиях Толстыгина узнали в Новосибирске. По делу Толстыгина были осуждены 15 человек. Четверо, в том числе сам Толстыгин, были приговорены к расстрелу. В тюрьме Толстыгин покончил с собой, вскрыв себе вены.

клин клином вышибают. Если к тому же душа ищет покаяния, если человек тяготится сознанием неправо прожитой жизни... Кто может взять на себя смелость утверждать, что не могло быть ничего подобного?

Те, кто его не знал вообще или знал мало, чаще говорили о нем с неприязнью, в причастности Волкова к убийствам не сомневались. Зато те, кто знал его хорошо, говорили, как мне показалось, с некоторой осторожностью. Нет, сам факт того, что Волков мог выполнять обязанности палача, не отрицали, а словно бы не хотели, чтобы о Волкове была сказана... неправда, что ли?

На мрачного злодея он никак не походил. Малограммий, но живой, любил побалагурить, подшутить над кем-нибудь. Смешно изображал, как расхаживает по своему кабинету начальник НКВД. Внешность достаточно заурядная: невысокого роста, круглицый, с острым носом, светловолосый. Но был силен, ловок и подвижен. В молодые годы даже входил в число лучших лыжников Сибири на длинных дистанциях. Его и сейчас часто вспоминают как Сашку Бегуница. Лишь по собственной оплохиности, перепутав на финише разметку маршрута, не смог завоевать «серебро» на крупных соревнованиях в Москве.

Страстно любил охоту. Сам чадон, он и других коренных сибиряков удивлял своим умением. Мог, к примеру, сесть на пенек, положив один конец длинной палки себе на грудь, а другой — на землю, и особым свистом подманивал бурундуков (отличающихся, кстати, большой осторожностью). Когда же бурундук по палке подходил к самому лицу, ловил его петлей, сделанной из конского волоса.

Что я еще знаю о Волкове? Беспартийный, но в комсомоле в свое время состоял. Очень любил порядок, дисциплину, и когда ее кто-то нарушал, воспринимал это едва ли не с обидой. Сам был исключительно исполнителен.

И еще у него был отличный голос. По иным рассказам он даже пел в церковном хоре, но это не так. К клиру тогурской церкви он отношения не имел. Но легко себе представить, что во время службы частенько подпевал хору. «Кого любит Бог, тот любит музыку?»

Случалось, что верующие старушки, называя Волко-

ва душегубом, гнали из церкви. Изгоняли и из рейсового автобуса, который ходит между Колпашевым и Тогуром. Но последним из последних, как я понял, он себя не считал. Не только приходил в церковь сам, но и поучал других, убеждая некоторых из своих знакомых обратиться к вере, читать Библию. О себе же говорил: «Только теперь я знаю жизнь истинную и знаю, что буду жить вечно».

Хорошо знала Волкова Галина Михайловна Никифорова. Тот был к ней как-то по-особенному расположен. После того, как у нее лет пятнадцать назад начались нелады с сердцем, Волков стал к ней еще внимательней, частенько предлагал мед (на другом берегу Оби у него была пасека).

— И все-таки какой же он был неприятный человек, — вдруг сказала Галина Михайловна.

— А когда вы стали испытывать к нему неприязнь? После того, как река размыла могилу?

Ненадолго задумавшись, она честно признала:

— Да, после.

Последняя подробность: когда-то Волков был учеником Михаила Георгиевича Смирнова. Так что на чердаче в доме Волкова мог заваляться старенький ученический дневник с такими же точно закорючками вместо подписи, какую Михаил Георгиевич поставил под протоколом. По сути дела, под собственным приговором. Разум может помутиться при допущении, что в узком подземном коридоре, ведущем в могилу, судьба чрезвычайно исполнительного сотрудника НКВД, комсомольца Волкова, могла сойтись с судьбой его бывшего учителя. Это было бы уже слишком...

«Среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в белой футболке и кепке, знак ГТО на груди у него...»

Черт с ним. В любом случае, Волков — человек маленький. Исполнитель приказов. Каких именно — пока доподлинно не известно. Может быть, и убивал. Но говорить только о нем, не вспомнивая о тех, кто эти приказы отдавал, по меньшей мере несправедливо. И все-таки рассказать о бывшем надзирателе внутренней тюрьмы НКВД стоило. Уж не знаю, как передать то смя-

тение, которое я испытал сам, когда понял, что уводил людей в колпашевскую яму какой-то самый обыкновенный парень с комсомольским значком на гимнастерке, с политической полуграмотой в голове, со своими семейными заботами... Это и страшно: даже среди тех, кто убивал невинных, незаменимых людей не было.

А не было ли людей, прямо заинтересованных в том, чтобы Волков ходил в палацах? И кто слухи эти специально поддерживал? Не исключено. Он фигура для отговора очень удобная. В скором времени после размыза берега Волков умер, выгораживать себя не будет.

Рассказать правду о могиле на яру, о том, кто был там расстрелян и кто расстреливал, могли бы разве что те люди, которые когда-то работали в двухэтажном здании на улице Дзержинского. Если бы захотели, конечно. Да и многих уже попросту нет в живых. Но некоторые фамилии, которые я слышал в Колпашеве, из всякий случай назову, хотя возможны и ошибки. Часто люди попросту путали милицию, НКВД, НКГБ и не делали различия между годом 37-м и 57-м, а фамилии следующие: Иштван Иштванович Мартон, Калинин, Карташев, Подоплеев, Карпов, Давыдов, Павел Ежовкин, Шемнев, Кульменев, Федор Шендель, Иван Алексеевич Кондратенко, Захар Павлович Шкодский, Воронин, Константин Миронович Ожерельев, Тилисин, Александр Иниокентьевич Терентьев, Александр Павлович Глазырин, Юрий Алексеевич Левицкий, Григорий Антонович Ракитин, еще не то Краснопольский, не то Красносельский.

У вдовы окружного прокурора Литосова должны были сохраниться собранные ее мужем газетные вырезки о тогдашних процессах. Жив-здоров Анатолий Родиков, который работал в милиции, но ему приходилось перевозить арестантов в НКВД. Он может знать что-то о тех, кто попадал туда.

Теперь то немногое, что я знаю об этих людях.

Мартон, венгр по национальности, был начальником НКВД приблизительно в 1937 г. Сам был арестован и отсидел в лагере два или три года. Карпов и Подоплеев работали в НКГБ в 1945 г. Ожерельев, заведовавший клубом «Динамо», много лет назад покончил с собой. Был в свое время репрессирован Шкодский. По одним рассказам, он сам прежде принимал участие в арестах. По другим — был всего лишь завхозом или комендантром,

попал под суд за растрату. Кондратенко после войны работал зампредседателя горисполкома (вот уж о ком отзывались скверно!) Жив Ежовкин, работавший участковым НКВД, якобы сидел за изувечительство. Живы Терентьев, Ракитин, Левицкий. О Левицком, кстати, очень хорошо отзывалась Галина Михайловна Никифорова, которая его помнит со школьной скамьи. Левицкий воевал, награжден многими орденами и медалями, а «из Дзержинку» пришел работать приблизительно тогда же, когда и Глазырин...

Да, еще в этот список следовало включить Волкова. А ведь и я, рассказывая о Волкове, словно бы боялся какой-то лжи... Понял это сейчас. Если его признание — сущая правда, оно само по себе кое-чего стоит. Другие-то молчали, молчат и будут молчать. Об одном бывшем сотруднике НКВД далеко не геройского склада сказали так: «даже не скользкий, а склизкий человек, когда берег обвалился — шесть запоров на дверь поставил».

Если Волков сказал правду... то-то и оно, что сказал ее.

По большому счету на это еще не решилась вся страна.

4

Ладно, если уж выворачивать душу, то начинать надо с себя... Есть во всей этой темной истории одно совсем уж темное обстоятельство, о котором упомянуть сразу язык не повернулся. Показалось — проще промолчать. В Колпашеве упорно поговаривают, что в могиле на яру встречались и останки детей...

Дико? Вот и я испытал что-то вроде шока, когда впервые услышал об этом. Уж какие там политические репрессии! Прикрываемая законом самая грязная уголовщина. Так суть дела, пожалуй, ясеней.*

* О принятом весной 1935 г. законе, по которому к высшей мере наказания могли быть приговорены дети с двенадцати лет, мне стало известно из печати уже после написания очерка. Следом же прочитан Шаламов, в 89-м гримнул «Архипелаг ГУЛАГ»... Как же это меня сподобило о Колпашеве писать, печные эти письмена в руках даже не подержав? — и теперь тогдашние свои переживания наивными кажутся.— Прим. 1992 г.

Неужели такое может быть правдой? Этот вопрос задала в горкое партии Антонина Ивановна Панова, заслуженная колпашевская учительница. Важный для нее вопрос. Всю жизнь учила детишек истории, награждена орденом Ленина. Да только той ли истории, настоящей? Ей ответили приблизительно так: «А вы сами видели? Нет? Не было там детей. Расстрелянны — дезертиры. Ну, были среди дезертиров и остыки...» Остыки — это коренное нерусское население здешних мест, правильнее бы их называть селькупами. Остыки малорослы, именно поэтому горкомовские товарищи постоянно упоминали о них и в других случаях. Так что самый факт того, что в колпашевской могиле встречались останки, которые можно было принять за детские, высоченным из пальца никак не назовешь.

Ну, а дальше, дальше-то как быть? Сказать по совести, страусовая философия так разъела душу, что я сам рад любой зацепочки, лишь бы усомниться в этой мерзости. Да, я без особого труда нашел двух колпашевцев, которые видели могилу своими глазами и говорили о детских останках. Разыскать этих людей не трудно, адреса сохранились. Один из них, когда коснулись версии об остыках, только горько усмехнулся: «Никогда не видел остыков с грудной клеткой, словно у десятилетнего ребенка». Даже если так, готов допустить, что ребенок попал в тюрьму вместе с родителями случайно и не был застрелен, а умер от крупозного воспаления легких, чахотки, менингита (почему-то от этой мысли вроде бы легче).

И в рассказе Волкова присутствовала существенная подробность: тому парнишке, которого он убил, было лет пятнадцать-шестнадцать. Потому, собственно, и дрогнула у служивого рука. Что ж, согласен поверить в самооговор.

Наконец, несколько раз слышал в Колпашеве о бабе в шубе или тулупе, которую принесло течением в заводь у пристани. Якобы на руках у нее был грудной младенец. Готов допустить, что произошла чудовищная ошибка, не было никакого младенца, а был узел с вещами, который толком не разглядели стоящие на берегу.

Более того, спешу сослаться на Галину Михайловну Никифорову, которая не знает ни об одном случае, чтобы в Колпашеве вместе с родителями забирали детей.

Могу сослаться также на Алексея Николаевича Мальцева, у него было достаточно возможностей разглядеть захоронение. Он детских останков не видел.

Так что у меня нет твердого мнения о том, что же могло на самом деле твориться в колпашевском НКВД.

Есть фактическая сторона дела — ее можно установить в результате непредвзятого и объективного разбирательства. Но есть еще и другая, без которой никак не обойтись и у которой свои законы объективной неизбежности. Повторюсь: природа не терпит пустот, а общество — незнания. Если нет достоверных сведений, их заменят слухи, и уже они станут той объективной реальностью, которая будет передана потомству. Было бы цинично думать, чтобы такое событие, как варварское уничтожение захоронения на месте колпашевского НКВД, начисто выпало из памяти людей. Нет, оно утратит остатки достоверности, исказится до неузнаваемости, но не исчезнет, уйдет куда-то в подсознание, станет какой-то малой, но существенной ее частью. Какой? Можно только гадать.

Думаю, что это будет и отчуждение от государства — раз государство не намерено быть с ним, гражданином, правдивым и откровенным. И унижение личности — раз так мало может стоить человеческая жизнь на ничтожном, в сущности, временном отрезке в пятьдесят лет. И, наконец, страх — раз миром правят силы, которые по своей прихоти могут изгонять из жизни неугодных...

Что дальше? Дальше останется лишь ждать — когда гражданин переродится в обывателя.

Может быть, в этом и состоит суть национальной катастрофы, которая уже произошла? Дошедшй до абсурда конформизм давно стал принципом существования целого народа. Новая политика, пришедшая вместе с Горбачевым, дала надежду на будущее, разум общества просветляется, возвращается к жизни истребленное понятие совести. Но если столько лет душой катились вниз, то сколько теперь придется карабкаться вверх? А если не избавиться от того идеологического чертополоха, который совершенно заглушил общественную жизнь, не удивлюсь, если еще через пятьдесят лет какой-нибудь старец — из тех, кто сейчас пребывает в юношестве и знает о колпашевской могиле лишь понаслышке, будет рассказывать небылицы: «А, знаю,

знаю. Как же! Комиссары треклятые в овраг сто тыщ народа загнали — кого попадя, и баб с младенцами одно — и всех из пулеметов порешили...» Или что-нибудь в том же духе.

В обских местах и сейчас подобных историй вам расскажут с избытком — и попробуй доберись до правды. Расскажут и про священнослужителей, уничтоженных в Кетском монастыре, развалины которого еще сохранились на дороге Маракса — Мохово. И про семью крестьян-выселенцев, расстрелянных у села Назино в Александровском районе на севере Томской области. И совсем уж страшные вещи про Назино расскажут. Как на остров поблизости (он так и называется — Назинский) высадили до трех тысяч спецпереселенцев без каких бы то ни было средств к существованию. А в обеих протоках Оби оставили плоты с пулеметами, чтобы никто не мог уйти вплавь (ночи, напомню, в тех краях белые, так что трудно было спастись и в ночное время). Так все эти несчастные, среди которых началось людоедство, и были истреблены — голодом... Кто возьмет на себя смелость утверждать, что эзэсовский газ «циклон Б» был пределом изуверства? Чем лучше та нравственная отрава, которой нас заставили дышать берни, молотоны, ворошиловы, ждановы и прочие иелюди?

Право, загадка: как же были устроены головы ответственных товарищей недавней нашей безголовой эпохи? То, что интеллектом они, как правило, не были обременены, в данном случае не существенно. И что в жизни им важна была исключительно внешняя, фасадная сторона дела, тоже не слишком большое открытие. Если какой-нибудь работяга, тараща счастливые глаза при виде телекамеры, радостно повторял: «Одобряем! Поддерживаем! Сделаем!» — то высокому гостю, ради услаждения ритуальной похоти которого был затеян спектакль, этого было вполне достаточно. И было совершенно наплевать, что про себя работяга думает: «На嚙ь, выкуси! У тебя для нас фига в кармане — так ведь в своем кармане я хозяин».

Но ведь звонкие пачки на груди и мраморные изваяния они любили. Еще как любили! И хоронили друг друга в людных местах. Неужели было безразлично, какими словами, уже вслух, помянет их проходящий мимо потомок? Казалось бы, сами были свидетелями того, что иное из мраморных надгробий просит плевка. Бо-

лее того, своими собственными руками вынесли из мавзолея моши главного изувера (в том смысле своими собственными руками, что голосовали «за»). А про себя забыли. Не подумали, что плевательница может оказаться на их могилах нужнее, чем величественный бюст.

Все-таки поразительно, насколько сильной оказалась ходуйская преданность своему хозяину, которого они сами же скрепя сердце припрятали поглубже в землю. За сделанную в тени его душегубства карьеру? Потому что у самих были руки в крови?

В разговоре с бывшим председателем колпашевского РИК я случайно узнал вот что.

Как я понял, у Большакова нередко бывали местные журналисты, краеведы, и подобные встречи отвечали определенному регламенту — по характеру вопросов. Я же задавал вопросы, для Александра Матвеевича не-привычные. Был он, помнится, одет в полу военный френч, что тоже говорит о давно устоявшихся взглядах на жизнь.

— И это тоже кто-то из административных ссыльных, — сказал он, услышав от меня очередную фамилию. На лице его появилось не то недоумение, не то досада.

Да, конечно, все эти люди, выпавшие из жизни и, подобно чумным больным, вызывавшие тогда в окружающих страх, были малонинтересны ему... Разговор зашел в тупик. Тогда — для разрядки как бы — я попросил:

— Александр Матвеевич, расскажите, пожалуйста, о подавлении кулацкого мятежа на реке Чая.

Об этом событии я успел прочитать в какой-то популярной исторической брошюре, встречал упоминания и на стенах краеведческого музея. Реакция Большакова меня удивила. Ему очевидным образом было неловко — за тех, кто писал брошюры и оформлял стенды.

Оказалось, что реальные события лишь с очень большой натяжкой можно было именовать мятежом. Среди спецпереселенцев пошел слух, что большевистское правительство в Москве развалилось. И они решили установить свою собственную власть. Акты насилия с их стороны ограничились тем, что были взяты под стражу несколько милиционеров-командантов. Вот и все. Ни о

каких смертоубийствах, грабежах и прочих бесчинствах и речи не было. При желании можно было уладить дело миром — но за это орденов не дают.

Для наведения порядка был направлен вооруженный отряд под командованием Ивана Ивановича Долгих. Надо отдать ему должное — это был человек не робкого десятка. Переодевшись, в одиночку отправился в деревню (или по опыту знал — серьезного отпора не будет?) Нашел школу, где сидели под замком представители власти, о чем ему простодушно сообщил охранявший их старик с берданкой. Старика этого Долгих застрелил из спрятанного под полой маузера. Потом — еще одного, выскочившего на выстрел с березовым дрыном. На том подавление «мятежа» и закончилось. Позже состоялся суд. Многие крестьяне были осуждены, а засинщики — расстреляны.

Большаков вдруг ожился.

— А ведь наш Долгих — это отец того самого Долгих, кандидата в члены Политбюро. Он был одним из руководителей Сиблага.

Мать честная! Весьма любопытное обстоятельство — если Большаков ничего не перепутал, фамилия Долгих в Сибири встречается часто. Тогда тут не только холуйская преданность, но даже родственная преемственность. Да, нелепо ждать в данном конкретном случае покаянных откровений, ордена Долгих-старшего, наверное, до сих пор хранятся в семье...

Кстати, на процессах 30-х годов использовалось и обвинение в организации кулацких восстаний в Сибири. И на реке Чая тоже?

Колпашевская история — лишь маленький эпизод в недавней общей политике сокрытия преступлений сталинского режима. Даже сама попытка говорить об этом была наказуема. Но по странному стечению обстоятельств одна из статей уголовного кодекса, которую для этого использовали, — 190¹ (предусматривающая ответственность за распространение заведомо ложных слухов, порочащих советский государственный строй), соседствует со статьей 189, которая предусматривает наказание до пяти лет за укрывательство преступлений. Военные преступления, геноцид не могут иметь срока давности, и уже поэтому прежнее руководство

нашей страны в народной памяти должно остаться преступными пособниками сталинизма.

Даже по меркам безголовой эпохи уничтожение захоронения в Колпашеве — редкостный пример нравственного мародерства. Власти затеяли втихую упрятать концы в воду — хотя уже этого не следовало делать, — а в итоге устроили то, что тот же Коновалов с горечью назвал «комедией на реке».

И, вдобавок, дикие эти слухи — детей убивали.

Безграничая и бесконтрольная власть всегда порождала и будет порождать злоупотребления. Не мы первые, не мы последние. Так что ж? Проблема эта должна решаться просто. Личной ответственностью. Совершено преступление — ищите преступника, у которого есть имя и фамилия. Не было преступления — заявите во всеуслышание. Почему бы не проявить минимум уважения к общественности? Почему бы не привлечь к разбирательству хотя бы патологоанатомов колпашевской больницы в качестве ее представителей? Так нет же, наоборот, запретили вскрывать случайно попавшие в морг трупы. Откровенное издевательство над здравым смыслом, и над совестью.

Но будем честны с собой. Тогда в Колпашеве происходило то, что не могло не происходить. Так что вряд ли имеет смысл называть фамилии тогдашнего городского начальства. Уточнить, кто пошел на повышение в Томск, а кто застрял в колпашевской болотной изнинке. На месте этих фамилий легко представить любые другие. Наоборот, невозможно представить иное, более разумное развитие событий. А если нечто подобное повторится? Не в Колпашеве, так в другом конце страны? Ведь таких ям тысячи. А кто-то и сам может проявить инициативу. Теперь ведь понятно, где искаль. Понинтересоваться у стариков, где была тюрьма НКВД, — вот и все...

Да и что я заладил: городские власти, городские власти... Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что решения принимались не на уровне горкома партии. Все лето на спасательной станции прожили двое чужаков. Были они одеты в спортивные костюмы, но о ведомственной принадлежности гадать особенно не приходится. В их обязанности входила ликвидация трупов, если таковые будут обнаружены на реке. Порази-

тельно, но за все это время они ни разу не обратились друг к другу по имени. Школа, что и говорить, хорошая. На прямой вопрос — как звать-то? — один из этих малых мрачно пошутил:

— Меньше будешь знать — дольше проживешь.

Спасатели — интерес сугубо профессиональный — диву дались, с какой легкостью заезжие «спортсмены» раздобыли два лодочных мотора «Вихрь», крайне дефицитных в здешних краях. И еще больше — той королевской щедрости, с которой моторы были оставлены «на добрую память». А вот портативные рации были увезены с собой...

Вопрос к нынешнему члену политбюро, любимцу народа Егору Кузьмичу Лигачеву: какие распоряжения он давал своим подчиненным в майские праздники 1979 г.? Был он тогда, помнится, первым секретарем томского обкома партии. Не история ли с колпашевским захоронением привела его к высказанному однажды убеждению, что проблема сталинизма подброшена нам с Запада?

Продолжение обязательно последует. Так что пусть заранее ответственные товарищи — особенно из КГБ — подумают, стоят ли мараться в крови, пролитой другими. Почему до сих пор не открыты архивы? Более того, появились сведения о фактах сознательного уничтожения архивных дел по репрессиям против крестьянства. Не пора ли всерьез подумать о применимости ст. 189 УК?

А уж что касается детской крови, то более маркой, чем она, нет ничего на свете. И в соответствии с атеистическими взглядами она, даже не будучи пролитой, остается на руках и через две тысячи лет. Не верите? Судите сами. Казалось бы: если не было царю Ироду причины устраивать вифлеемское избиение младенцев, то и самого избиения не было. Так? А вот ведь остался в истории — иродом. Именем нарицательным.

Так что пора бы разгрести эти авгиевы конюшни советских спецслужб. Человек не может чувствовать себя хозяином в доме, где есть темные углы с привидениями.

Пора бы и поставить точку. Практически все, что мне известно об этой колпашевской истории, уже рассказано. Почти все... ну, а о людях — тех, кто помог делом или хотя бы советом, и тех, кто, кривясь, отмахивался, находя глупым ворошить прошлое,— как промолчать? Стоит ли повторять, что день сегодняшний приходит из дня вчерашнего? Подчас непросто в том, что сегодня вошло в силу, пошло в рост, угадать брошенное накануне семя. И запах не тот, и цвет другой, и форма иная. Но родство есть родство и от него никуда не уйти. И сознательная сегодняшняя слепота, и, наоборот, небезразличие — все несет на себе отпечаток былых времен, потому что в те времена весь уклад нашей жизни и был зачат.

Вот не сложился разговор с Александром Александровичем Мартемьяновым, главным диспетчером речпорта. А узнать у него было что: какие суда размывали берег? как найти людей из судовых команд? Едва заметив блокнот, вежливо, но твердо сказал:

— Извините, но разговора у нас с вами не получится. Мы не имеем права сообщать сведения о дислокации флота.

Жаль. Речники видели больше других. Размывать могилу, как я слышал, их фактически заставили. Добровольцев не искали. А вполне понятное отсутствие энтузиазма компенсировали избытком даровой волни. Все равно, думаю, они тот кошмар запомнили на долго...

Так что поначалу я на главдиспетчера обиделся. Попытался задеть за живое, напомнил старую истину: народ, не желающий знать своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его в будущем.

— А я, сколько мне надо, знаю,— ответил Мартемьянов.

Тут я сплоховал. Его слова пришлись в тант какому-то своему собственному движению мысли, и я испотковал их неправильно: мол, он, Мартемьянов, знает, а другим незачем на своих плечах лишний груз нести. Как-то в первое мгновение и в голову не пришло, что человек может вполне довольствоваться тем, что ему

говорят на политинформациях... И потому сказал не впопад:

— Вот и другие должны знать.

Он промолчал. На том мы и расстались.

Потом досада прошла, остыл. Вспомнил лицо Александра Александровича. Красивое, мужественное. Хорошее лицо. А как говорят французы, после сорока человек сам отвечает за свое лицо. Ему как раз лет сорок пять... Работа сейчас сидячая, хотя и хлопотная, и когда-то, наверное, плавал сам. Среди нашего всеобщего экономического хаоса и бессмыслицы как-то затерялась эталонная мера, кого по праву можно считать дельным и работящим, ошибиться очень уж легко, из-все-таки сразу, с первых же минут разговора показалось, что в главдиспетчере побольше... внутренней дисциплины, что ли.

Когда тебя не понимает человек, которому, как ты убежден, цена ноль и которого ты, как тот самый ноль, видишь насквозь, его непонимание не сильно трогает. Пройдешь мимо и не оберишься. А когда тебя не понимает человек, который тебе чем-то симпатичен, это уже задевает. Как же! И по здравому размышлению даже начинаешь подозревать, что с правотой твоей не все ладно.

К тому же знакомство с Сибирью способствует пробуждению комплекса вины. Вины более сытого перед тем, у кого ты забрал принадлежащий ему по справедливости кусок. Если в Москве заезжий швед изумляется российской невежливости, с какой ему в лицо зевают пустотой прилавки, то изумляется он прежде времени. Его б сюда, в Колпашево. И пусть он, гость дорогой, посмотрит на тот страшный, словно уже жеваный кусок говядины, которым здесь торгуют по цене пять рублей за килограмм.* Да и говядины ли вообще?

Впрочем, что условия для сельского хозяйства в Сибири отнюдь не идеальны, известно давно, потому и ссылали сюда на уничтожение крестьян. Ну, а газ? Тот самый газ, которого пока с избытком и которым Западная Сибирь снабжает половину Европы (надо ведь добывать валюту, чтобы у западного фермера-кулака, не попавшего на наше счастье в спецпереселенцы, поку-

* Хм! Пять рублей! Сегодня о том и вспомнить смешно!—
Прим. 1992 г.

пать зерно — уж извините за избитое напоминание, куда валюта идет).

Так вот, недалеко от сибирского города тянется магистральный газопровод к черту на кулички, а на отросток в несколько десятков километров труб не хватило. Но в Сибири таким вещам не удивляются, в Сибири привыкли. И топят печи дровами. Работают, в меру поругавая явную житейскую несущую разницу.

И когда все это видишь, начинаешь думать, что у тебя самого столько долготерпения не нашлось, сорвался бы, нахамил бы начальству, выпутался бы из постромок, дал бы деру куда-нибудь поближе к Крыму. Думаешь — и понимаешь, что косточка в тебе из та, что не смог бы тянуть много лет эту лямку, что успел привыкнуть в Москве к сытости, комфорту, беспроблемности, о которых, может быть, и не подозревает еще более изнеженный швед, недовольный отсутствием в московских гостиницах — проблема номер один! иностранцы с редкостным постоянством жалуются на это — туалетной бумаги...

Так и осталась тяжесть от несостоявшегося разговора с главдиспетчером. Гоняет человек вверх и вниз по Оби баржи с грузами, и от его нежелания оглядываться назад, от ясности жизнеустройства всем прямая выгода. И мне в том числе.

Малюсенькая надежда, правда, на взаимопонимание осталась. Возможно, как раз в том суть, что человек при деле, при должности, и она, мерзавка, вздохнуть не дает. А позже, к вечности, говоря высоким слогом, поближе, а от планерок и парткомов подальше, уже из пенсии, и появится желание пооткровеничать?

Задним числом начинаю понимать, что в целом пожилые люди были со мной разговорчивее.

Другая встреча. Алексей Николаевич Мальцев. Я уже упоминал его имя, помните? В годы войны был первым секретарем горкома комсомола (на фронт не попал по инвалидности). Теперь — заместитель председателя опорного пункта № 1. Туда я и направился, зная, что к ликвидации захоронения косвенное отношение имели и дружинники.

Был почти уверен, что уж здесь-то получу от ворот поворот. А встретил понимание и поддержку. Лишний раз убеждаешься, что демаркационные линии проходят не по должностным, партийным, классовым или расовым признакам, а по самой человеческой сути: люди, нелюди и все остальные, кто своего выбора не сделал, кто ни холоден, ни горяч, кого Господь изверг из уст своих. Этих, последних на свете хватало всегда, а сейчас их — сверх меры.

Господь из уст своих Алексея Николаевича, хотя тот, надо думать, атеист, не изверг — если судить по тому запасу неравнодушия и способности болеть за других душой, которых в нем с избытком и на восьмом десятке лет... Итак, я сидел у него в опорном пункте. Время от времени приходили люди. Кто-то с просьбой, кто-то за помощью, кто-то по вызову. Тогда я отсаживался в угол и слушал. Публика была довольно пестрой. Мамаша, желающая найти управу на сына-тунеядца. Он сам собственной персоной — здоровенный битюг с натужной покорностью во взгляде. На редкость хорошенекая девица лет восемнадцати-девятнадцати, но не по возрасту прыткая, с полгода назад вернувшаяся из Алма-Аты, куда исхитрилась добраться автостопом, и успевшая по возвращении заразить триппером нескольких колпашевских парней.

Запомнился один леченый-перелеченный алкоголик. Сложение ребенка, лицо старика — желтоватое, выдубленное чифирём. Оказалось, посетителю всего тридцать два года. Из них восемь лет провел в лечебно-трудовых заведениях.

Разговаривая с ним, Алексей Николаевич словам любезным предпочитал слова выразительные. А этот полу-старик — все-таки это был полустанник — не сводил с него влюбленных глаз. Млел от счастья. Наверное, для нарколога он как пациент безнадежен. Но и безнадежным нужна надежда. Надолго его хватит? До завтрашнего утра? Ну, так завтра можно опять потолковать с Алексеем Николаевичем по душам. Глядишь, и еще на денек отдовинется запой...

Пожалуй, нетрудно понять, почему Мальцев не сделал партийной карьеры. Хотя и был на виду, но не на самом верху. Чтобы идти вверх, необходимы крепкие локти. А прочие сентименты без надобности, не в цене. Карьеру делают те, кто может подогнать к берегу бук-

сир и вымыть в реку старые кости. Мальцев же с горячей убежденностью сказал:

— Обязательно напиши об этом! Люди должны это знать!

Так что и мне перепало от душевных щедрот неугомонной его натуры. Не говоря уже о том, что он мне многое рассказал.

...инные колпашевские мужья, находя Алексея Николаевича любвеобильным сверх меры, к моим пламенным дифирамбам в его адрес отнеслись скептически, но давние свои впечатления не отредактируешь. (Прим. 1992 г.)

У Александра Павловича Глазырина, бывшего сотрудника «Дзержинки», приятное благообразное лицо и бесшумная походка. Хороший психолог. Профессия обязывала? До встречи с ним я был уверен, что Александр Павлович работал в упомянутой организации бухгалтером.

— Я занимался разными вопросами,— уклончиво сказал он.

Позже в его словах промелькнуло: вместе с другими он работал над пересмотром дел незаконно репрессированных. Он даже сказал «невинно осужденных», но тут же добавил со значением:

— Вернее, тех, кого по нынешним меркам виновыми не смогли бы признать.

Довольно подробно рассказал, что из себя представлял «централ» НКВД, но в подробности того, что происходило за его воротами, не углублялся. Мол, каждый работал в своем отделе, а интересоваться, что происходило у коллег, было не принято. Умело выдерживая, где нужно, паузы, доводя городские пересуды о могиле на яру до абсурда и играя при этом уже на интонациях, Александр Павлович целенаправленно убеждал, что дело выеденного яйца не стоит.

— Вон шум подняли, что там тысячи расстрелянных были! — с иронией говорил он.— Ничего подобного. Дезертиры. Маленькая яма. Такие есть на территории каждой тюрьмы. А тогда репрессии были нужны. Без репрессий мы, пожалуй, не выстояли бы. Еще слухи ходи-

ли, что в реке ребенка с простреленным затылком видели... — он снова усмехнулся. — Что там за пятьдесят лет могло оставаться? Одни кости.

Я не стал говорить, что знаю про мумифицированные трупы. И не стал уточнять, случайная ли это оторочка: пятьдесят лет. Если пятьдесят лет, то при чем тут дезертиры? Что-то похожее на оговорку прозвучало и тогда, когда речь зашла о Волкове.

— Волков не расстреливал. Это я точно знаю, — говорил он с заметной досадой на городские слухи.

— Почему вы так в этом уверены?

— Я об этом слышал еще в 1949 году, когда пришел на работу.

— Значит, уже тогда шли разговоры на эту тему?

— Да. И позже — когда пересматривали дела в связи с реабилитацией. А Волкова напрасно оговорили...

Спрашивается, чего ради толковать о расстрелянных дезертирах и исполнителях смертных приговоров, когда речь идет о реабилитации без вины погибших? Да, еще одна деталь. Когда он сам же упомянул о слухах, будто в Оби видели детский труп, я сказал:

— Мне тоже доводилось слышать нечто подобное. А вы исключаете возможность того, что в ежовщину могли расстреливать и детей?

Александр Павлович молча и несколько картино развел руками.

С большой симпатией он рассказал про милиционера Лебедева. Тот лет двадцать назад застрелился, и его иной раз вспоминают в Колпашеве как человека, имевшего отношение к могиле и именно по этой причине наложившего на себя руки. Он же к соответствующему ведомству не имел никакого отношения. Так вот, Глазырин очень живо, тепло, с большой симпатией обрисовал Лебедева, этакого совестливого правдолюбца, и уложился рассказ буквально в две-три фразы. Мне это почему-то хорошо запомнилось. Вот и сам Александр Павлович исключительно симпатичный человек. Поговорить бы с ним о чем-нибудь более легком — можно бездну удовольствия получить...

Чтобы уйти от «трудных» вопросов, для разрядки, спросил:

— А были у НКВД, ну, выдающиеся операции, что ли? Борьба с бандитизмом или что-нибудь в этом духе...

Глазырин растерялся.

— Мм... При мне — не было.

— А раньше?

— Нет, не слышал...

Я тоже растерялся. Как-то не думал, что этот доходящий до газетной нивы вопрос и окажется самым сложным. И неумным.

В разговоре с Глазыриным я упомянул фамилию Терентьева, бывшего следователя НКВД.

— Кто вам о нем говорил? — встревожился Александр Павлович.

Ему явно не понравилось, что я могу отправиться к тому в гости. Терентьев Александр Иннокентьевич, ул. Пойменная, дом 18.

Знаю о нем мало. Высокий, сильный. Любил выпить, а выпив — покуражиться. Бывало, спяну стрелял из пагана в потолок. Прозвище — Таракан. Как и одно из прозвищ того, всесильного. Надо же! Совпадениям нет числа, в этой обской воде вся страна отразилась, порой оторопь берет... Что еще? Замкнут, зол на несправедливости судьбы. С квартирой его обошли, из органов уволили, а на работу не устроили. Иногда браконьерит, из-за чего недавно опять были сложности с милицией. Так ведь в Сибири не браконьерит разве что ленивый...

Бьюсь об заклад: с Терентьевым связано что-то важное.

Еще один колпашевец. По причинам, которые станут понятны позже, придется обойтись без имени и фамилии.

Столкнулся с ним в первый же день, когда мне показали то место, где вырван и сброшен в Обь кусок берега. Вблизи стояли трое. В руках у них были лопаты, за какой-то надобностью они нарезали дерн. Я поиздоровался, назвался приезжим и направык, без мелкой дипломатии спросил, что они знают про могилу.

Отвечал один — тот, о котором идет речь. Это был немолодой низенький человек. Он носил нелепые очки с двойными стеклами какой-то фантастической силы. Резкие складки вокруг некрасивого рта словно бы раздвинули и приоткрыли его, было видно, что в верхнем ряду не хватает нескольких передних зубов — от клыка до

клыка. Да, запомнился еще прыгающий кадык на худой шее.

— Знать-то я знаю, да рассказывать не буду. КГБ живо язык укоротит,— мрачно и совершенно серьезно пояснил он.

Казалось, что этот маленький человек по-прежнему живет в том времени, когда с трибуны мавзолея принимал парады похожий на мафиози член политбюро Лаврентий Берия...

А госбезопасностью меня не надо пугать. Я ее и сам боюсь — как и всякий добропорядочный советский обычатель. Но людям вообще свойственно не замечать криминала в своих действиях, и надеюсь, скромная моя персона не заинтересует организацию на три буквы.

Короче, разговора не получилось. Маленький человек в очках со сверхдиоптриями вспомнил, правда, Александра Волкова — зло, с отвращением. Сказал, что фотографию с надгробия срывают люди.

— В Колпашеве мало кто остался из тех, бывших. Когда их в пятидесятых разогнали — как крысы побежали. Словно пятки салом намазали...

На том мы и расстались.

За неделю я вполне в городе освоился, появились знакомые. Заговаривать на улице со случайными прохожими уже не было нужды. Поначалу, впрочем, идти без приглашения к незнакомым людям было неприятно. Приходилось себя пересиливать, но и это оказалось временной сложностью. Колпашево — не Москва. Люди не так устали друг от друга, куда радушнее.

И вот иду по очередному адресу. Небольшой частный домик, в каких живет еще половина Колпашева. Загодя, с июня собираемая поленица дров. Выходит хозяин. Вот так встреча! Тот самый маленький человек с берега. Узнал меня и он. Помедлив, без особого энтузиазма, тоскливо как-то кивнул на дверь:

— Заходите...

Сибирь и в таких случаях марку гостеприимства держит.

На этот раз я разглядел его гораздо лучше. Как видно, в городе плохо не только со стоматологами, но и с окулистами. Очки были подобраны отвратительно. Приноравливаясь к ним, он запрокидывал голову и именно поэтому казался еще меньше ростом и постоянно

на виду оказывался беззащитный, дергающийся кадычок.

Худо-бедно мы разговорились. Увы, практически ничего нового я не узнал. Так и не смотри себя переборть, только доходили до фактов и... стоп, дальше все, баста. Вот только стоит упомянуть об одной небезынтересной подробности. Оказывается, года за два, за три до вскрытия могилы на этом месте начали делать что-то вроде спуска к воде — то ли затем, чтобы устроить тут гравийный склад, то ли здесь было удобнее вытащить на берег доставленные баржой секции телевизионной вышки-ретранслятора. Но очень скоро работы неожиданно были прекращены, а бульдозер перегнали на другой объект. Зато в течение некоторого времени на яру работали буровые станки из здешнего геофизтреста (с помощью таких бурстакнов в сейсмопартиях закладывают взрывные заряды). Не исключено, что искали могилу. Тогда почему это занятие бросили? — не понятно. Может быть, началась какая-нибудь номенклатурная чехарда, и начальству стало не до того? Ведь летом 1978 г. первым секретарем колпашевского горкома партии стал новый человек.

Все остальное, что я услышал от хозяина дома, мне было уже известно. Но меня не покидало чувство, что он не договаривает. Каждое слово давалось ему с трудом. Он боялся. Боялся меня. Боялся городского начальства. Боялся собственного языка, который мог сказать лишнее. Похоже, боялся даже собственной памяти.

Я не выдержал и сказал что-то по поводу его гипертрофированных, атавистических страхов. Он вспыхнул — и его прорвало.

Когда-то и ему довелось побывать «на Дзержинке». История довольно заурядная. В то время — дело было сразу после войны — он работал мотористом (если мне не изменяет память — у тех же речников). Произошла какая-то поломка, стали, ясное дело, выискивать злоумышленника и вредителя. Вот и мотористу пришлось побывать в том самом здании. Допрашивал его некий чин, здоровенный детина. Бить, правда, не был, но табуреткой замахнуться посчитал полезным. От страха бедолага моторист забился под стол, чем немало развеселил следователя... А что, может, тот и в самом деле пошутил? Если так, то бывший моторист до сих пор щутки той не понял, хотя времени — сорок лет — было предо-

статочно. До сих пор уверен, что тем только и спасся, что позабавил гражданина начальника.

Вроде бы беседа пошла легче.

— Извините, а как вас по отчеству? — спросил я.

Маленький человек в очках вздрогнул.

— А зачем вам знать? — спросил он с прежней отчужденностью.

— Гм... Я моложе вас. Мне неловко обращаться к вам по имени.

— Не скажу. Не надо мне это. Не надо... — его голос, став на полтона выше, зазвучал взвинченно.

Ладно, раз такая история, обойдемся не только без отчества, но и без имени и фамилии. Уважим чужие страхи. Оставим за человеком хотя бы право на самоуничижение, раз уж он не знает за собой иных прав. Что мне о нем известно? Обыкновенный маленький человек. Обидчивый, мнительный, слабый. Для него смертная мука отремонтировать дом, выпросить бросовый горбыль на дрова. Но не надо быть тонким психологом с табуреткой в руках, чтобы сразу понять: этот маленький человек совершенно безобиден и абсолютно добросовестен. О том вышедшем из строя дизеле он рассказывал с редкой дотошностью, словно в очередной раз перебирая все его винтики.

И это же надо в такую подворотню загнать человеческую душу!

Напоследок еще одна зарисовка с натуры, совсем небеселая.

Представьте себе: мужчина лет тридцати, а значит, с учетом общего крена в инфантлизм, его можно назвать молодым. Среднего роста, заурядная внешность... М-да. Занятно: лица не могу припомнить. Говорю искренне, без расчета на дешевый эффект. Какая-то очень нейтральная внешность. В памяти остались разве что руки: грубоатые руки рабочего человека, с окурочной желтизной между пальцами. Он и тогда курил, сидя на низенькой лавочке. Сидел, закинув ногу на ногу, а руки с дымящейся сигаретой держал на коленях на виду. Вот они и запомнились.

Имени не могу назвать при всем своем желании. Не знаю. И не интересовался. Случайный человек. Вечер был спавший, теплый. Вместе с товарищами он вышел

из пожарной части посидеть на воздухе. И мне не сиделось в местной гостинице «Заря», она рядом. Время было позднее, но в конце июня в Колпашеве самые настоящие белые ночи, на улице вполне можно читать газеты. Помню, в руках одного из пожарных была книга. Когда я подошел, они травили анекдоты.

Меня интересовал Бурков, начальник городской пожарной службы. Тот будто бы со своими офицерами тоже принимал участие в ликвидации захоронения. Ничего по этому поводу узнать не смог, зато нарывался на встречный вопрос:

— Материал собираешь?

Задал его тот самый молодой человек — с насмешкой и вялым любопытством. Я смущился. Роль собирателя городских сплетен — не самая приятная. Но до обобществления информации мы не дорошли, архивы не про нашу честь. Вот и приходится побираться на улице.

— Сто лет те мертвяки не нужны, — добавил он неприязненно.

Эту фразу — если ее выгрести из заносов мата — он повторил на протяжении разговора раз десять. Право, меня просто поразили агрессивность, озлобленность, едва ли не обида, что его тихий быт кто-то тогда потревожил. Если бы это было обыкновенное равнодушие, то куда ни шло. Мало ли их, «кто ни холден, ни горяч»...

Эх! Откуда только порода эта архаровская, говоря словами Распутина, взялась? И это есть человеческий продукт социализма? Полюбовался бы Владимир Ильин, кого его наследники выпестовали.

Всем недоволен. Но менять бы ничего не стал. Только открыл бы с десяток винных магазинов. А то в Колпашеве сейчас лишь один, 18-й, торгует спиртным (там же, на Дзержинского). В соседнем Тогуре вообще нет. Злорадствовал, что в Белом Яре на июньские выборы голосовать пришли только 25% избирателей — остальные якобы их игнорировали, выражая тем самым протест против антиалкогольной кампании (Белый Яр — город лесорубов западнее Колпашева).

Но это, конечно, мелочи. В целом он лоялен. Налейте ему, ответственные товарищи, стакан — и он мигом проявит гражданскую сознательность, побежит голосовать за вас. Или за Маргарэт Тэтчер — как изволите. Только не надорветесь ли штурмовать с такой гвардией светлое поднебесье? Кому наплевать на прошлое,

наплевать и на будущее. Или вы уже раздумали его штурмовать? Вам и так неплохо?

И как заодно не вспомнить того недочеловека, изшего с вами соотечественника, который выловил в Оби труп и прислонил его стоймя к дереву недалеко от бивачного места, где иногда останавливаются рыбаки. Чтоб попугать, значит. Шутка такая, понимаете? Еще меня поразило, что мальчишки вываривали головы мумий в ведрах — чтобы отстала кожа. Что поделать, во все времена у родителей были те дети, которых они заслуживали.

6

Тотальное насилие, уничтожая одних, одновременно уродует души остальным. Это всегда преступление против всех, против каждого. Та часть человека, суть которой его человеческое достоинство, истлевает и заполняется страхом, и нравственная эта каверна передается по наследству. Вот и возможный ответ на шукшинское: что с нами происходит? Вернее — произошло.

А люди, лишенные чувства человеческого достоинства, превращаются в аморфную пластилиновую массу, из которой можно лепить все что угодно, даже то, что противоречит здравому смыслу и совести. Но ничего — прочного и долговечного.

Первая, наиболее зримая примета болезни — девальвация в общественном мнении человеческой жизни как таковой.

Пару лет назад советские газеты дружно возмущались, что большинство французов, как показал один из опросов, не знает о потерях Советского Союза во второй мировой войне. Помилуйте, а мы-то сами можем ответить на подобный же вопрос из собственной истории: скольких жертв стоила народу гражданская война?

Цифра, которую назвал в «Литературной газете» от 30.09.87 член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков, должна была поразить всех, кому удалось ее заметить в конце пространного и в целом куда менее информативного текста. Должна была поразить и сама по себе, и как свидетельство нашего всеобщего, насажденного свыше невежества.

Даже Советская историческая энциклопедия в 16 тт. утверждает: потери Красной Армии на фронтах составили 1.000.000 человек, общие потери населения — 8.000.000. Такое отступление от истины одной лишь нехваткой статистических данных объяснить невозможно. Только лишь преднамеренной ложью. По оценкам Ю. Полякова, население России за период с 1918 по 1923 г. сократилось на 13.000.000 человек — вместо того, чтобы увеличиться на 25.000.000. Эмиграцию после революции оценивают в 3.000.000 человек. Еще надо учесть, что не были рождены дети теми, кто умер или уехал. Все равно людские потери составят цифру того же порядка, что и цифра, за незнание которой советские газеты так обиделись на французов.

Какие мы широкие люди! Миллион туда, миллион сюда... Политическая подоплека подобной душевной широты (точнее — растяжимости) понятна и несмысленна. Первая мировая война закончилась Версальским договором летом 1919 г. (а военные действия прекратились и того раньше). А в России еще годы лилась кровь и свирепствовал мор. Обещание мира в соответствии с известным декретом и реальный ход истории разительным образом не совпали.

В «Государстве и революции» Ленин обещал: «...подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» (ПСС, т. 33, с. 90). Но «дешевле» не обошлось. Не чураясь арифметических выкладок при решении вопросов социальной справедливости, Ленин даже рисковал называть «стенность» всемирной революции — полмиллиона, миллион человек (ПСС, т. 37, с. 60). А вышло так, что только для России гражданская война обернулась трагедией, соизмеримой с нашествием Гитлера уже в количественном отношении, а в нравственном — во сто крат еще более страшной: брат убивал брата, сын отрекался от отца.

И тем не менее официальная история, словно в гроб, вгнала реальность в ленинский канон. Историческая ложь стала государственной политикой. Но разве была бы она возможна, если бы не наша редкостная душевная податливость?

Англия понменно называла погибших в Фолкландском конфликте. Америке хватило мужества и совести понменно перечислить шестьдесят тысяч убитых и пропавших без вести во Вьетнаме. А уж казалось бы — чем тут гордиться... Лишь недавно случайно узнал — воистину все эти годы мы жили в вылепленном из газетных словес мире! — что подобный же монумент в память погибших во время второй мировой войны немцев воздвигла Западная Германия. Памятник-покаяние трагедии, в которую была ввергнута нация фашизмом. Что ж, мужеству следует учиться и у врагов, тем более — у врагов вчерашних.

Но в нашем самом передовом на свете мировоззрении не в большом почете такие категории, как уважение к врагу и милосердие, терпимость и прощение, грех и раскаяние. Слова эти даже царапают слух своей архаичностью. Прискорбно. Нет пророков в своем отечестве? И авторитет Толстого — только для школьных уроков литературы? «Нет раскаяния — потому что нет движения вперед, или нет движения вперед, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как пролом яйца или зерна, вследствие которого зародыш и начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо... важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него».

Тридцать лет назад принять покаяние народ не wollte. Более возненавидел Хрущева за сумасбродство и экономические неудачи (зачастую спланированные за его спиной соратниками по партии, готовившими смешение чересчур ретивого и излишне совестливого генсека). Движение прекратилось, духовный столбняк был неизбежен...

Об уважении к врагу и говорить нечего. Скажи кто-нибудь, что афганцу должно быть среди мятежников, что национальная гордость велит гнать в три шеи чужака, который заявился в его дом с оружием, — и люберечкие патриоты тут же устроят такому умнику политсеминар в подворотне. Куда уж тут понять душу другого народа. Вот если бы объявился некий аятolla, вознамерившийся силой оружия устроить в России мусульманский рай — с пятикратным намазом, гаремами, избиением шлюх камнями, запретом передавать музыку по радио (Хомейни так и сделал, заявив, что «музыка —

это опиум для народа») — тогда другое дело. Тут патриоту все ясно и понятно, все по уставу. Рвать такого язяллу на части, побить его каменьями есть священный долг и обязанность.

Лучшие из людей способны думать своей головой и чувствовать за другого человека, худшие — чувствуют только за себя и живут чужими мыслями. Еще одна полезная мысль Толстого.

Считаться с человеческим достоинством способен лишь тот, кто сам им наделен — можно взглянуть на проблему и с этой стороны.

Каждый невинно загубленный и с безразличием забытый — свидетельство нравственного одичания народа, и страшно, если счет им идет на миллионы. Уже поэтому полезно знать, какими мы выглядим в глазах тех, кого прочим в соседи по общему европейскому дому.

Исключительно велик вклад в формирование общественного мнения книги историка Роберта Конквеста «Большой террор». По Конквесту, в 1937 г. в советских концлагерях сидело 12.000.000 человек. Из них было расстреляно около 1.000.000, еще 2.000.000 умерло от эпидемии, голода, обморожения и т. п. Число погибших во время коллективизации Конквест оценивает в 15—16 миллионов человек.

Полезно также знать, что на Западе имеет хождение рапорт ОГПУ, якобы попавший в руки фашистов при захвате Смоленска. Там называется цифра умерших от вызванного коллективизацией голода — 3.500.000 человек. Если этот документ не является фальшивкой, в него могли попасть данные о смертности от голода в центральных районах страны. Но вряд ли в эту цифру включались те, кто без следа сгинул в ссылке. А что творилось среди спецпереселенцев Нарымского края, я уже упоминал. По числу погибших — два тихих, неизвестных миру бухенвальда, где людей убивали не выстрелами, а голodom и холодом.

Существуют оценки западных демографов. Они основаны на разных допущениях и различаются очень сильно. Обобщая их, профессор Максудов из Гарварда называет следующий диапазон цифр, полученных разными авторами. Минимальная цифра потерь населения

сверх естественной смертности за период между переписями населения 1926 и 1939 гг.— 2.700.000 человек. Максимальная — 20.500.000. Но большинство демографов обычно называют цифру порядка 10.000.000. Сам Макеудов оценивает потери населения в период коллективизации приблизительно в 8.500.000 человек. Причем связывает насильственную гибель людей прежде всего с коллективизацией.

Как бы эти цифры ни соотносились с действительными, они с абсолютной точностью — по природе своей — соответствуют тому, что о нас думают многоуважаемые соседи по ту сторону границы. Почему у них могло укорениться безразличие к принесенным нашей страной жертвам? Народ, занимающийся самоуничтожением, поначалу вызывает ужас. Но всякий стресс закономерно сменяется апатией и равнодушием, тут ничего не поделаешь.

О голоде на Украине я узнал не из курса истории КПСС, а от матери. Она родилась в селе под Сумами. В соседних районах люди вымирали целыми деревнями. Семье деда чудом удалось выбраться на Урал. Москва же, в которой они были проездом, мою мать, тогда девятилетнюю девочку, потрясла до глубины души запахом белого хлеба — где-то недалеко от вокзала попалась булочная. И именно такой запомнилась на всю жизнь. На Украине — череда смертей, сосущая изнутри мечта о кружке обрата. Тут — этот сытый запах. Даже сейчас, став москвичкой, мать вспоминает его. И подобно многим людям ее поколения и схожей судьбы, никогда не оставляет в тарелке недоеденного куска.

Для кого Москва белокаменная, для кого — белохлебная...

И странно было однажды обнаружить среди старых бумаг справку, выданную старшему лейтенанту запаса органов НКВД Запецкой Татьяне Харитоновне, то есть моей маме, в том, что она... Впрочем, это уже не существенно. Смешалось в одной жизни: и голод коллективизации, и работа в течение полутора лет вольнонаемным врачом в ИТК № 5 г. Омска — звание было присвоено задним числом...

Все это безрадостный груз общего прошлого. А будущее?

Решающее слово за экономикой, в конце концов она все подомнет под себя. Сложившаяся на сегодня ситуация не способствует возрождению искалеченного человеческого «я». Более того, реально существующая система — это система экономического унижения человека, автоматически переводящая многие острые социальные болезни в разряд хронических.

Дефицитная и отсталая экономика, взявшая уравнителовку за принцип, не только унижает человека очередями и отсутвием необходимого, она с редким цинизмом оставляет в непомерном выигрыше того, кто, мягко говоря, в выборе средств неразборчив. Честному человеку всегда и повсюду жилось труднее, это почти норма, но ведь всему есть мера!

Как-то довелось услышать от друзей-геофизиков об одном унизительном случае. Пригласили двоих коллег-иностранцев, приехавших к нам по делам фирмы, в гости. Сидят за столом, беседуют. Спрашивают иностранцев: «Что на вас в Москве произвело самое сильное впечатление?» Переглянувшись, те отвечают с восторгом: «О, у вас такие дешевые женщины!» Это о проститутках. Знали бы они, что эти девки, обменяв доллары на рубли, исхитряются получить за вечер «вежливой obsługi» зарубежья 5—6 месячных окладов врача.

Шведский порножурнал поместил на обложке фотографию «жертвы общественного темперамента», демонстрирующую свой профессионализм на фоне Кремля (фотографировали в одном из номеров гостиницы «Россия»). Надпись: «За столько-то крон русачки готовы на все!» Что, будем ждать наплыва туристов и валютных поступлений в казну?

А теперь сами рассудите здраво: стоит ли рассчитывать на светлое будущее обществу, поставившему в экономически привилегированное положение уличную шлюху? Или его ожидает что-то другое?

Как-то Лесков заметил, что русский человек, может быть, тем только и хорош, что слишком мало себя ценит. Мимоходом оброненная эта мысль многое дает понять: и в способности к самопожертвованию, и в былой тяге к общинному укладу жизни, и в той природной со-

циальности, которую Достоевский называл всечеловечностью.

Если качество это дает силы выстоять в страшной войне с фашистской Германией — тут есть чем гордиться. Но есть над чем и призадуматься. В сущности, горестен удел народа, который, как в зеркале, может увидеть подлинное свое лицо лишь в подобных трагедиях... Да и способность к мировому состраданию может обернуться желанием на свой лад осчастливить весь остальной мир — пусть себе в убыток, пусть силой — но осчастливить.

И еще: много ли даст тот самый российский всечеловек за людское счастье или отдельную человеческую жизнь, если речь идет не о всем человечестве оптом, а об отдельной личности? Не получится ли так, что готовность пожертвовать за идею животом своим выродится в готовность не пожалеть и чужого?

С русским человеком революцию сделать было легко. Но есть цели революций, и есть итоги революций. Дистанция между ними может быть огромна. Целью социалистической революции в России была ликвидация эксплуатации человека человеком. Итогом явилось другое зло: принуждение человека государством, часто — жестокое.

Вспоминается анекдотически-грустный рассказ Большакова. Некий двадцатитысячник, посланный Кировым к нарымчанам, агитировал сеять лен. Крестьяне отказывались, очень уж сомнительна была затея. Тогда ленинградец дискуссию прекратил: «Или лен, или сибу́тлон». Сибу́тлон — это для рифмы. А имелся в виду Сиблаг, Сибу́тлаг или что-то вроде того. Но разъяснения нужны нам с вами, крестьяне поняли с полуслова... Стали выращивать лен, в деревне Могильный Мыс существовал льнозавод, принадлежавший ОГПУ, да где все это?

Неудавшаяся попытка создать экономику неэкономическими методами явила своего рода шаманством, когда с помощью заклинаний и жертвоприношений распят урожай или вызывают дождь. Язык, приходя на помощь разуму, выдавал внутреннюю абсурдность затеи: «экономика» и «неэкономические методы».

Единственно достойной целью общественных преобразований является изгнание из жизни общества беззаконных и преступных средств как способа самореализации членов общества, в такой постановке вопроса абсурдность нечаевского принципа «цель оправдывает средства» очевидна — а принцип этот, надо признать, стал важнейшим для высшего партийного руководства, наполнившись к тому же конкретным и бесчеловечным содержанием: цель оправдывает жертвы. «Люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются», — заявил однажды Сталин, выдавая индульгенцию исполнителям своей преступной воли.

И как это ни грустно, от российского всечеловека, в слепоте и чрезмерной простоте своей поверившего вождю, оказалось не так далеко до германского сверхчеловека. В намерениях они были на разных полюсах. Но суть человека — его поступки, а поступки — те самые средства, которыми он пользуется. Кровь — непомерно высокая плата за прогресс, ведь заскорузлая человеческая кровь в конце концов принимает коричневый оттенок. Это закон природы...

Любая идея общественного развития может подвергнуться непредсказуемым мутациям, если между ней и человеческой личностью нарушается своего рода паритет. Если в угоду интересам общественного развития поступаются интересами личности, то получаемые при этом выгоды носят ложный характер. Последнее слово всегда принадлежит человеку, а не идее. Ведь именно он является ее носителем, ее толкователем, он обеспечивает ее воспроизведение, он является движителем общественного механизма. Если идея общественного развития не выражена в категориях нравственности и личной заинтересованности, она рано или поздно утратит ясность, смысл и силу.

Явившись в Россию, марксизм был идеей свободы — первый марксистский кружок, как известно, назывался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — и целью своей ставил освобождение трудащихся от эксплуатации, от рабства экономического. Идея свободы — это как раз то, что близко и понятно каждому индивиду. Но не прошло и десяти лет после революции, и новый класс власти имущих стал ощущать в ней некий не то анархистский, не то буржуазный душок — так как идея

свободы уже противоречила монолиту государственности, которую они олицетворяли собой. Теперь им более по праву была другая идея: жертвенности. Вчерашний революционер превратился в бюрократа. Вчера он был готов жертвовать собой, теперь он требовал жертв от других. На благо государства, которое, по Марксу, является собственностью бюрократа.

В итоге вытребовано было в жертву человеческое достоинство.

«У миллионов демоса (кроме слишком немногих исключений) на первом месте, во главе всех желаний, стоит грабеж собственников. Но нельзя винить нищих: олигархи сами держали их во тьме и до такой степени, что, кроме самых ничтожных исключений, все эти миллионы несчастных и слепых людей, без сомнения, в самом деле и наивнейшим образом думают, что именно через этот-то грабеж они и разбогатеют, и что в том-то и состоит вся социальная идея, о которой им толкуют их вожаки... Тем не менее они побоят несомненно, я если богатые не уступят вовремя, то выйдут страшные дела. Но никто не уступит вовремя,— может быть и от того, что уже прошло время уступок. Да нищие и не захотят их сами, не пойдут ни на какое теперь соглашение, даже если б им все отдавали: они все будут думать, что их обманывают и обсчитывают. Они хотят расправиться сами».

Эти мрачные пророчества грядущих социальных потрясений высказаны Достоевским в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., вскоре после Парижской коммуны. Искусство пророка не так уж сложно, надо лишь уметь взглядывать в прошлое?.. И тот же Достоевский устами одного из своих героев назвал социализм «мыслию великой», «Мысль великая» и «страшные дела». История поставила их рядом. Почему? Об этом скорбеть не одному поколению.

Российское крепостническое наследие? Не только. Неразвитое личностное самосознание и вытекающее отсюда пренебрежение к святыни человеческой жизни, допущение насилия для разрешения конфликтов — лишь питательная среда, благоприятные внешние условия для робеспьеров. Сама идея социального переустройства в своем генетическом коде должна была иметь какую-то

особенность, даже изъян, чтобы претворение ее в жизнь допускало возможность аномальных мутаций.

Печально, но идея социальной справедливости была истолкована как идея мести, как идея торжества вчерашних рабов над прежними хозяевами жизни, как «грабеж собственников», хотя это было не единственным возможным ее толкованием. Вот, говоря языком математики, точка бифуркации, точка ветвления.

На Западе часто отождествляют социализм и националь-социализм, объявляя их различными формами одного явления — тоталитаризма. Легко им, посторонним, судить. А нам с идеей социализма еще жить да жить — хотя бы в качестве красивой несбывшейся мечты... Различие все-таки есть, оно — в исходных посылках. Освобождение человека от экономического порабощения, противодействие агрессии частной собственности не означает физического уничтожения класса имущих и может вестись в рамках демократии — законодательно, налогами. Нацизм жеставил своей целью построение «идеального» общества как общества «идеальной» породы людей, единственным средством достижения этой цели мог быть только геноцид.

Вот, пожалуй, и ясный критерий, в какой момент идея социальной справедливости способна подвергнуться мутации, покоричневеть. Революция, которая не умеет себя защитить, ничего не стоит. Но и победившей революции, не способной быть милосердной, — грош цена.

Проекты идеального общественного устройства, опирающиеся исключительно на гипотетические достоинства людей, заражены пошлым и опасным идеализмом. Как ни странно, многие виды философского идеализма в плане сугубо практическом как раз вполне безвредны, так как не требуют от реального человека ничего сверх меры. В то же время доктрина, взявшая на себя труд создать идеальное общество как общество идеальных людей, такой безобидной уже не является. Ибо требует от человека непомерно много — совершенства.

При этом планка человеческих достоинств поднимается столь высоко, что человеку, еще не успевшему гармонически развиться по книжным указаниям классиков, остается лишь украдкой лезть низом, под ней. Или идти в обход. Дело доходит до фарса. Испытуемый делает вид, что он не нарушает установлений. Судьи делают вид, что правила не нарушены. Любопытный случай

лжи, когда лгут все, нет обманутых и нет уличенных во лжи. Ложь проявляет себя как универсальный принцип человеческого существования.

Человеческие пороки были, есть и будут. И самая совершенная утопия рискует затрещать по швам, когда придет время практически решать вопрос, что делать с несовершенными человеческими особями и удастся ли на этот раз обойтись без газовых камер и голодного мора. Тоже, надо сказать, неплохой тест для уяснения, чего стоят та или иная социальная теория...

...а в полном виде слова Достоевского звучали так: социализм — мысль великая, да исповедующие не всегда великаны.

Под всеобщие аплодисменты, ласково улыбаясь, Сталин обнимает своего любимца Александра Косарева и в то же время тихо шепчет: «Предашь — убью». Тот бледнеет. И действительно, жить Косареву осталось совсем немного. Малозаметный эпизод среди всеобщего душегубства. Ну, а если на миг задуматься над смыслом этой сцены? Ведь страшна она не только незуитством Сталина, но и тем, что совершиенно естественна для обоих — и для падача, и для жертвы. В какие еще времена такое возможно? Будто средневековые вновь на монаршем дворе, будто не было и в помине предыдущего золотого века русской культуры... Если сдвиг общественного самосознания лет на двести назад называют прогрессом, то что же тогда называть издевательством над здравым смыслом?

Слишком для многих сцена эта естественна. Какой, мол, спрос с чингисханов и петров великих? Как и с остальных! То-то и беда, что все по старинке холопами числим себя перед ними. Попытка выпестовать демократию в обществе, духовной жизни которого более близка эпоха феодализма, подобна все той же попытке вырастить баобаб в горшке для резеды.

Мы связаны со сталинщиной пуповиной, которая истончилась, оборвалась и отпала, но духовные гены той эпохи вошли в плоть и кровь живущих ныне. Страх,

правда, ушел куда-то вглубь, сама болезнь приняла вялотекущий характер, да и происхождение ее в силу невыраженности симптомов стало неочевидно. И не страх вроде бы, а так, жизненная установка: выше лба уши не растут. Совсем как в салтыковской «Вяленой вобле», замечательной проницательности, надо сказать, был автор. Далеко глядел, лет на сто вперед...

Я не без умысла то и дело вспоминаю классиков. Жаль, что русские революционеры, потея над Карлом Марксом, не потрудились понять своих великих соотечественников — хотя бы для того, чтобы лучше уяснить, с каким народом они собираются делать революцию. Уж лучше о ежовых рукавицах вычитать у Салтыкова-Щедрина, чем видеть их на известных плакатах того времени. Уж лучше бесноватым бесноваться на страницах романа, чем в огромном государстве. Вот ведь незадача! Архискверный Достоевский, как его назвал Ленин, обидевшись за тот роман, оказался архипроницательным.

Если человека унизили страхом, надругались над его правом быть человеком,—об этом следует по крайней мере помнить. Утрата человеческого достоинства состоит из двух стадий. Сначала человек принимает унижение как неизбежность, потом — вообще забывает, что его унизили. То есть воспринимает унижение как нечто должное.

Именно с такой меркой надо относиться к тому, что предавались забвению преступления сталинизма — как к уничтожению чувства национального достоинства целого народа. Если бы о преступлениях Сталина не заговорили как о преступлениях, это слово надо выбросить за ненадобностью из русского языка. Но почему вопрос о них решался не на всенародном суде, а на партийном съезде? Многие достойные люди говорят о невозможности такого суда. А почему, собственно? Демчюков и линиасов судить можно, а сталинских палачей нельзя? В чем логика? Уничтожение чужого народа — преступление, а своего собственного — политический перегиб, теоретическая ошибочка? Изнасилование случайной прохожей — преступление, а собственной матери или сестры — нет? Не о мести речь, а об исполнении законов. О равном отношении к преступникам, какой бы партбилет они ни носили в кармане. Международную конвенцию о неприменимости срока давности к военным

преступлениям и преступлениям против человечества, принятую в ноябре 1968 г. на 23-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подписала и наша страна. Если то, что творилось под вывеской колективизации, — не геноцид, то что такое геноцид?* Сомневаюсь в праве быть великодушным не за счет себя, а за счет тех, кого сгноило в нарымских болотах урвавшее власть зверье. К тем, кто насиловал и убивал собственный народ, испытываю исключительно гадливость, и уже поэтому суда над ними жаждать не могу. Но и прощать их никто не уполномочил. Как быть — не знаю.

Мемориал жертвам репрессий будет — теперь это очевидно. И место хорошее для него найдется. Например, там, где находится столичный бассейн «Москва». А заодно восстановить бы храм Христа Спасителя, который был построен когда-то, напомню, в честь избавления России от другого антихриста — Наполеона. Так что соседство — или даже объединение — обоих памятников было бы уместно. Здесь можно было бы создать целый мемориальный центр — с общественной библиотекой, архивами, лекционными залами.

Пока же на том месте растекается, как выразился один из нынешних литераторов, хлорированная лужа. А где-то выше по течению, на Фрунзенской набережной, 52, спокойно доживает свой век человекоподобная мерзость по фамилии Каганович, один из организаторов террора, у которого руки по локоть в крови. Тот, кто взорвал храм, чтобы на его месте построить здание до небес. Его следовало судить вместе с Риббентропом и Кальтенбруннером. Он же, регулярно получая 120 р. пенсии за тяжкие труды свои, тихо хиреет в ожидании того часа, когда катафалк отвезет его на одно из престижных московских кладбищ. И мы дышим с ним одним воздухом, ходим с ним по одной земле. И пенсию ему платим — тоже мы.

* Отечественные энциклопедии проявляют некоторую политическую стыдливость, называя геноцидом массовое убийство людей по расовым, национальным и религиозным признакам. А по идеологическим, сословным, классовым — как в Камбодже, например? Ведь преступления Пол-Пота, злодеяния которого по числу невинно замученных уступают сталинским по меньшей мере на порядок, признаны геноцидом официально (и «Юридическим энциклопедическим словарем», о котором в данном случае идет речь. См. 2-е изд. М., 1987, стр. 76).

Да... То, что произошло с нашим народом,— недостойно его.

Нравственность — это инстинкт самосохранения общества. Общество подошло к краю пропасти, и он напомнил о себе. Нравственность нормативная, разложенная по параграфам догматиками, затрещала по швам. Зато зримы стали поиски нравственных примеров, воплощенных в целостных человеческих судьбах. Интерес к «возвращенной» литературе — тому свидетельство. Нравственный авторитет сохранился лишь за теми, чья жизнь была подвижничеством. А значительное содержание той литературы, которой не хватает, но которая, смею думать, не за горами, можно определить так: в поисках утраченного человеческого достоинства. В этом проявят себя возрождение человеческой личности. Не эгоцентризм, но исполненное достоинства право сказать по-платоновски: без меня народ неполный.

У каждого народа та литература, которую он заслуживает.

7

Накануне отъезда из Колпашева я еще раз пришел к тому месту, где, зависая над мутной водой изломанной кромкой асфальта, обрывается в никуда улица Ленина.

Было буднично и мирно, близился вечер. На далеком фарватере, отмеченном флуоресцирующим, источающим оранжевый яд бакеном, громоздились два неподвижных нефтеналивника. Мимо, отчаянно мигая проблесковым маячком, тянул тяжелую баржу маленький буксир.

Час назад прошел короткий летний дождь. На дорогах кое-где стояли лужи, но на обочинах земля жадно, залпом, впитала влагу и была почти сухая. Ветер успел отогнать облака, и небо, лишь слегка припухшее на горизонте, уже просветлело. Где-то справа висело не высокое, но упорное сибирское солнце, красиво освещавшее противоположный берег. Там как-то по-пляжному, как-то совсем неуместно розовел песок.

И все-таки посвежело. В здешних местах странный

встерь — стервозный, непоседливый. Даже в самый солнечный день. Эта равнина совершенно открыта от Ледовитого океана до Алтая, ветру здесь вольно. Да и в городе просторно. Дома, поднимающиеся выше второго этажа, пока еще можно считать едва ли не по пальцам. На широких улицах много деревьев, и ветер постоянно путается в их кронах над крышами домов, шумит листвой, создавая иллюзию того, что он всегда в силе, всегда в движении. А для убедительности порой еще поднимет и погонит вдоль берега легкую, но едкую тучу светлой пыли... Это после дождя, прибитая к земле, отяжелевшая от влаги, она неподвижна.

Потому так свеж предвечерний воздух.

Пахло рекой, но в ее густой пресный запах врезалась тянущаяся с ближайшего двора, где повизгивала циркулярная пила, пряная опилочная струя. Обычный здесь запах.

Подавшись вперед, к воде, на самом краю обрыва стоял тополь. Через несколько месяцев дерево рухнет вниз, вслед за другим таким же тополем, чей черед уже наступил. Полуживой, со скучными остатками зеленеющей листвы, тот накрепко вцепился корневищем и ветвями в ильстое дно и пока не давал течению унести себя прочь.

Но рано или поздно Обь возьмет свое.

Тополь на обрыве — это все, что осталось от сквера у здания НКВД. Или он из нового поколения? Ведь тополя быстро тянутся вверх и легко отживаются свое. Всему свой срок рождаться и умирать: людям, деревьям, идеям. Впрочем, идеи рождаются вместе с людьми и вместе с людьми умирают, не раньше. Как и от собственных детей, люди редко отказываются от выношенных ими теорий. И иногда идеи успевают убивать тех, кто их вынашивал.

Когда-то улица, сиротливо уткнувшаяся в обрыв, носила другое имя — Вегмана. В 1938 г. большевика Вегмана расстреляли, улице дали имя Стаханова, и лишь позже — Ленина.

Но все кануло в прошлое. Вымощенная торцами листенничных кругляшек, улица Вегмана сменила название, покрылась асфальтом. Исчез «централ»...

Немалое усилие надо совершить над собой, чтобы вообразить в пустоте у самого берега, над тем местом, где сейчас играет тревожной свинцовкой рябью вода,

этот мираж: двухэтажное здание из бревен, высоченный забор с колючей проволокой наверху, разбредшееся по пустынной улице стадо коров, злые окрики часового, стоящего на сторожевой вышке, и перепуганный пастушок, торопливо взмахивающий кнутом... И такой же ничейный, бездомный ветерок в вышине.

И еще прячущаяся за углом дома девочка, которая с надеждой глядит на ворота НКВД и ждет, что ей вернут отца.

Ровно пятьдесят лет назад в этот призрак — острог, в эту повисшую над рекой пустоту навсегда ушел школьный учитель Михаил Георгиевич Смирнов*. Славный, честный, порядочный и добрый человек. Ушел, как и бесчисленные другие жертвы человеческой глупости, жестокости и подлости. Ушел, чтобы не мешать остальным строить светлое будущее. То самое будущее, которое стало нашим настоящим. Со своими достоинствами, со своими недостатками, но в общем-то довольно обыденным и не таким уж светлым, сказать по совести. Так все же как, оправдала цель жертвы? Пора бы и подвести итоги.

Если добираться до Колпашева из Томска по реке, можно увидеть по берегам с десяток поселков. Причем Колпашево — уже крупный город. А так — только низкие безлюдные берега. Такие низкие, что кажется, будто в реке слишком много воды, слишком она полноводна. И ни души. Плыть же больше трехсот километров.

Еще больше поражаешься малой обжитости этого края, когда летишь самолетом.

Петляет, вольно растекается по бесчисленным протокам Обь, оставляя по сторонам старицы, озера. С реки всего этого не видишь. Подчас начинает казаться, что протоки — это следы чьей-то гигантской пятерни, с неизвестным умыслом расписавшей таежные просторы. Во многих местах деревья стоят полузатопленные, и солнце, отражаясь от воды, бежит по тайге неожиданным слепящим пятном вровень с тенью от самолета. Изредка перерезают тайгу просеки или пустынные дороги. Мир на следующий день после всемирного потопа.

* В апреле 1989 г. я получил из Колпашева хорошее, доброе письмо от Галины Михайловны, в котором она сообщила: Получили мы такую страшную справку, что Смирнов М. Г. в октябре месяце 1937 г. приговорен «тройкой» к расстрелу. Теперь не может быть сомнений, что папа в нашем яру...»

Странно и печально, что из этой бескрайней земле не нашлось места миллионам людей, а сами они оказались пригодны только для того, чтобы лечь костями в страшные поленицы.

Суеверным себя не считаю, но когда думаю о колпашевской могиле, признаюсь, в душу закрадывается смутный страх. Есть нечто выходящее за пределы человеческого разумения в том, что эта земля, сама природа не приняла людские останки, не впитала их в себя, не дала им прорости травой и деревьями, но сохранила их нетленными и, словно испытывая нас на совестливость, сама же их открыла: «Вот что вы творите, звери!»

И начинает казаться, что люди, у которых во имя нашего с вами скучного благополучия были отняты жизни, а после жизни — право на память и могильный камень, так и не ушли. Не могли уйти, потому что был попран тот глубинный закон человеческого бытия, в соответствии с которым человеку надлежит прийти в этот мир, жить в нем и умереть, уступая место своим детям, внукам и правнукам. А этих людей не просто убили. Им не дали жить. Их изъяли из круговорота природы. Выкинули и забыли, сделали все, чтобы не вспоминать. Оставили на этой земле миллионами безмолвных неприкаянных теней, носимых без цели порывами странного здешнего ветра. Так и суждено нам существовать вместе: безмолвным неушедшими и молчаливым живущим. Тем, кого принесли в жертву. И тем, кто эту жертву принял — своим молчанием.

Один австрийский психиатр как-то заметил, что человеческое безумие начинается с потери стыда. А душевное здоровье общества, нации? Когда-то слово «позор» в русском языке означало «зрелище», «то, что видят другие». Это значение ушло. За ненадобностью? Зато прижился древний азиатский принцип: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу. Но как и все чужеродное, принцип был использован не там, где полагалось, а там, где удобнее. И так, как удобнее.

Позора своего видеть не желаем. О позоре своем не желаем слышать. И о позоре своем никому не скажем...

Все было буднично и привычно на берегу Оби. Там, левее, от треугольной вымоины в береговом об-

рыве готовилось отойти обшарпанное суденышко. Затарахтел мотор, и из узкой высокой трубы упруго ударила в небо копоть. От дизеля, словно из слива стиральной машины, хлынула грязная, пенная вода. Веснушчатый матрос в замасленной робе метнул пустую банку из-под тушеники в сторону кучи мусора и нырнул в трюм машинного отделения...

Говорят, что не весь этот чудовищный песчаный мавзолей был вымыт тогда. Будто бы осталась еще одна яма. Ее нашли с помощью буровых станков и залили не то кислотой, не то щелочью. Опять слухи, слухи... А вдруг правда? Вдруг *плохо залили*?

И что, снова поплывут трупы по Оби?

*шонь — октябрь 1987 г.,
октябрь 1988 г., май 1989 г.*

«ПРОЧИЕ ЖЕ... НЕ РАСКЛЯЛИСЬ В ДЕЛАХ РУК СВОИХ...»*

И все-таки «колпашевское дело» получило ход...

Странное это уголовное дело, невозможное, небывалое.

Следствие поручено прокуратуре Новосибирской области, так что меряется оно как бы областной мерой. Но по смыслу своему — это первая в истории нашего многострадального отечества попытка принудительного дознания по делу о преступлениях большевизма против своего народа и — преступном же — сокрытии их. До-знания, увы, почти негласного, незаметного, отгороженного от всего мира Уральским хребтом.

Бедет следствие невысокий большеротый человек в очках, симпатичный и добродушный, но с напуском серьезности. Человек, пожалуй, малопримечательный, если бы не хлесткая, выстрелу подобная, фамилия, поразительная для прокурорского работника, — В. С. Абакумов. И те же самые инициалы, что и у расстрелянного зводно с Берией министра госбезопасности!

Эх, Колпашево, Колпашево!.. И в других случаях было оно столь же щедро не только на человеческую боль

* Статья была поставлена В. Максимовым в 68-й номер «Континента» (июль 1991 г.), сверстана, но в последний момент самовольно изъята при не очень понятных обстоятельствах директором фирмы «Аверс», издававшим по контракту в течение года журнал в СССР.

и страдание, но и на невеселую, с привкусом горечи усмешку.

Правоохранительная машина, задуманная когда-то идеологами большевизма лишь как средство подавления неугодных, вдруг вышла из повиновения, взбунтовалась, дала обратный ход и двинулась из тех, кому до этого служила верой и правдой.

Рано или поздно уголовное дело будет прекращено, следственная машина — остановлена. И судебный процесс не состоится. Формально — по сроку давности. Истинная же причина — потому что не сможетстерпеть КГБ, правоохранная хребтина государства, подобного плевка в свою сторону...

Сказать о Колпашеве и обогнать при этом стороной Лубянку никак не получится — к радости т. Лигачева и прочих партайгеноссы, которые по большевистскому обыкновению не прочь спрятаться за спинами чекистов: это они трупы расстрелянных на Оби топили, с ними и разбирались, а мы, партийные органы и советская власть, тут ни при чем.

Неправда это. Наследила партия Егора Кузьмича предостаточно.

Все важнейшие решения принимались в кабинетах партийных работников — его собственном и В. Н. Шутова, первого секретаря колпашевского горкома. Надзорять за работой чекистов прибыли его обкомовские секретари: А. И. Бортников, Е. А. Вологдин, П. Я. Слезко, т. Вологдин, так тот вообще оказался в Колпашеве после жалобы в ЦК КПСС на чинимую властями мерзость. (Что касается Петра Яковлевича Слезко, так тот позже вышел в заведующие отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, но следствием — естественно — не допрошен).

Основная работа по размыву берега, проделанная теплоходом ОТ-2010, была оплачена не из средств КГБ, а советской горисполкомовской властью, сам капитан теплохода был направлен из Томска в Колпашево по распоряжению... парторга речников В. А. Иванова (а проще начальство лишь дало тому подтверждение).

Но — довольно, оставим в покое Егора Кузьмича, забыть бы о нем пора.

Дать свое «добро» на действия КГБ тогдашний хозяин Томской области обязан был, но и собственные интересы чекистов в колпашевском деле налицо.

На глазах распадается, расползается гнилой мешковиной коммунистическая власть, которая еще вчера казалась такой прочной. Но по-прежнему высится громада Лубянки в центре Москвы, по-прежнему каменно-непроницаема. А на фасаде — приятные люди в штатском из пресс-центра, Владимир Александрович Крючков с добродушным лицом садовода-любителя...

А если — опробовать странный, прижившийся у нас жанр публичного обращения к лицу или, вернее, лицам незанинтересованным?

Вдруг сладится невозможное — поговорить по душам, а?

Уже известно: шли тогда, в мае 1979 г., донесения в ЦК и т. Андропову, а в Колпашево приезжал некий генерал-майор КГБ из Москвы. Известно и то, что волновал КГБ обский берег в Колпашеве и до появления т. Лигачева в Томске, продолжает волновать и сейчас. И по сей день ходят по Колпашеву слухи, что ищут люди из КГБ какой-то сейф с документами, видели на берегу переодетых в спортивные костюмы чекистов с миноискателем, среди которых был и бывший начальник горотдела КГБ В. Н. Копейко (а на самом деле, по словам следователя Абакумова, искали оружейный шкаф с приличным боекомплектом, оставленный «на черный день» их старшими товарищами. Вот ведь незадача! И оружие бросить на произвол судьбы нельзя, и берег всерьез перетряхнуть страшно — мало ли что там еще...)

Но прежде чем толковать о частностях, хорошо бы людям чекистского ведомства понять главное: поругание колпашевских могил — это не пустячный эпизод, о котором завтра будет забыто. Покуда будет стоять Лубянка, будет ей припоминаться Колпашево. Да и потом, когда от Лубянки останется только прах, — не забудется. Уж больно символично случившееся каждой своей непридуманной подробностью.

И тем, что земля наша сохранила останки жертв синепогонников. И тем, что река поменяла русло, смыла несколько сот метров берега, сама открыла следы их изуверства. И тем, что случилось это в самый первомай, итожа тем самым век победного шествия марксизма по умам и головам людским, да еще в канун то-

го самого года, когда, по торжественному партийному обещанию, должна была страна откусить обещанного светлого будущего...

Даже в мелочах виден смысл.

Берег обвалился 28 или 29 апреля, и о том уже на следующий день успел сообщить «Голос Америки» или какой-то другой, но в Колпашеве еще не началось, даже милиция на вызов не выехала, не поверила, еще не срок был начаться. И лишь когда колпашевское и томское руководство взгромоздилось на трибуны, поставило себя под конъячные пары, когда простодушные работяги с нетрезвыми возгласами понесли мимо стяги и транспаранты, только тогда и ухнуло им по головам: отверзлась могила, бессловесные нарымские мертвцы, чьими телами на праздничные трибуны и выложена дорога, тоже собрались на демонстрацию, на свою демонстрацию, им тоже есть что сказать о победном шествии коммунистической идеологии.

Нет, не просто колпашевский берег обвалился, это кусок Советской России, которая вся стоит на костях, ушел в воду — и вмиг стало видно, что же у нас под ногами, на чем стоит социалистическое наше отечество... И понадобилось держать ответ перед убитыми: что нам до останков их?

Тогда, в мае 1979 г., партия и госбезопасность свой выбор сделали. Тихий пенсионный покой убийц был представлен превыше законов человеческих.

И были расставлены все точки.

И все было выявлено на деле.

И уже не надо пустой болтовни, что кадры в органах свежие, грамотные, которые не допускают... и т. д. — все знают, какой словесный гарнir в таких случаях накладывают с верхом.

Мясо, может быть, и новое наросло, да косточка прежняя.

Не надо и другой неправды: будто уничтожение тех могил было как бы несчастным случаем, нечаянной отмашкой. Мол, произошло все неожиданно — вот и надо было делать что-то. Доподлинно известно, что задолго до 1979-го года приезжали в Колпашево спецкоманды уничтожать могилы.

В 1965-м — бурили скважины, засыпали негашеную известь, закачивали воду. В 1968-м — вместо извести использовали уже какие-то фотохимикалии, причем са-

ми же гебешники на технике работали,— значит, *опыт имели?* Все тот же следователь Абакумов сказал: «После этого в могилах ничего не остается, а там, в Колпашеве, грунт оказался особым». Снова — сама земля подвела. Прострелила куда-то вглубь химикаты — а тела уберегла.

(Чекист-расстряга т. Калугин на встрече с редакцией «Нового мира» осенью 1990 г. сообщил и того более: что в КГБ есть специальные подразделения по уничтожению захоронений. Да, воистину удивительное следствие: вменяется в вину чекистам то, что они прямые свои обязанности исполняли — и в 37-м и в 79-м!)

Сотрудники госбезопасности немало потрудились в Колпашеве, чтобы было все шито-крыто. А обской берег не давался. Вымыли буксирами три ямы, перемололи тела винтами, искрошили веслами, перетопили с грузами на стремнине. Успокоились. А Колпашевский яр еще тридцать метров отвалил от себя. И еще три ямы высвободил, уж тут не удержать, уж тут целая дивизия ГБ понадобилась бы, вот тогда-то и понесло трупы до самого Ледовитого океана...

А финал размыва каков! Перепугавшись, что еще могилы остались, продырявили бурстанками берег, отыскали что-то, какую-то *органику* — и снова вгрызлись кормой в яр, где прежде стоял Нарымский окротдел НКВД. А поруганный берег им туалетную яму выдал: нате, получите дермо, оставленное вашими предшественниками!

Что творилось с мертвыми телами — отдельный разговор. В один голос свидетели говорят: мои расстрелянных, хоть и сплющены они были под бременем могилы, можно было и опознать. И это не все. Попав в реку, напитавшись воды, тела становились *недавними*, давали трупный запах, их принимали за утопленников. Следователь колпашевской прокуратуры Н. П. Москвиева в одном таком случае поступила *нормальным* образом, сообразно должности своей и долгу: попыталась возбудить уголовное дело. Не дали. Не велели. (А не велел областной прокурор А. И. Князев, который в Томской области только т. Лигачеву и подчинялся). Наборот, делали правоохранительные органы нечто противоречащее здравому рассудку и совести: уничтожали следы массового человеческого убийства.

И на первых ролях были бойцы невидимого фронта,

офицеры КГБ: К. М. Иванов, Н. И. Петроченко, В. Н. Копейко, Г. П. Бусыгин, И. Н. Троян, Н. А. Татаркин, Д. П. Давыдов... Сюда же надо добавить и тех, кто причастен к тем, первым, попыткам уничтожить эти могилы на Колпашевском яру: В. М. Миклин, Г. И. Макогин. Это все начальники и их замы — и области, и города. А гебешный молодняк — кто ж сочтет? Оторон берет, когда видишь, что десятки людей при должностях из столь серьезной организации были в той или иной степени причастны к могильному мародерству. Было оно, естественно, не глумливой их прихотью, а государственной политикой — и в этом смысл.

А гебешники что? Они ведь люди военные. Что им прикажут, то они и делают. Какой с них спрос. Без дисциплины армия не стоит.

Так и должно быть, да?

...в те майские дни, казалось, сама судьба схватила за руку бывшего замначальника УКГБ Никиту Алексеевича Татаркина, пытаясь удержать его от мародерства (а именно он первым из старших чинов томского УКГБ прибыл в Колпашево). Жестоко, строго обошлась, напоминая, что мертвых надо хоронить по-христиански: у Татаркина умерла мать. Пришлось лететь на похороны. Знать бы — что у него тогда творилось на душе...

С самого начала могила на яру была в три слоякрыта ложью. Как только томское УКГБ не изголялось! Про что только чекисты не толковали!

И про дезертиров, которые будто бы там были захоронены.

И про колчаковскую тюрьму, будто бы стоявшую на том месте (а значит, могилы — с колчаковских еще времен, да только непонятно, зачем же героев-партизан — с навешанными металлическими болванками топить в реке?).

И про кулаков-бандитов, расстрелянных там... На самом деле: речь шла о несчастных выселенцах, возмущившихся против большевистского живодерства, когда в здешних местах людей тысячами умышленно морили голодом на пустынных островах (так было, на-

пример, у села Назино). Да, были возмущившиеся, и их действительно убивали (к слову, делал это собственно ручно и Долгих-отец, многие еще не забыли его сынка, которому папенька кровью выстежил дорожку в Политбюро). Но убивать-то убивали (и хорошо бы страшальцам памятный камень поставить), да не здесь. Нарымский окротдел НКВД на том месте, где были обнаружены могилы, появился несколькими годами позже.

Примечательно и архивное шулерство. По расстрельным делам тридцатых годов у них будто бы документов нет, зато вмиг выискали бумаги по банде некоего Котовкина, в 1930 г. расстреляно было 13 человек (по другим данным — 28). И с той бандой тоже не мешало бы разобраться. Что за банда? кого ж она могла в разоренной большевиками Сибири грабить? или эта так называемая банда — все те же восставшие против большевизма крестьяне?

Но сейчас о другом скажем. Архивы — одни. Годы — все те же, довоенные. Так почему эти дела целы, а те исчезли? Где акты о списании? Да и кто поверит, что чекистское ведомство, всегда сверявшее лояльность граждан с их родословной, что-то в расход вывело?

Хватит неправды. Если в могиле — единая спрессованная груда тел, среди которых женщины и дети — да, и дети, и такие свидетельства есть — заверенные письменно, сказанные в телекамеру, и свидетели эти еще будут услышаны и увидены! — то при чем тут дезертиры? Если в братских могилах одежда тридцатых годов — то при чем тут Колчак?

А КГБ врет. Врет А. В. Машков, нынешний заместитель начальника УКГБ по Томской области (про колчаковцев — его слова). Врет В. Н. Копейко, когда говорит правдинскому собкору В. Е. Черткову про 90 трупов «каких-то бандитов» в могилах, и тот делает вид, что ничего не слышал, и делает вид, что верит бывшему начальнику колпашевского горотдела КГБ,шедшему с повышением в то же областное управление (*«Правда», 11.05.89*). Смею так определенно говорить, что врет, не ища словесных смягчений, поскольку тогдашний его личный шофер, В. К. Старков, свидетельствует, что *только он лично захоронил порядка ста трупов*.

И тут надо разъяснить, что хоронить (вернее — за-

капывать) приходилось лишь те людские останки, которые сохранились (а из первых трех могил в двух были кости и только в одной — трупы), не были размолоты винтами, не были перехвачены на реке и не были утоплены, а выскользнули из запони, сооруженной из плавающих бревен, выплыли, оказались выброшенными на берег и были — несмотря на безлюдье здешних мест — найдены.

А ведь бывало и так: вызывали милицию «на утопленника», а она, устав от весьма странного, согласитесь, для нее занятия: укрывать чьи-то преступления — и выездами на место себя и не утруждала...

Неужели т. Копейко, чьим неотъемлемым профессиональным качеством должно быть любопытство, всем этим у собственного шофера не заинтересовался? Да и начальник спасательной станции А. Н. Потекин, которого т. Копейко, подняв с постели в шесть утра, по-принципиально попросил «помочь» и который из дружеского участия на себя взял грех утопительства, говорит определенно о сотнях, тысячах трупов.

Покойный Ю. М. Куксенко, один из работников ГОВД, привлекавшийся к утопительству, говорил: полторы тысячи.

Бывший работник КГБ А. И. Спраговский, занимавшийся в конце 50-х годов реабилитационными делами по Колпашеву, невинные жертвы там исчислял тысячами.

Еще раз к совести правдинского собкора В. Е. Черткова взываю (если осталось что под партийным коленкором): что ж вы даете возможность т. Копейко лгать — про дезертиров, бандитов и пр.— а вот слова покойного ныне Б. Е. Меринова (у т. Черткова — Конькова), который и время расстрелов — по весну 1938 г.— указал, и планы могил начертил (три рядом с тюрьмой, да еще в камерах, в подполье), и возможность захоронения в тех могилах дезертиров категорически отрицал — упустили? и почему же списали, не отдали людям занимавшимся полученнную почту, где настоящей правды было как раз много?

Но сейчас речь не о журналистах, а о КГБ. Так и хочется никакие попросить председателя: прикажите своим офицерам не врать! Ведь у него должность такая — приказывать...

Наверное, сегодня у кого-то из чекистов постальгическая грусть по временам уходящим, по выведенным из употребления известным статьям УК, которые бы могли известной категории граждан известным образом ограничить свободу передвижения. Чтоб не ездили по Сибири и не болтали потом лишнего.

Что ж, я и о своей досаде скажу. Раньше говорил, и впредь без устали повторять буду. Чтобы мысль эта проходной, избитой истиной стала. Чтоб каждому председателю КГБ она — как гвоздь из его председательского кресла.

А мысль следующая.

Есть в УК странная статья, 189-я, об ответственности за сокрытие преступлений. Могла она объявить преступницей, к примеру, и мать, которая не смогла донести на родного сына, повинного в уголовном деянии. Но зато ни разу она, оставаясь глухонемой, не оборотилась на власть имущих, когда те скрывали преступления своих предшественников, от которых им по наследству власть перешла.

А ведь принимая наследство — принимают и долги. И по-другому не бывает.

Партия, которая готова любую могилу оплевать, хоть бы там и отец был зарыт — лишь бы ее большевистская утроба набита была, — может, конечно, не признавать тот чудовищный погром, который она учинила в России, геноцидом, преступлением против собственного народа, преступлением против человечности. Но в глазах истории этот вопрос давно решен.

И значит — нет ему срока давности. Значит — преступно скрывать документы об этих преступлениях. И когда офицеры госбезопасности прячут их в архивах — они в глазах людских совершают преступление.

И не чувствуют угрызений совести, да и не могут их испытывать — ведь они всего лишь выполняют приказ.

Живет в закрытой зоне Томска-7 пенсионер Сафрон Петрович Карпов, в органах НКВД-НКГБ-МГБ служил с 1935 по 1956 год, изрядный срок — в Колпашеве, причем в самые расстрельные годы. Трудился служивый и по следственной части, и по начальнической. Знаю по крайней мере про одно обвинительное заключение по делу «террористической эсеро-монархической повстан-

ческой организации», подписанное им собственноручно. В целом по делу этому народа было репрессировано уйма (пришлось чекистам выдумывать даже деление на роты и полки в этой очень странной, если судить по названию, армии).

«Повстанцам», которые были выявлены бдительным Сафоном Петровичем, стреляли в затылок из нагана (или — по отдельным свидетельствам — из мелкокалиберной винтовки), трупы сваливали в ямы, вырытые во дворе нарымского окротдела НКВД, и пересыпали мертвые тела хлоркой, как того требовала старая медицинская инструкция ОГПУ. И вот они-то весной 1979 г. поплыли по Оби.

А на реке в это время в одной паре вместе с упомянутым уже В. К. Старковым, личным шофером начальника городела КГБ, трудился некто Н. Е. Мельник, оперуполномоченный. Привешивал металлические болванки к трупам, «сделанным» стариком Сафоном Петровичем.

А ныне Н. Е. Мельник — начальник отдела КГБ той самой закрытой зоны Томска-7, где Сафон Петрович прячется. То есть теперь — назовем вещи своими именами — т. Мельник охраняет покой пенсионера (к слову, и томский прокурор т. Крутов, который в свое время отказал в возбуждении уголовного дела, однажды в той же закрытой зоне за законностью надзирал).

Я-то готов поверить, что не испытывал гебист чувства глубокого морального — так скажем — удовлетворения, когдатопил трупы, и не испытывает его сейчас — когда вменен ему в обязанность спокойный сон Сафона Петровича. Готов даже допустить: тошно ему от всего этого. Но живет организация за каменным лубянским фасадом по своим собственным законам и первым делом озабочена защитой своих интересов (не покроешь предшественника — себе жизнь осложнишь, раз себя этим замарал — и молодник надо за собой в ту же лужу затащить, чтоб не подсидел), а мы тут в детские игры играем: гласность, перестройка...

Обеспокоил, правда, пенсионера Карпова следователь О. В. Куренков, когда томское общество «Мемориал» стало добиваться разбирательства по колпашевским событиям. Но для этого пришлось следователю самому приехать к пенсионеру на дачу в Петропавловку, а тот, с неудовольствием от грядок оторвавшись, от сле-

дователя — как от назойливой мухи — отмахивался. Да, подписал обвинительное заключение, потому что начальника, дескать, не было; а кто их сочинял — не помню, запамятовал; и про расстрелы мало что ведаю, это все старые партийцы, а я даже допросов не вел...

...а хотите — дам адресок человека, которого садовод-любитель лично «потрошил»? Выкарабкался из колпашевской ямы: дали только десять лет Колымы и пять лет поражения в правах.

Конечно, не все эти тихие старички-пенсионеры так хорошо устроились, за забором. Но и прочих не больно потревожишь вопросами, которые бы могли взволновать их старые чекистские души. Вот живет в Томске, не бедствует Абрам Исаакович Лев. Чистенький, вылизан до блеска мужеподобной супругой. Голова Абрама Исааковича — перезрелому увесистому огурцу подобна. Бодро торчит седой ежик. Говорить отказался наотрез, скислился: здоровье, мол. Действительно, ходит как бы с трудом, демонстративно штаны одной рукой поддерживает, но глаза умные, трезвые, настороженные, испуганные, злые.

Да только боится он зря. Разве же *свои* в обиду дают?

Перед лицами должностными Абрам Исаакович даже отчасти откровенен: да, вел следственные дела по 58-й, да, уничтожал врагов народа, но ни фамилий, ни конкретных дел этих упомянуть не может. Словно какуюто давнюю инструкцию — помалкивать — выполняет. Орудовал он, правда, в Томске. В Колпашеве бывал только в командировках, да и то, якобы, лишь с 1945 г. Да ведь определенно врет — потому как помнит Мартона, который был начальником нарымского окротдела НКВД в 1937 г. и тогда же был репрессирован. Вот и повод в очередной раз поплакаться гебистам: ах! сам чекисты пострадали! аж двадцать тысяч! как поредели ряды! лучшие и самые достойные погибли!

...по свидетельству бывшей домработницы Иштвана Иштвановича (или — Степана Степановича) Мартона — «лучшим и самым достойным», естественно, полагались

домработницы,— приходил тот после расстрелов в пять утра: красный, взвинченный, с глазами на выкат. А в пять вечера любвеобильный Мартон лобызал домочадцев— и снова шел со своими овчарками на «работу», которая была тут же, в двадцати шагах, через дорогу. Там уже все было наготове: и открытые ямы, и хлорка...

Мартонова домработница знала, судя по всему, немало. Когда обносили могилы забором — с большим запасом, не зная ни точных размеров, ни точного места,— она место это определенно указала. Не поверили. А указано — как потом выяснилось — было верно...

Жаль, что след этой женщины затерялся.

Еще одно свидетельство мимоходом, парикмахерши того же ведомства: кормили заключенных гнилой капустой, своих же псов начальник откармливав ворованым на кухне мясом...

Впрочем, Мартон выкрутился. Его в Колпашеве коллеги в яму не свалили и хлоркой не посыпали, хотя были и такие, сами же туда и угодили. Например, его собственный заместитель Суров. Тоже ведь: самый лучший и достойный... Интересный двойной счет у госбезопасности: одни и те же люди проходят то по графе «пострадали», то по графе «наказаны».

А выкрутиться Мартону, кстати, помог его дружок, уже упомянутый Долгих-старший. После короткой отсидки Мартон поехал к тому в Южкузбаслаг, где приятель ему и отбелиться помог, и новую партийную ксиву выправил...

Но нет у меня цели перечислять поименно всех колпашевских палачей. Это два-три штриха, чтобы отчетливее было видно, что офицеры КГБ покрывают и кого они покрывают.

Ложь! Люди любознательные и совестливые о многом уже дознались. Вот Василий Ханевич из Томска составил мартиролог на погибших одного-единственного сибирского села Белосток, где жили переселенцы из Гродненской, Витебской и Виленской областей, белорусы и поляки. Свозили из Белостока людей в Колпашево, а уж там их чекисты убивали, выполняя спущенную сверху большевистскую разнарядку по живодерству (и Сафон Петрович Карпов был в их числе, и рота каких-то «командированных», потому что трудно было

местным кадрам осилить партийных планов громадье).

Хотите поименно узнать тех, кого чекисты сначала убили, а потом утопили? А то ведь мы все на миллионы да на миллионы. За статистикой живых людей не видно...

Подряд — по алфавиту.

АРТИШ Осип Осипович

АРТИШ Болислав Осипович

АРТИШ Иван Иванович

АРТИМОВИЧ Адам Осипович...

А может быть, на какую-нибудь другую букву? Пожалуйста!

МАРКИШ Петр Фадеевич

МАРКИШ Николай Игнатьевич

МАЗЮК Ипполит Михайлович

МАЗЮК Павел Михайлович

МАЗЮК Антон Михайлович

И дальше мог бы продолжать. Все эти люди были расстреляны в Колпашеве в один день 14 мая 1938 года. А всего в этот день в Колпашеве по одному «делу» с белостокцами были убиты 47 человек! И это только те, чьи фамилии удалось установить Ханевичу,— низкий ему поклон. Может быть, погибших было и больше. Проявить любопытство председателю КГБ (но это при наличии совестливости) совсем несложно: уголовное дело № 830 458 в трех томах на жителей села Белосток хранится в архиве КГБ в Москве.

(Когда подобный список по безвестному такому сельцу перед глазами, у всякого первая мысль: другая война, но без обелисков. Великая Отечественная трагедия).

Но это одно дело и одно село, а ведь шли в Колпашево этапы, плыли баржи со всего необъятного Нарымского края. И кроме местных, чалдонов и остыков, было немало и других, кого валили в колпашевские ямы. Спецпереселенцы, административные ссыльные... Крестьяне с Алтая, питерцы, бывшие политические деятели...

Кто здесь только не перебывал! Ближе к войне — эстонцы, латыши, потом — немцы с Поволжья...

Есть, есть о чем рассказать архивам КГБ!

Для начала — хотя бы о Колпашеве правду открыть — это ведь весь гибкий Нарымский край, это немалая доля нашей российской беды.

Кое-какие вопросы поднакопились...

Где материалы, касающиеся уничтожения могил в Колпашеве (в том числе — фотографии, которые в большом количестве были сделаны тогда сотрудниками госбезопасности)? Кто, когда и при каких обстоятельствах (еще в 1965 г.) обратился к руководству КГБ с предложением ликвидировать колпашевские могилы? Кто дал приказ об этой акции? Какова роль Ю. В. Андропова, которого, по свидетельству бывшего секретаря томского обкома партии А. И. Бортикова, информировало колпашевских событиях? Что за московский генерал КГБ в мае 1979 г. навестил Колпашево? Верно ли, что именно ему, как утверждает один из тогдашних работников милиции, принадлежит идея топить останки расстрелянных в Оби? Использованный в Колпашеве способ уничтожения захоронений — бурение скважин с засыпкой туда химикалиев — обычный? Где еще подобным образом уничтожались братские могилы? Что за спецподразделения существуют для этих целей?

А можно и обобщить.

Не странность ли: срок давности на преступления существует, а на архивы — все недосуг определить? Будут ли открыты дела против старых сотрудников НКВД, где технология репрессий документально представлена в виде геноцидных разнарядок? Кто, когда и при каких обстоятельствах дал распоряжение в ходе «хрущевской» реабилитации фальсифицировать места, даты и причины смерти расстрелянных? Почему из расстрельных дел НКВД вырваны фотографии? Какого рода архивные материалы уже уничтожены? По чьему приказу? Где акты о списании?

А ведь и правда, если председатель прикажет своим офицерам на эти вопросы ответить, то они ответят. Они ведь люди военные, они обязательно выполнят приказ...

Но это вопросы из легких — было бы желание отвечать.

А есть и потруднее — и без них к Колпашеву возвращаться не стоило бы.

Что нам до людских этих останков? Кладбище ли это, где должно царить уважение к убиенным, где самая смерть принимается как вечное и важнейшее для человека таинство, или это *человекомогильник*, открытый, заполненный и заваленный землей по инструкциям санитарной службы?

Довелось мне в Колпашеве держать в ладонях череп с двумя стрелянными дырами в затылке. Сочтете за красоту, но все-таки скажу (потому что так тогда и чувствовал): я в тот миг несчастливую свою родину через две эти полевые пробоины увидел. А тот череп, что был в руках монх, осознал как плату за свое скучное жизнеустройство, за долгое тихое послушание, за душевную несмелость, за неохотное и лицемерное свое хождение на комсомольские собрания, за умножающую собственным молчанием ложь.

НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ...

А вот эта человеческая жизнь и была платой за будущее, которое обещало быть таким розовым, когда время слегка отмоет кровь.

И сегодня на душе гнет.

И сегодня беспрестанно в мыслях к Колпашеву возвращаюсь.

И сегодня не могу дальше Колпашева пройти.

Значит, и мне о Колпашеве не удалось сказать должного. Слов ли не хватило? понимания? сухость языка одолела?

Разъезжая по Европе, романтики организованного классового террора сочиняли статейки с рецептами человеческого убийства. В России теорию опробовали, одну из чекистских живодерен устроили в Колпашеве — и завалили ямы расстрелянными. На этом революционной романтике пришел конец. И вот держателям, хранителям, толкователям и продолжателям ленинского теоретического наследия вместе с властью и казенным комфортом достались по наследству же и ямы, набитые персыпанными хлоркой трупами.

Именно так и должно было быть. Это естественно и неизбежно. Это *нормально*. По-другому быть и не могло. По-другому — было бы даже несправедливо.

Что ж, надо признать, что учиненное госбезопасностью мародерство было закономерным. Потому что не может человеческое существо не противиться, когда из него делают соучастника чужих преступлений. Потому что неизбежно всякой неодревесневелой душе определиться: по силам ли ей нести далее бремя коммунистического грехопадения и душегубства, на котором стоит наше государство? согласна ли она принять массовое жертвоприношение во имя сегодняшнего ее убогого соцкомфорта?

А значит, госбезопасность, сутью своей предназначеннная охранять это государство, лишь удержанием в неведении и темноте людских умов могла еще уберечь от развала построенную на крови и на многоязычной лжи коммунистическую вавилонскую башню.

В падении в пропасть есть своя логика — упасть еще ниже.

Во лжи — дойти до еще большей низости.

Но есть своя логика и в стремлении любого ростка вырваться из темноты, пробиться из-под каменьев к свету. Это логика живого, в которой мало логики как таковой. Это — простое желание жить.

А жить по прежним меркам после Колпашева, когда вот так нежданно-негаданно просветило людскую память, нельзя. Да я и по себе могу судить — дорогу эту прошел. Когда в 87-м взялся писать о Колпашеве, так и шел несмелый мой ум по ней шаг за шагом. От сухой объективности, с какой делают статистику, — к живым людям. От частных обстоятельств — к посильным обобщениям. От обобщений — к личной причастности.

И всякий на моем месте тот же путь проделал бы.

И позже, когда уязвленная Колпашевым память снова и снова возвращалась к тому же обскому берегу, к тем же людям, когда искал про себя — не на бумаге — новые слова, которые были бы точнее, нужнее, значимее, когда неотвязные мысли шуропом ввинчивались, ища упора, вглубь — тогда понемногу приходило понимание, что в том уголке Сибири виден лишь край великой общины.

И желанного, спасительного упора, оказывается, нет.

Там — провал, откуда глухим эхом услышится досадная правда всякому, кто пожелает ее знать. Что, если бы и мне было поручено — болванки к телам крепить? Отказался бы? А если ты — милиционер-бездешад-

ник? если в твоей комнатушке для тебя и собственного угла нет, потому что в одном кровать, а в остальных трех — жена с детишками? если одна надежда — через верную службу выручиться? Отказался бы?

Или все же — цеплял бы болванки, тошил бы трупы?..

Уж во всяком случае не имеешь права торопиться с ответом.

Это сейчас ты такой умный и бесстрашный, 36-летнее дитя перестройки, садоводов-любителей из ГБ смеешь вопросами беспокоить...

Такая вот правда — как пощечина, как плевок из нашего общего рабского вчера, от которой кровь бросается в голову и нет мочи удержать себя... Да за что же мы такому унижению подверглись? и почему терпели?

С Колпашева для меня новый отсчет времени начался, с той поры не могу отделаться от ощущения, что все пятьдесят с лишним томов партийных книжек т. Ленина смердят трупным зловонием, которое не перешагнет никакая хлорка. Не это последний и главный итог, но и это итог Колпашева. С тех пор — никакого пинетта ни к гнилому чучелу вождя, ни к его мраморному моргу на Красной площади.

После Колпашева отрезвился окончательно: будь оно проклято, это сатанинское лжеучение, не принимаю! не верю ни в какой социализм с человеческим лицом — кроме как с палаческой харей, распаленной докрасна выданным спиртом! И лишь немногие излишне наивные или животом и седалищем занинтересованные теперь в это поверят.

В истории коммунизма Колпашевым последняя точка поставлена.

Если русского человека забрить наголо, то понижение темени или ближе к виску, на том месте, куда обыкновенно метят палачи, обозначится родимое пятно. Племя наше, чудом не самоистребившееся вконец, клеймено и отправлено большевистским душегубством на многие поколения. Пулей, убившей одного, клеймены сотни и тысячи. И ведь нам так — еще жить, со свинцовым грузом тихого страха и рождающей им ненависти в мыслях...

Есть ли мера тому страху перед госбезопасностью, что изъел человеческие души за годы коммунистическо-

го благоденствия? и много ли мяса успело нарасти из изглоданные чекистами кости за эти последние смутные годы либерализма?

Пять лет назад я впервые услышал о Колпашеве. То были неясно, неохотно, вполголоса рассказываемые истории вперемежку с настороженными встречными вопросами: а зачем тебе это? собираешься написать? а где будешь публиковать? там? а ты не из КГБ? Пуганый наш народ саму память о Колпашеве ощущал бремнем, опасностью, предвестником беды.

Милейшая Галина Михайловна Никифорова, потерявшая на яру отца и излившая в разговоре со мной, казалось бы, всю накопившуюся за долгую и несладкую жизнь боль за его гибель, за гонения, за поругание его могилы, вдруг замкнулась, когда я захотел взглянуть на его фотографию.

«Все забрали при обыске, еще тогда, в сентябре 37-го».

И лишь через два года узнал: осталось несколько фотографий.

Испугалась. Побоялась: отниму то последнее, что осталось. Пригрозилось, что и я оттуда.

Перевелись, конечно, в КГБ те ворошиловские стрелки, что умели из винтовки одной пулей пробить три черепа у стоящих над ямой. А журналисту — уж если говорить о пишущей публике — надо очень постараться, чтобы навлечь на себя гнев крючковых, одних седых преданий сталинской старине далекой тут маловато.

Вот если бы журналистский нос залез в гебешную коммерцию — что за новые совместные фирмы вылезают на свет? чем торгуют на Западе, что продают? где оседают денежки? — вот тогда другое дело, тогда бы быть ему, любопытному, с выдранными ноздрями.

А все-таки страх сидит — и у тихого обывателя.

Страхом тем истреблено человеческое достоинство.

Страхом тем приучены к дикости.

Среди какого народа будут жить наши дети? Среди того, который, не ведая стыда, ходит по могилам? который и сейчас в дому своем держит пепельницы из черепов? да, есть в Колпашеве и такое...

И — сам будет частью этого народа.

«...огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сокнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы я исцелил их.

И сказал я: на долго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и не останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет» (Ис. 6, 10—11).

Увы, и мне, как и многим, не дано было испить от православной нашей общей чаши, обнесли с рождения. И теперь уже нелегко воспитать в себе то, что должно было с детства стать душевным естеством твоям.

Хотелось бы душе в церковь, да ноги не идут...

Родимое пятно, ту отметину кровавую на затылке я чувствую — и в том, что в отрицании бесовщины и дикости говорю тем же отравленным страхом и больной ненавистью языком, и в том, что по-своему сортирую людей, приставляя к иным фамилиям маленькое «т.» — словно сплевывал мимоходом...

Не надо, не надо так... А как — надо?

Читаешь едва понимаемые строки Писания — только тогда в душе светлее. Таким языком должно сказать о Колпашеве — чтобы всякий мог прочувствовать поистине библейский смысл происшедшего там!

Живет в Томске добрый христианин Вильгельм Генрихович Фаст, из менонитов, но ушедший корнями в русскую землю и принявший православие. С завидным христианским терпением вместе с женой Ниной Поликарповной собирал крупицы правды о Колпашеве. Изрезан врачами, без желудка — и сейчас продолжает свое тихое и верное дело.

Я ему по-доброму завидую — потому что он не ожесточился.

Потому что не добавляет в этот ожесточившийся мир нового ожесточения. И даже о бесовщине ленинизма скажет не теми словами, которые из меня рвутся — осинным роем.

Нет, не надо, не надо так...

А иначе — не получается. Расчеловечен, понимать слова Писания дается с трудом.

Даже хотел бы признаться Вильгельму Генриховичу: читал его «Открытое письмо» к осквернителям кол-

пашевских могил с некоторой досадой на увещевательный дух его. Посчитал литературной искушенностю. Разочаровался, что не нашел выказанную в слове силу. Потому что самому понадеялось куда как вернее искать солженицынских проломов, чтобы выбраться из катакомбных потемок на свет. Теперь вижу: нет!.. и этим, неподъемным, не стоит подменять главное.

На русской земле нашим детям жить вместе.

И страшно думать, что жить им придется среди поллюдей, способных надругаться над могилой тех, кто был оболган, убит и еще раз оболган, во благо всем нам, ныне живущим. Страшно, что сами они невольно возьмут то же выраженье лица... Жаль мне свою дочку, потому что не могу дать отеческого душевного дома. Где было б ей место, куда б тянуло ее потом всю жизнь.

Душевный неуют тяготит. На том месте, где должна была стоять церковь, нет ничего. Разорение, пепелище.

Холодно, пусто...

Кто-то из своеевременно, еще до революции прозревших социалистов — Струве? — сказал, что марксизм для русского народа — род духовной сивухи... Вот и наступила эпоха исторического похмелья, которую стыдливо поименовали перестройкой.

Россию надо бы крестить заново, Россия еще ждет новокрещения. Неискренней и несмелой патриаршей Церкви, все эти годы озабоченной самоохранением себя, а не души народа, нет ни веры, ни надежды...

Трудно жить дальше. Дышать трудно.

Может, офицерам госбезопасности — легче? Вот отдадут приказ — быть людьми, очеловечиться, — и они-то его исполнят, в отличие от нас, простых смертных, с незащищенными затылками.

Ведь они люди военные, им не полагается нарушать приказ....

А как быть остальным, у которых ничего за душой не осталось, даже армейского устава?

Неужели ты оставил наш народ, Господи?

декабрь 1990 г.—
январь 1991 г.

P.S. В январе 1991 г. «колпашевское дело» перекочевало из Новосибирска в Москву, прошло через прокуратуры РСФСР, Союза, Главную Военную прокуратуру, чтобы в итоге вернуться в Новосибирск, но — в прокуратуру Сибирского военного округа. В самый дальний, самый темный угол... Неужели — конец?

Увы, тому симпатичному следователю из Новосибирска, однофамильцу кровавого палача, не хватило настойчивости и смелости продвинуться дальше, поторопился отпихнуть дело от себя. Уж слишком много политики... Постановление сформулировал осторожно (действия таких-то «подпадают под признаки преступления, предусмотренного статьей 170-1 УК РСФСР»), о руководящей и направляющей роли известной общественной организации как-то умолчал, замял, кое-что и вовсе непростительным для следователя образом измутал...

Но и за проделанную работу, приложка руку к сердцу, я бы сказал спасибо. Благодаря его усилиям в деле появился увесистый второй том с ценностями свидетельствами, которые сами за себя скажут, «подпадает» ли вся эта история «под признаки» не слишком строгой статьи УК о должностных преступлениях или же это есть сама история с большой буквы, трагическая история уничтожения и унижения нашего народа.

Допрошен Ким Михайлович Иванов, бывший начальник Управления КГБ по Томской области, один из тех, чьи действия «подпали». Хотите знать, как живется генерал-майору КГБ в отставке? Неплохо, очень неплохо. Теперь он — начальник управления по обслуживанию иностранных представительств, аккредитованных в Петербурге.

Допрошен незабвенный Егор Кузьмич Лигачев, поймать которого на очевидном вранье у московских следователей, которым было передано соответствующее следственное поручение, духу все же не хватило. Но поверим ему в главном: вопрос об уничтожении колпашевского захоронения был согласован и с Андроповым, и с Сусловым.

Вот ведь как отразилась в обской воде сусально-андроповская эпоха, к которой прилипло название брежневской...

Назван Кимом Ивановым и тот другой генерал-майор, что был послан тогда в Колпашево т. Андроповым,—

А. И. Фокин. Генерал-майором он был в 1979 году. А сколько генеральских звездочек у него сейчас? Ведь он до сих пор — в чекистских рядах, потому и передано дело в Главную военную прокуратуру.

Но не это самое важное, что сделал следователь. Новосибирское УКГБ назвало 1445 расстрелянных в Колпашеве!

А 16 мая этого года начальник колпашевского гор-отдела КГБ передал списки колпашевцам, собравшимся на митинг памяти замученных в нарымском окротделе НКВД — отныне митинг станет ежегодным.

Листал эти списки — и глазам не верил. Прошла трещина по фасаду Лубянки, вот тебе и незыбленная каменная громада! Но прошла, если уж быть точным, по краю, всей правды еще не видно...

По двум жутким по изувечству годам, году 1937-му и 38-му, только 14 дней отмечены как расстрельные. Неужели в остальные дни чекисты сидели без дела?

Так нет же, из многих десятков тех, кто был истреблен в нарымском окротделе НКВД, о ком я знал и прежде, в списках отыскал лишь нескольких. Не нашел и фамилий белостокцев и их подельщиков. Помните? Те самые 47 человек. Последний для них день жизни 14.05.38 тоже не значится среди расстрельных...

Причем отклинулось только новосибирское УКГБ, а вот томское — в лице полковника В. А. Ремнякова — запомним и эту фамилию, народ должен знать не только своих героев — увернулось от следственного запроса. Кадров-де нет, чтобы поднять 15.000 уголовных дел...

А ведь кое-что и в Москву попало...

Жизнь идет своим чередом. На выборах президента РСФСР 70% слушателей новосибирской школы КГБ проголосовало за невесть откуда явившегося потливого фюрера Жириновского. Это то самое заведение, где прошел выучку колпашевский палац Сафон Петрович Карпов и откуда был отправлен в 1937 г. в качестве «практиканта» (по его собственному выражению) в Колпашево. То была *alma mater* не только для чекиста Карпова, но и для многих других колпашевских убийц.

И гении заблуждаются: связь времен разорвать никому не дано.

И все-таки есть трещина, и ее не залатать. А откроется ли нам вся правда — от нас же и зависит. У каж-

дого народа та история, которую этот народ заслуживает. Может быть, и несправедливо это суждение, ранит больно. Но на мысли этой следует настаивать, если мы надеемся жить дальше. Если хотим, чтобы у истории этой было продолжение. Только из желания жить народ может вылепить свое будущее. Более вылепить его просто не из чего.

июнь 1991 г.

R. P. S. И вот грянули августовские события.

В конце июля как-то тихо и незаметно изчез в дыме Николо-Архангельского крематория 98-летний Лазарь Каганович — как и полагается нечистой силе. Осталась лишь горсть пепла, которую с бывой большевистской конспиративностью свезли на Новодевичье кладбище. Но уже тогда почудилось: это знак вешний, с последним из упрыг большевизма вот-вот уйдет окончательно вся их подлая и страшная эпоха.

И вслед — этот странный, на бездарный фарс похожий путч бывших комсомольских работников, генералов, бомбопроизводителей и председателей колхозов — словно бы обманутых кем-то, кто остался в тени, словно бы спровоцированных на это нелепое преждевременное выступление в еще не голодное время...

За неделю страна взорвалась переменами, на которые не могла решиться два года.

Неужели — все? Неужели с коммунизмом покончено навсегда?

Поразительная страна — Россия!

Кто бы мог подумать еще неделю назад, что т. Крючков, так и не успев достроить новый загородный особняк в Жаворонках, где можно было вслать посадовицать на пенсии, угодит в государственные преступники? что в одночасье молодежь оскопит Лубянскую площадь, вырвав десятилетия там торчавшего на страже режима «Железного Феликса»? что одним росчерком пера т. Ельцин отберет у КГБ архивы? и что председателем Комитета вдруг станет душечка т. Бакатин?

Вот-вот офицеры КГБ услышат долгожданный приказ — стать людьми.

Но самое поразительное, что искореняется коммунизм руками все тех же коммунистов — вчерашних и сегодняшних. И снова они, не очень-то терзаясь угрызе-

ниями совести, намерены шествовать во главе прогресса.

Хорошо бы вкусу победы остаться сладким...

И все-таки радостно видеть, как исцеляется от страха замордованный великий народ, как просыпается в нем чувство человеческого достоинства, как обретает он свободу — которая всегда с нами. Если юноши с голыми руками готовы выйти против танков — силы жить дальше у народа все-таки есть.

Что ж, осталась самая малость — исцелиться от привытого обыкновения ненавидеть мир вокруг нас.

август 1991 г.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА № 49*

ПЕРВОМАЙСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА 1979-го ГОДА...

В. Н. Колейко, бывший начальник колпашевского КГБ:

«Как я уже давал показания, 1 мая 1979 года на берегу реки выше речного вокзала <были> обнаружены какие-то человеческие останки. Я выехал на это место. Я увидел, что часть берега осела, из грунта был виден человеческий скелет. Там собралось народа человек двадцать, которые между собой вели разговор, что здесь находятся расстрелянные в 1937 году. Я вернулся в отделение и по обычной связи сообщил начальнику Управления КГБ по Томской области Иванову Киму Михайловичу. Одновременно я поставил в известность бывшего первого секретаря Шутова Виктора Николаевича, председателя горисполкома Молькина Василия Георгиевича. От начальника управления УКГБ получил указание держать под контролем обстановку в данном районе...» (т. 2, листы 65—67).

Н. Е. Мельник, начальник горотдела КГБ Томска-7, в 1979 году работал в колпашевском КГБ:

«...в разное время были в Колпашеве начальник Управления КГБ по Томской области тов. Иванов, замначальника Татаркин Н. А., замначальника отдела Даудов Д. П., его начальник Бусыгин Г. П., начальник отдела Петроченко Н. И., который и решал все вопросы, в том числе по согласованию действий и материальному обеспечению с местными партийными и советскими органами, то есть первым секретарем колпашевского горкома партии Шутовым В. Н., председателем колпашев-

* В полном виде материалы уголовного расследования опубликованы в журнале «Граница» № 166 (Франкфурт-на-Майне).

ского горисполкома тов. Молькиным В. Г. Со слов Копейко мне известно, что в этот период в Колпашево приезжали работники обкома КПСС Бортников и Вологдин» (т. 2, лист 184)

В. К. Старков, бывший водитель колпашевского КГБ:

«Был еще какой-то генерал-майор из КГБ СССР. Я его не встречал, когда он прилетел, в аэропорту. Видел его в отделении. Слышал от Копейко, что он из Москвы». (т. 2, листы 97—100)

В. Н. Копейко: «Я заявляю, что до 1 мая 1979 года мне ничего не было известно о захоронении на берегу реки Обь, так как никаких документов в отделении не было. Меня в Управлении никто из руководства <не ставил в известность> о наличии захоронения на территории бывшего горотдела милиции, однако среди населения были разговоры о том, что в г. Колпашево производились расстрелы в 1937 году. Это были разговоры, где конкретно расстреливали, я не выяснял. У нас в комитете заведен порядок не задавать лишних вопросов и не интересоваться, что не касается по службе, не проявлять любопытства, поэтому я таких вопросов не задавал своему начальнику отделения Петровченко Николаю Ивановичу, который работал с 1968 годом по <1982> год...» (т. 2, листы 65—67)

Г. Н. Востров, в 1979 году — прокурор г. Колпашево. Получил распоряжение от прокурора области не возбуждать уголовного дела по факту обнаружения человеческих останков:

«Труп мужчины, который был доставлен в морг 2 мая 1979 года, был увезен без вскрытия оперуполномоченным КГБ тов. Копейко». (т. 1, листы 67—68)

Вопрос следователя: «Скажите, кто давал указание забрать из морга труп и не производить судебно-медицинского исследования?»

В. Н. Копейко: «Я лично после разговора с Ушаковым (судмедэкспертом.— прим. В. З.) никому из своих сотрудников указаний не давал. Я заявляю, что лично сам ни одного трупа не видел. Я очень брезгливый...» (т. 2, листы 65—67)

В. Н. Шутов, бывший первый секретарь колпашевского горкома партии:

«...из области прилетел начальник Управления КГБ по Томской области Иванов К. М. и секретарь областного комитета партии Бортников А. И. От них я получил такую информацию, что обнаружено захоронение расстрелянных в годы войны дезертиrov. Был создан в городе партийно-хозяйственный актив, где всем присутствующим на этом активе была изложена эта информация». (т. 2, лист 55)

Белягина Анна Александровна, пенсионерка:

«...нас, ветеранов партии и труда, собрали в горкоме КПСС. Первый секретарь Шутов сказал нам, что в этом захоронении расстрелянныe в годы войны дезертиры. Он говорил, что так нужно разъяснить народу. Я ему возразила, что это неправда...» (т. 2, листы 39—40)

Жданова Александра Афанасьевна: «В годы Великой Отечественной войны я работала в горкоме партии помощником секретаря. О том, что в годы войны в Колпашеве были дезертиры, я не слышала. Если бы кого дезертиров расстреляли, то были бы разговоры. В те годы расстрел дезертира посыпал воспитательный характер, это все афишировалось. Дезертиров направляли в штрафные роты». (т. 2, листы 75—76)

Н. И. Петроченко: «В мае 1979 года я работал начальником отдела УКГБ по Томской области. Мне стало известно о сообщении Копейко В. Н. об обнаружении в г. Колпашево захоронения. У нас решался вопрос о прохождении захоронения, размерах захоронения и способах ликвидации. Присутствовали при разговоре начальник УКГБ Иванов К. М. и прокурор области Князев А. И. Я понял с их слов, что эти вопросы оговорены в обкоме КПСС. Захоронение путем раскопок сверху убирать было невозможно, так как берег был высоким и крутым (под 90 градусов) и работать на берегу сверху было опасно. Другим вариантом было то, что раскоп производить с берега у воды... Остановились на третьем варианте — подмывать берег со стороны реки. Мне и было дано задание организовать работу. Когда я приехал в томский речпорт, то понял, что начальник речпорта <Драчев> и его заместитель получили указание о выделении теплохода...» (т. 2, листы 163—165)

ОТ-2010

В. П. Черепанов, бывший капитан ОТ-2010:

«9 мая 1979 года в первой половине дня я был вызван в кабинет начальника томского речного порта Драчева, но его самого в кабинете не было. В кабинете находились секретарь парторганизации (здесь и далее разрядка моя.— прим. В. З.) речпорта Иванов Виктор Алексеевич и еще два незнакомых мне товарища. Они оба мне представились, предъявили служебные удостоверения работников КГБ. Один был в звании полковника госбезопасности, звать его Николай Иванович, фамилию не помню (речь идет о Н. И. Петровченко — прим. В. З.). Второй — ни фамилии, ни имени, ни отчества не помню — был в звании капитана. Этот капитан в то время курировал Моряковскую РЭП. Больше в кабинете никого не было. Работников КГБ интересовал вопрос техническ^{их} возможност^{ей} теплохода ОТ-2010, на котором я в то время работал. В частности, они интересовались возможностью размыва грунта. Они спрашивали меня, можно ли подмыть отвесный яр примерно такой, как в районе деревни «Иштан Нагорный». Я им отвечал, что теплоход в таких целях не используется и не предназначен для этого. После этого мне полковник сказал, что этим способом им нужно убрать захоронение с Колпашевского яра. Он объяснил мне, что захоронение это было произведено в 1943 году во дворе тюрьмы или милиции, сейчас точно не помню. Хоронили в этом месте дезертиров и рецидивистов, расстрелянных на месте, и так как не было людей; их там же и захоронили... Он же мне говорил, что думали привезти монитор из Кемерово, однако отказались от этого. Использовать технику на кромке яра высотой 25 метров было невозможно. Это мне объяснял полковник. Он говорил мне, что работы там немного, на одну ночь, теплоход не сломается. Они остановились на применении теплохода. Я спросил у Иванова, согласовано ли это с руководством. Он мне ответил, что этот вопрос согласован с руководством Западно-Сибирского речного пароходства. Иванов же мне сказал, что я поступаю в распоряжение этих работников КГБ. Я позвонил в г. Новосибирск начальнику службы движения пароходства Дуд^{инцу} Владимиру Ивановичу. Он мне подтвердил то, что я поступаю в распоряжение работ-

ников госбезопасности. Письменного указания на этот счет не было. В вахтенном журнале была сделана запись о работе с КГБ». (т. 1, листы 77—81)

С. Н. Копейкин, сменивший капитан, в навигацию 1979-го года работал на ОТ-2010 первым штурманом:

«ОТА-857... держал на буксире нос нашего теплохода <выше> по течению, а мы полным ходом работали попрек яра, кормой <почти> упираясь в берег. Яр стал обваливаться...» (т. 2, листы 172—173)

ЛОДКИ НА ОБИ

А. Н. Лепешкин, бывший начальник ГОВД г. Колпашево:

«...в начале мая я был приглашен к начальнику отделения УКГБ по Томской области Копейко В. Н. Отделение находилось в здании милиции. Там находился второй секретарь областного комитета партии Бортников и начальник КГБ по Томской области Иванов Ким <Михайлович> Бортников мне как начальнику милиции объяснил, что предстоит операция по размыву берега, где обнаружено захоронение. Мне Бортниковым дано было указание подготовить пять команд, <так как> могут поплыть трупы. Их нужно топить. Я поясняю, что не собирать и производить захоронение, а именно топить. Было дано <указание> создать пять команд по два человека с моторными лодками. Срок был дан один час. Я возразил, что за час не успею, сложный вопрос. Было дано указание выполнять, и никаких разговоров. Ни Иванов, ни Бортников, а также Копейко не ставили меня в известность и не объясняли мне, что за захоронение. Мной, согласно указанию <ям>, было создано 5—6 команд». (т. 2, листы 58—59)

Э. А. Вальтер, замначальника колпашевского ГОВД:

«Я выделил следующих офицеров: Попов <а>, Бурков <а>, Чепрасов <а>, Куксенко. Возможно, были еще люди, но я не помню». (т. 2, лист 146)

В. С. Бурков, колпашевский ГОВД, начальник отделения пожарной охраны:

«...когда начальник милиции <спросил>, у кого есть моторные лодки, и я поднял руку, то меня и других

сотрудников он направил в распоряжение начальника отделения КГБ по Томской области Копейко. Кроме меня, в распоряжение Копейко были направлены сотрудники Попов В. В., Чепрасова я не помню, Куксенко, Морозов. <...> Со мной и двумя сотрудниками Копейко провел инструктаж, чтобы мы выполняли указания сотрудников КГБ. <Ни каких> сведений <о> населению не <сообщали>. Было сформировано три или четыре экипажа по три человека в каждой лодке. Со мной тоже было два человека. Кто-то из работников милиции, я уже не помню, и молодой сотрудник КГБ, тоже я его фамилию и как зовут <...> не знаю. Он нам выдал черные резиновые перчатки, моток проволоки медной был у него. По его указанию <о>, все эти экипажи спустились на лодках на «Вторчермет», где набрали металлических <болванок> весом от 5 до 10 кг и загрузили в лодку и оттуда поднялись к яру, где ранее располагался НКВД». (т. 2, листы 85—86)

В. П. Черепанов, капитан ОТ-2010: «Подмывали три часа, прежде чем обвалился грунт. На срезе <горы> четко выделялись два прямоугольника размером три на шесть метров, продолжили работу. И через два-три часа грунт снова обвалился, но уже с человеческими останками. Все это падало в реку и <размалывалось> винтами...» (т. 2, листы 189—191)

В. С. Бурков: «Из яра стали выныривать, как поплавки, трупы. Сотрудник <КГБ> дал команду подъехать к любому трупу. Я подъезжал, он накидывал петлю, цеплял за лодку и выезжал на фарватер. Там труп опускали, привешивали к трупу металлическую болванку и так топили трупы. Первый обвал был около 21-го часа... В первый вечер мы утопили не менее десяти трупов. Тела трупов имели землю <истый> цвет, <были> плоские, как ладошки, сухие. Одеты были кто в белое нижнее белье, кто в черное хэбэ. В голове я видел отверстия — у некоторых в затылке, у некоторых во лбу. Так и топили трупы дни два-три. Которых мы не успели поймать, их разнесло по реке и по кустам... Уточняю, что пока мы не подъехали к теплоходу, причаленному к яру, никто из сотрудников КГБ, начальник милиции тов. Лепешкин А. Н. не говорил, чем мы должны были заниматься». (т. 2, листы 85—86)

В. Я. Чепрасов, начальник ИВС ГОВД, также принимал участие в утоплении трупов:

«Нам на лодках было запрещено подъезжать к месту, где размывали берег. Мы находились у берега ниже этого места метрах в трехстах-четырехстах. Когда обвалился берег с трупами, то мы выезжали на реку и топили проплывающие мимо трупы, фрагменты (сколько было в захоронении трупов, сказать невозможно, так как было половодье, почти всегда дул ветер, трупы разносило по реке и частично они уплывали вниз...» (т. 2, лист 83)

В. С. Бурков: «...большинство трупов все же упывало вниз по течению». (т. 1, лист 43)

«...ПРОШУ ПРИЗНАТЬ МЕНЯ ПОТЕРПЕВШИМ ПО ЭТОМУ ДЕЛУ»

С. Г. Зяблицкий, пенсионер:

«В 1930 году я с родителями проживал в пос. Новокороткино Колпашевского района Томской области, куда мы были высланы как кулаки из Алтайского края. Вместе с нашей семьей проживал мой дядя, Зяблицкий Павел Иванович, 1915 г. р., все мы находились на учете в спецкомендатуре. Мой дядя самовольно выехал в пос. Чулково Колпашевского района, где стал работать на лесоучастке. В феврале 1938 года он был арестован органами НКВД, дальнейшая его судьба мне была неизвестна. Я его разыскивал в 1989 году, запросил у КГБ по Томской области. 05.07.89 письмом за № 13-173-89 прокурор Томской области сообщил сведения о дальнейшей судьбе моего дяди. Он был в 1938 году за участие в контрреволюционной антисоветской организации осужден особым совещанием НКВД к высшей мере наказания. Приговор приведен <в исполнение> 1 апреля 1938 года. Место исполнения приговора неизвестно. Прокурор также сообщил, что 22 октября 1957 года уголовное дело по обвинению Зяблицкого П. И. пересмотрено военным трибуналом. Постановление НКВД от 21.02.38 отменено за отсутствием в его действиях состава преступления. По моему запросу, из г. Колпашево пришло свидетельство о смерти на Зяблицкого П. И., согласно которого в книге регистрации актов о смерти произведена запись № 5 от 12 июня 1989 года, указана

причина смерти — расстрелян в г. Колпашево. Из этого акта о смерти я делаю вывод, что мой дядя был расстрелян в г. Колпашево. Из газетных публикаций мне стало известно, что весной 1979 года на берегу реки в г. Колпашево, там, где в 37—38 году находилось НКВД Нарымского округа, было обнаружено захоронение. Это захоронение было уничтожено. Трупы, человеческие останки были утоплены в реке. Я считаю, что в этом захоронении был и мой дядя, Зяблицкий П. И. В то время, когда забрали работники НКВД моего дядю, из нашего *<поселка>* были забраны органами НКВД колхозники *<Боранчуков>*, Бычков Григорий, один подросток *<Яша>*, возраст 15—16 лет, его дядя Гога, имени уже не помню. Все они домой не вернулись, дальнейшая судьба их неизвестна. Я считаю, что они также были расстреляны в тюрьме НКВД, и трупы их находились в этой яме. Прошу *<вас>* приобщить к настоящему делу архивно-уголовное дело по обвинению моего дяди Зяблицкого П. И. в создании контрреволюционной организации, так как подельщиками дяди могли быть односельчане или другие невиновные лица. Кроме этого, я прошу признать меня потерпевшим по данному делу, так как мне причинен моральный ущерб, я являюсь близким родственником погибшего и заинтересован в объективном расследовании дела. Я заостряю внимание следователя на таком факте, что мой дядя был арестован в феврале 1938 года, расстрелян в г. Колпашево в апреле месяце, определением № 12-22 от 2.10.1957 реабилитирован, а весной 79-го было обнаружено захоронение с репрессированными гражданами и уничтожается таким варварским образом. Это есть глумление над прахом и могилой невинно расстрелянных». (т. 2, листы 91—92)

КОЛПАШЕВО, МАЙ 1979-го

Р. Р. Вайсбеккер, колпашевское РТП, водитель:

«В 1979 году я работал на т/х «Заря» рулевым-мотористом. Летом 1979 года, время точно не помню, мы возвращались на теплоходе из рейса и увидели, что на берегу выше пристани, где раньше находилась старая милиция, стояли два теплохода. Один «двуихтысячник», другой «тысячник», № 835 или 845. Они мониторами вымывали берег. До этого я слышал разговоры о том, что на реке в некоторых местах находились трупы людей

и будто бы обнаружилось захоронение. От кого конкретно я это услышал, сказать не могу. Мы подошли ближе на «Заря» к теплоходам, чтобы разглядеть, что там происходит. Теплоходы мощными струями воды размывали берег и оттуда в воду падали человеческие трупы. Конкретно очертания ям уже не было, но была просто большая вымойня в берегу и оттуда падали трупы. <...> Место обнаружения трупов было обнесено дощатым забором. Ямы, которые вскрылись на берегу, находились на территории хоздвора милиции, так как в детстве мы играли там постоянно в футбол, и я хорошо знал расположение территории старой милиции. Больше мы к этому месту на теплоходе не подходили и специально пешком я к обнаруженным ямам также не ходил, так как там это место охраняли солдаты. Через некоторое время наша «Заря» стояла на причале. Я находился на корме. В это время я увидел, что мимо «Заря» проплывает труп. Он плыл так близко, что его можно было достать рукой. Из любопытства мы решили вытащить труп на палубу. На трупе была одежда, но когда я взялся за нее, то она стала расплзаться и проходила между пальцами, как воздух. Тогда мы вытащили труп багром. Это был труп мужчины лет 40—45. Внешний вид его хорошо сохранился, как будто он умер недавно, <на лице> была щетина, но тело было, как каменное. Одет он был в <белое> нижнее белье: кальсоны, рубашку. Тело было чистое, но на голове <был> слой извести. Мы слышали, что этих людей расстреливали, поэтому из интереса стали отколупывать известь с головы и на левой стороне черепа обнаружили круглое отверстие, диаметр отверстия небольшой, было похоже на выстрел из мелкокалиберного оружия. Было только входное отверстие, выходного не было. Минут через десять после того, как мы вытащили труп, к нам прибежали работавший в то время начальником речпорта Никоненко, капитан Кононов и работник КГБ, фамилию его не знаю. После этого все произошло быстро. Мы запустили двигатель и вышли на середину реки. Кононов предложил мне быстро спихнуть труп в реку и причалить к берегу. Я отказался. Кононов был раздражен, видимо, ему попало за то, что мы выловили труп. Затем кто-то столкнул труп в воду, кто это был — я не помню. К трупу ничего не привязывали, и он, по-видимому, так <и> уплыл...» (т. 2, лист 149)

А. В. Витюк, начальник МПМК объединения «Агропромстрой»:

«Наше предприятие расположено на берегу Кетской протоки, примерно через четыре дня приезжаю утром на работу, сторож мне говорит, что прибило к берегу труп. Позвонили в милицию, спросили, что делать. Ответили: есть отверстие в затылке? тогда пусть плывет дальше. Труп осмотрели, в затылке действительно было отверстие. Привязали к трупу камни и оттолкнули от берега...» (т. 2, лист 142)

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА ИВАНА ОВСЯНИКОВА, ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

Наугад были выхвачены следователем томской прокуратуры А. В. Ермоловым из архивных завалов несколько подлинных документов тех времен, копии подшиты к «колпашевскому делу». В качестве, так сказать, типичного примера. И — попадание в десятку! Фамилия человека, о котором в этих документах идет речь, значилась под № 25 в опубликованном в «Колпашевском яре» списке «лиц сужденных, вычлененных — как было там написано — из партии и «классово чуждых, но продолжающих работать в аппарате окрисполкома и его отделах».

ВЫПИСКА

Утверждаю:
«начальник Нарымского окротдела
НКВД старший лейтенант
госбезопасности Мартон <подпись>

Обвинительное заключение по делу № 7127 по обвинению
Овсянникова Ивана Ивановича...

составлено 18 июля 1937 года помопуп 4 отд. УГБ Нарымского окротдела
НКВД Кох <подпись>
(согласен)

помощник начальника 4
отдела УГБ УНКВД по
ЗСК лейтенант госбезо-
пасности <Тов>стоно-
гов <подпись>

СПРАВКА

Арестованный Овсянников И. И. с 4 июля 1937 года находился под стражей при КПЗ Нарымского окротдела НКВД.

Помопуп 4 отдела УГБ НКВД
Нарымского окротдела НКВД Кох
<подпись>

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД Запсибкрай от 25 июля 1937 года о расстреле Овсянникова Ивана Ивановича приведено в исполнение 27 августа 1937 года.

Верно. Сотрудник оперштаба *<подпись>*
(т. 1, лист 169—170)

ЕЩЕ ОДНО ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

А покаянные откровения некоего Ильясова помните? Как шли в Нарым разнарядки на «заготовку быков» и как тот, председатель райисполкома, вместе с начальником НКВД составлял списки тех, кого надлежало уничтожить?

А. А. Рахматулина, 1937 г. р., род. в Колпашеве, учительница:

«О папе, Ильясове Ахмете Ахметовиче, 1896 или 1898 года рождения, я знаю следующее. Приехал он с мамой в Колпашево из Омска. От его родных, примерно в 1933 году, у них были уже дети. Работал он в окружкоме партии. *<...>* Умер он в 1955 году. В последнее время он сильно распивал спиртное, хотел застрелиться. Мне он говорил, что я не знаю многоного. Он хотел, чтобы дети его стали юристами. В армии он не служил и на фронте не был. У него имелась броня. Я читала статью в газете «Социалистическая индустрия». Много сходится с тем, что статья об отце, но у меня нет сведений, что отец работал председателем райисполкома». (т. 1, лист 135)

ИЗ ПОКАЗАНИЯ СПРАГОВСКОГО

В тугой узел затянуло Колпашево человеческие судьбы. А. И. Спраговский был уволен в 1960-ом году из органов КГБ после вынесения ему строгого выговора по

партийной линии Кировским РК КПСС «за очернительство старых чекистских кадров». Первым секретарем РК КПСС был тогда П. Я. Слезко, также приезжавший в Колпашево в 1979-ом году. Позже Слезко заедовал отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Следствием так и не был допрошен.

А. И. Спраговский, 1925 г. р., бывший работник КГБ:

«В период с 1955 по 1960 год я занимался пересмотром архивно-следственных дел на осужденных внесудебными органами. Не вдаваясь в существо всех этих дел, определенно могу утверждать, что 99 % проверенных дел были грубо сфальсифицированы бывшими работниками Томского и Нарымского отделов НКВД. <...> Из совокупности всех собранных в этот период материалов вырисовывается следующая картина. В период, когда объявлялось начало массовых репрессий, по всем райгорорганам НКВД были составлены списки лиц, подлежащих аресту. <...> Работники НКВД собирали на эти баржи согласно заранее составленным спискам лиц, проживающих в Александровском, Парабельском, Пудинском, Каргасокском, Кривошеинском, Колпашевском районах. Эти баржи с людьми поставили на якоре напротив дома НКВД, ближе к пристани, откуда по команде НКВД арестованных доставляли на допросы к следователям. <...> Свидетели, которых мне пришлось допрашивать, говорили, что за этим забором покоятся расстрелянные в 37—38 годах люди. Помню показания Караваева Сергея Григорьевича, который был непосредственным исполнителем расстрелов, ныне он умерший. Тогда действовала бригада, которой для храбости давали спирт. За забором были устроены трапы, по которым арестованные шли к вырытой яме. Подойдя до определенного места, раздавался выстрел из укрытия. Человек падал в яму. Сложилось твердое убеждение, что за тем забором захоронены были тысячи невинно осужденных людей...

Из непосредственных участников событий 1937—1938 годов в селе Петропавловке Томского района проживает Карпов Сафон Петрович (если быть точным, там у Сафона Петровича дача.— прим. В. З.). Это активный фальсификатор тех дел и должен знать все обстоятельства, связанные с репрессиями в г. Колпашево. В свое время я предъявил сфабрикованное им дело ему для

объяснений, и он, не отрицая своей причастности, пояснил, что действовал по указанию сверху с учетом той политической обстановки. В таком же плане давали показания бывшие фальсификаторы Доценко, Горбенко, Салтыманов, Печенкин и другие, которых приходилось допрашивать в связи с пересмотром целого ряда дел того периода...» (т. 1, листы 108—113)

Здесь упоминается тот самый Горбенко, директор строительного техникума, который в пятидесятые годы уничтожал захоронение жертв коммунистического режима в Томске.

МАРТОН (ЛЮДИ ИЗ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, 30-Е ГОДЫ)

Р. С. Суханова-Мартон, 1929 г. р., пенсионерка:

«...папа Степан Степанович (он же Иштван Иштванович, он же Антон Антонович.— прим. В. З.) 1894 г. р., умер в 1959 году. Папа мадьяр, попал в плен во время 1-ой мировой войны. Позже партизанил в районе г. Улан-Удэ. Папа принял советское гражданство. Родители устраивались на работу в ЧОН, затем в ОГПУ. Примерно с 1935 года родители работали в Колпашеве в НКВД. Отец — начальником, мама — секретарем или машинисткой. До Колпашева они жили в Барнауле, Новосибирске и Омске. Папа работал там по специальности. 2 февраля 1938 года отец был арестован в г. Новосибирске, освобожден отец был в июле 1939 (или 1940 года). После этого он работал в Асино в лагере на <мотоблоке>. Примерно в 1940 году он ездил вместе с нами в Красно-
<турзинский> лагерь, затем ездили в Ирдельлаг (Приполлярный <круг>), где отец работал начальником санитарного отдела. С 1944 года он оставил семью и уехал в Южкузбаслаг к другу Долгих Ивану Ивановичу (полковнику). Там отца восстановили в партии и звании майора...» (т. 1, лист 136)

...и с Долгих все подтвердились. Герой-чекист, пострелявший загнанных в Сибирь крестьян во время чапинского возмущения, приходится родным папенькой бывшему члену политбюро ЦК КПСС.

ТИХИЙ ПЕНСИОНЕР ИЗ ТОМСКА (ЛЮДИ ИЗ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, ГОДЫ 30-е И НЫНЕШНИЕ)

С. П. Карпов, 1912 г. р., бывший работник НКВД, не судим, Томск-7, ул. Свердлова, 3, кв. 15:

«...в 1935 году я начал работать в Колпашевском райотделении НКВД в должности пожарного инспектора. Проработал 3 месяца: октябрь, ноябрь, декабрь. Затем уехал на курсы переподготовки в Новосибирск при Управлении НКВД в декабре <1935> года. Учился до мая 1937 года. В мае 1937 года проходило совещание оперативного состава Управления, на котором с речью выступал секретарь Западно-Сибирского крайкома партии. Он сообщил, что раскрыта контрреволюционно-монархическая организация, охватывающая Сибирь и Дальний Восток, и что нужно ликвидировать <угрозу заговора>. Вскоре после этого курсы переподготовки расформировали и создали группы сотрудников, которые разъехались на места в Стальнск (Новокузнецк), Томск, Кемерово, Нарым. Я попал в Нарымскую группу и приехал в Колпашево примерно 30 мая 1937 года. Я был еще прикомандирован в Колпашевское НКВД как курсант-практикант, в штат НКВД не входил. При НКВД находилась внутренняя тюрьма (примерно восемь камер). Основная масса арестованных содержалась в городской тюрьме. В мои обязанности в этот период входило производить аресты по ордерам. На аресты ходили, как правило, три человека с понятыми. Иногда ходили по два человека с понятыми. Иногда ходили по два сотрудника. В ордере указывались только фамилия, имя, отчество, адрес. Ордера были санкционированы прокурором. На каком основании проводились аресты, я не знаю. Наша задача была доставить арестованного в отдел. Во время ареста производили обыски (главное, искали оружие). Что было дальше с арестованными, я не знаю. Работу с ними производили следователи. О том, что во внутренней тюрьме производили расстрелы, то есть приводили приговор в исполнение, я знал от исполнителей, сам при этом не присутствовал. <...> Как я уже пояснил, что в расстрелях не участвовал, выполняли их, как правило, старые сотрудники, такие, как Лук<и>чев, Гришин, Кох Н. И. Расстрелы осуществлялись во внутренней тюрьме, которая размещалась

в здании НКВД близко от берега реки Оби. Как уже показал, что при расстрелях я не присутствовал. Знаю об этом со слов. За какие конкретные преступления расстреливали людей, я не знаю, так как приговоров и решений не видел». (т. 2, лист 177)

ИЗ ОТДЕЛЬНОГО ПОРУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ АБАКУМОВА В. С.
ПРОКУРОРУ В/Ч 9300 ЖИЯНОВУ В. Н.

«Бывший работник НКВД Карпов С. П. одно время в 1937—1938 году исполнял обязанности начальника НКВД Нарымского округа...» (т. 2, листы 174—175)

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ
(КОЛПАШЕВО, МАЙ 1979-го)

Н. Е. Мельник, начальник горотдела КГБ Томска-7, в 1979 г. работал в колпашевском КГБ:

«Когда было выяснено, <что> на данном месте размещалось НКВД Нарымского округа с внутренней тюрьмой, было сделано предположение и высказана одна из версий, что это могло быть захоронение расстрелянных лиц, репрессированных в 1937—1938 годы. После этого мне была дана команда отыскать бывших сотрудников горотдела НКВД, чтобы уточнить либо опровергнуть данную версию. Я вышел на одного бывшего сотрудника горотдела (фамилию не помню), проживавшего в Колпашеве на улице Ленинградской. Оказалось, что он работал там в сороковых годах и что-либо пояснить по данному факту не мог. Впоследствии нам так и не удалось найти кого-либо из лиц, которым что-либо было известно по данному факту...» (т. 2, листы 184—186)

В. П. Копейко, бывший начальник горотдела КГБ в Колпашеве:

«От начальника управления УКГБ получил указание держать под контролем обстановку в данном районе и одновременно принять меры к установлению лиц, кото-

рым что-либо известно об этом захоронении. Я установил бывших сотрудников окружного отдела НКВД времен 37—41 года Меринова Бориса Ефимовича, Волкова Александра Даниловича, Таранко (имя и отчество не помню) и Ракитина Григория Антоновича, который несколько месяцев в 1944 году начальником был внутренней тюрьмы окружного отдела НКВД. От них я получил информацию о территории, на которой могли быть захоронения, относящиеся к периоду расстрелов 1919—1941 годов, а именно, как потом оказалось, в эти годы приводились приговоры во внутренней тюрьме окружного отдела. От Ракитина я узнал, что якобы в 1937 году производились расстрелы, но конкретных данных он не назвал, где именно производились захоронения. Меринов мне также ничего не рассказал. Некоторые пояснения мне дал Таранко, работавший в 1937 году надзирателем в тюрьме НКВД. От него я узнал, что на территории бывшего горотдела было несколько захоронений. Кроме них я еще разговаривал с Величко и Вяловым. Это были очень старые работники НКВД». (т. 2, листы 65—67)

В. И. Павлюченко, зампрокурора г. Колпашево, в 1989 году проводил прокурорскую проверку, отбирал объяснения, в частности, у бывшего работника колпашевского НКВД Б. Е. Меринова:

«Меринов категорически утверждал, что дезертиров в годы войны в Колпашеве не расстреливали, а этапировали их в Томск. Он был уверен, что в обнаружившемся захоронении находятся расстрелянные в 37—38 годы. Меринов говорил, что в 60-х годах к нему обращался сотрудник КГБ Копейко, у него имелся план тюрьмы НКВД и на этом плане ямы с захоронениями были показаны верно». (т. 1, лист 116)

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА ИВАНА ОВСЯННИКОВА, ОДНОГО ИЗ МНОГИХ

СПРАВКА

В связи с пересмотром архивно-следственных дел на участников контрреволюционной так называемой

эсеро-монархической повстанческой организации, осужденных в 1937—1938 годах, были допрошены бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД Галдилин, Карпов, Худяков, Филиппович, Меринов, принимавшие участие в расследовании этих дел.

Последние показали, что аресты граждан по обвинению в названной организации в Нарымском округе проводились согласно указаниям УНКВД Запсибирской по доведенным лимитам и специально разработанной схеме. (т. 1, лист 172)

МЕРИНОВ (ЛЮДИ ИЗ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ, ГОДЫ 30-е И 1989-й)

Б. Е. Меринов, 1914 г. р., был старшим оперуполномоченным колпашевского НКВД с 22 ноября 37 года по август 1942 года:

«Здание КПЗ состояло из 6 камер. Новосибирск утверждал, кого расстреливать. Потом из тюрьмы приводили и стреляли в НКВД. Наш бывший сотрудник Кох Николай Иванович, начальник отдела... сам принимал участие в расстрелах. Утверждал, что расстреливали из мелкокалиберного оружия. При мне приводили этапы по 40—50 человек из других мест. Обратно никого не уводили. Хоронили расстрелянных во дворе КПЗ. Ям было три. В конце хоронили там, где расстреливали — в камерах... Фамилии оперативных работников Остравлянчик, Терентьев — зам. нач. НКВД, Карпов Сафон Петрович — начальник следственного отдела, Мелкозеров, Капарулин, Демкин, Шипулин Павел, Гришин (на Украине живет). В 65-ом году ко мне обращались из КГБ показать места захоронения на территории НКВД, что я и сделал. Они говорили, что для эксгумации трупов... Я исключаю, что в найденном захоронении были дезертиры Великой Отечественной войны и лица, уклоняющиеся от службы в армии. Их арестовывали в районах и отправляли в Томск». (т. 1, листы 5—8)

...тогда же, в 1965-ом году, была предпринята первая попытка уничтожить захоронение. Следующая — в 1968-ом году.

КОЛПАШЕВО, 1968-ой

Н. Г. Снегирев, работает на радиотехническом заводе в Томске:

«С 1963 года по 1969 год я учился в томском институте радиоэлектроники и электронной техники — на факультете управления. Летом 1968 года учился на пятом курсе. В составе областного студенческого строительного отряда в количестве пятидесяти человек поехали настройку в г. Колпашево. Строили общежитие для медицинского училища. Материалом для общежития служил стройматериал из разобранных нами двух зданий. Одно — на пристани двухэтажное здание, когда-то принадлежало какому-то купцу. Другое здание мы разобрали, это было здание НКВД. Здание НКВД было двухэтажное, деревянное, из круглого леса, размером двадцать на сорок метров. Рядом со зданием была огороженная территория высоким деревянным забором высотой 2,7 метра. Размеры территории — 70 на 130 метров. Рядом протекала Обь. От здания до берега (до обрыва берега) было метров пятьдесят, высота берега была метров пятнадцать. Здание общежития медицинского училища <ставили> на подготовленный фундамент.

Когда мы закончили разбирать верхний этаж здания НКВД, где-то в июле месяце появилось пять человек на территории, огороженной рядом со зданием НКВД. Парни были все в спортивных костюмах, все имели атлетический вид, возраст был где-то лет 35, один был постарше, ему было лет 45. У них была автомашиной ГАЗ-66, крытая брезентом. Была у них бурильная установка на шасси от трактора «Беларусь». Диаметр бура был где-то 60 сантиметров. Длина бура была где-то 3 метра. Была у них автомашиной ГАЗ с цистерной типа бензовоза. Они стали бурить (не всю огороженную территорию, а только в дальнем от здания углу на площади пятьдесят на пятьдесят метров). Бурили в шахматном порядке, скважины были на расстоянии между центрами ориентировочно 90 сантиметров. Работали они в резиновых перчатках. По выходу бура из земли отводили бур в сторону и лопаточками убирали кости в плетеную корзину. В пробуренную скважину засыпали из фанерных бочек какой-то гранулированный порошок и заливали из цистерны водой. Этую же скважину сразу засыпали и переходили к следующей. Работали они где-то

дней семь. После окончания работы сделали планировку участка, бульдозер сравнял грунт. Буровики ходили за ним и собирали кости, кости куда-то увозили на автомашине. Где-то дня через... (одно слово в протоколе непонятно.— прим. В. З.) после начала их работы один из наших студентов (по-моему, Борис <Манцев>), прикинувшись простаком, подошел к ним и стал спрашивать, чем занимаетесь, что делаете. Они представились геологами, обследовавшими берег Оби. На другой день после этого командир отряда Гальцев Владимир Григорьевич был вызван в городской комитет партии, где ему было предложено отгородить забором ту часть, где работали эти «геологи». Нам пришлось из горбыля сделать забор, за что мы получили деньги в сумме восемьдесят рублей. Я тогда понял, что эти «геологи» уничтожали тогда захоронения расстрелянных в НКВД. Об этом же говорили пожилые местные жители. Я могу уточнить, что мы работали допоздна. «Геологи» заканчивали в часов пять—шесть вечера. После того, как они переставали работать (или точнее сказать, прекращали работы), я лично подходил к засыпанным скважинам и по остаткам вещества видел, что это был гидрат окиси натрия. Это вещество применяется в фотографии как очень сильный ускоритель. Он на воздухе вначале расплывается, через несколько часов превращается в зернистый белый порошок (стиральная вода). Когда эти «геологи» закончили работу, через несколько дней прошел обильный дождь. На поверхности почвы оголились человеческие кости и предметы одежды, пуговицы. Нашли женскую гребенку коричневого цвета и гребешок двусторонний из бычьего рога. Кости показывали своему врачу, он сказал, что человеческие». (т. 2, листы 53—54)

ОТ-2010 (ТОМСК, МАЙ 1979-го)

В. П. Черепанов, бывший капитан ОТ-2010:

«Закончили дело и пошли в Томск на ремонт. Из-за работы на песке подносились втулки валов. Отремонтировали нас очень быстро, за двое суток. В Томске меня повезли в КГБ на черной «Волге». Страх был у меня. На Кирова (в Управлении КГБ по Томской области.— В. З.) завели меня в кабинет к полковнику, затем к комиссару. От имени Ю. В. Андропова вынесли благодар-

ность и подарили приемник «Томь», сказав, что фирма у них небогатая...» (многотиражка Томского университета «За советскую науку», № 42, 21.12.89).

С. Н. Копейкин, штурман ОТ-2010:

«Эти товарищи из КГБ были у нас еще раз. Собрали команду и вручили кому подарки, а кому премии». (т. 2, л. д. 172—173)

КОЛПАШЕВО, ЛЕТО 1979-го

В. С. Бурков, начальник пожарной охраны Колпашева, принимал участие в утоплении трупов:

«Берег был размыт, теплоход ушел. Я и потом выезжал уже туда, где обнаруживают трупы. Помню, что в Тогурской запони был обнаружен труп. Его уже раздуло, был как настоящий утопленник». (т. 2, листы 85—86)

Н. В. Панфилов, бывший эксперт-криминалист колпашевского ГОВД:

«В июле — августе 1979 года приходилось в составе следственно-оперативной группы (следователя прокуратуры Москвичевой Нины Ивановны, судмедэксперта Коэзика Вл. Матвеевича или Ушакова Мих. Алексеевича и инспектора угрозыска Чечурова Степана Флегоновича) выезжать на место обнаружения трупов. Дело в том, что большая вода разнесла трупы по пойме далеко от места захоронения. Они застревали в кустах и несколько трупов было обнаружено на покосах. Об этом сообщили дежурному, и мы выезжали на место происшествия. В случае, если обнаруживали труп в холщевой рубахе и кальсонах и с отверстием в затылке, то никаких следственных действий не проводили. Труп просто хоронили. А Чечуров С. Ф. (он постоянно выезжал с нами) рапортом докладывал в КГБ о месте захоронения. В июне — августе 1979 года по заданию горкома партии я снимал берег реки Оби в черте города. Съемка производилась фотокамерой с вертолета. На одном из снимков есть место захоронения спустя два-три месяца со дня обнаружения первых трупов. Этот — и он единственный снимок места захоронения — есть у меня в альбоме. Его и прилагаю к протоколу.

Со слов бывшего начальника охраны общественного порядка Куксенко Ю. М., ныне покойного, я узнал, что в месте захоронения было вымыто около полутора тысяч трупов. Он в то время занимался организацией групп, дежуривших на реке и по берегу. Ему были, видимо, известны эти цифры». (т. 2, листы 20—22)

КОЛПАШЕВО, ГОДЫ 80-е

В. Ф. Карпов, замначальника отдела колпашевского ГОВД:

«...в дальнейшем на протяжении ряда лет трупы, которые были вымыты из-под яра, всплывали <посередине> рек Обь и Кеть. На трупы выезжал старший оперуполномоченный Чечуров С. Ф. И если труп показывался из-под яра, то его предавали земле в районе обнаружения». (т. 2, листы 140—141)

В. П. Павнин, милиционер-водитель колпашевского ГОВД:

«В городе Колпашево я проживаю с 1982 года и с этого времени работаю в органах милиции. До этого в этом городе я не проживал. Когда стал работать в милиции, от сотрудников узнал, что на берегу реки Обь... в 1979 году было обнаружено и теплоходами размыто захоронение... Я бывал на этом месте в 1984 году, это было в начале лета. Там был очень высокий яр, где-то около двадцати метров. Когда ушла вода, то обнажился пологий берег. Числа я не помню, но тогда я был в патруле, когда я спускался с яра к воде, то там у воды были ребятишки. Вода ушла и на этом месте обнажились или, точнее сказать, были высыпаны кости. Ребятишки натаскали гору костей <где-то> с один кубический метр, так их сложили горкой. Кости были человеческие. Я запомнил, что были остатки ключиц, челюстей, черепа, берцовые кости. Об этом я сообщил дежурному. Эти кости были вымыты водой из яра. Со слов сотрудников, я знаю, что после размыва берега выссыпали на это место одну или две баржи гравия. Дня через два я вновь проезжал на автомашине по улице Дзержинского утром <и> увидел, что у одного парнишки в возрасте 10—11 лет на пальце человеческий череп. Я подъехал к нему. В черепе увидел круглое отвер-

стие в затылке — как от пули — и забрал его у них... Ребятишки рассказали, что нашли его на берегу, где размывали раньше захоронение. Они находились от яра в метрах ста пятидесяти — двустах. Я этот забрал у них череп и хранил у себя». (т. 2, листы 77—78)

ИЗ ПРЕССЫ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОИКИ

Е. К. Лигачев, в 1979-ом году — первый секретарь томского обкома КПСС:

«Сенсационное» сообщение прокуратуры Москвы о моем посещении следователя и даче показаний я считаю не совсем правильным. Я видел в этом свой гражданский долг, понимал, что люди хотят разобраться в этом непростом деле. Я знал об обрушившемся могильнике. Должен сказать, что ни партийные комитеты Колпашева, ни обком партии ни прямого, ни косвенного участия в тех работах не принимали, они велись специальными органами. О том, как проводились работы в 79-ом году, я узнал из публикаций. Я хотел бы, чтобы вы учили ту обстановку, ситуацию в те годы: происходило свертывание деятельности по реабилитации незаконно репрессированных в годы Советской власти. И все, что было связано с этим, было на крепком замке, в том числе и для партийных органов». («Комсомольская правда» от 24.11.90)

В. Н. Шутов, бывший первый секретарь колпашевского горкома партии:

«Был ли причастен к этому первый секретарь Томского обкома КПСС Е. Лигачев? Не знаю. Гражданские власти и коллективы, парторганизации не были задействованы». («Известия» от 22.11.90)

И. Н. Крутов, прокурор Томской области, в свое время отказал в возбуждении уголовного дела по Колпашеву:

«Об участии Лигачева в руководстве «размывом» тоже ничего конкретного сказать не могу. Никто из опрошенных его фамилию не называл». («Известия» от 22.11.90)

ХОЗЯЕВА ТОМСКОЙ ТАИГИ (ЛОЖЬ НЕСЧЕТНАЯ)

Е. К. Лигачев: «После первого <же> сообщения я тут же позвонил в ЦК товарищу Суслову с тем, чтобы сообщить о случившемся. У меня все-таки после первой же информации Иванова сложилось ощущение, что это не рядовой случай. Суслов сказал мне, что ему уже звонили из КГБ и партийным комитетам вмешиваться в это дело не следует. Пусть всем этим занимается КГБ. В тот же день состоялся мой разговор с председателем КГБ Ю. В. Андроповым. То ли я ему позвонил, то ли он мне. Андропов сказал мне, что действительно этой проблемой будет заниматься Центр и местные органы КГБ. Хочу отметить, что ни обком КПСС, ни колпашевские партийные органы никакого участия в мероприятиях по ликвидации захоронения не принимали». (т. 2, листы 123—124)

В. Н. Шутов, бывший первый секретарь колпашевского горкома КПСС:

«Вся операция по ликвидации этого захоронения прошла под руководством и силами работников КГБ. Решение о размытии этого захоронения не обсуждалось и не принималось местными органами власти. Единственно, что мы сделали, это провели партийно-хозяйственный актив, на первоначальном этапе организовали ограждение, были привлечены дружинники из числа актива, которые дежурили на берегу, чтобы не подходили к этому месту любопытные». (т. 2, лист 55)

К. М. Иванов, бывший начальник УКГБ по Томской области:

«...я поставил в известность прокурора города Томска тов. Князева А. И., начальника отдела КГБ СССР генерала-майора Фокина А. И., второго секретаря обкома КПСС Томска Мельникова А. Г. Указанный случай был предметом рассмотрения целого ряда организаций. Ни лично я, ни какие-либо другие работники КГБ единолично никаких решений не принимали... Вот, например, я прочитал в газете «Известия» от 23 ноября 1990 года в заметке «Не вскрыть, а скрыть» о том, что тогдашний секретарь колпашевского горкома партии Шутов В. якобы не имел особого отношения к данному

слушаю. Это неправда. Данная ситуация обсуждалась на собрании парт~~<хоз>~~актива. Все были в курсе событий...» (т. 2, листы 117—119)

Генерал-майор А. И. Фокин все эти годы возглавлял 10 отдел КГБ СССР, ведавший архивами и изоляторами. Он и был тем таинственным «генералом из Москвы», что приезжал в мае 1979-го в Колпашево.

Н. И. Петроченко, бывший начальник отдела УКГБ:

«...решался вопрос о происхождении захоронения, размерах захоронения и способах ликвидации. Присутствовали при разговоре начальник УКГБ Иванов К. М. и прокурор области Князев А. И. Я понял с их слов, что эти вопросы оговаривались в обкоме партии...» (т. 2, листы 163—165)

В. Н. Копейко: «В настоящее время мне известно, что по данному факту был хорошо осведомлен первый секретарь областного комитета партии Лигачев Егор Кузьмич. Он давал указания по осуществлению мероприятий по ликвидации захоронений». (т. 2, листы 65—67)

К. М. Иванов: «Лигачев к данной ситуации не имел никакого отношения, да и не мог иметь, так как в мае 1979 года находился в отпуске». (т. 2, листы 117—119)

А. И. Бортников, бывший секретарь обкома: «1 мая 1979 года я был на демонстрации, стоял на трибуне на площади Революции. Меня попросил после демонстрации зайти в областной комитет партии первый секретарь Лигачев Егор Кузьмич... Секретарь сообщил мне, что в кабинете Лигачева находится начальник Управления КГБ по Томской области Иванов Ким Михайлович. Когда я зашел в кабинет, Лигачев предложил мне 2 мая выехать в г. Колпашево вместе с Ивановым...» (т. 2, листы 60—61)

Е. К. Лигачев: «Бортникова или кого бы то ни было из работников обкома я не направлял в Колпашево. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал никогда <об> этой проблеме». (т. 2, листы 123—124)

А. Н. Лепешкин, бывший начальник ГОВД:

«Мне Бортниковым дано было указание подготовить пять команд для того, что могут поплыть трупы. Их нужно топить. Я поясняю, что не собирать и производить захоронение, а именно топить». (т. 2, листы 58—59)

А. И. Бортников: «Я лично таких указаний не давал, чтобы топить трупы». (т. 2, листы 60—61)

К. М. Иванов: «Никаких грузов к трупам не привязывали и с помощью грузов такие трупы в реке не топили. Мне таких фактов неизвестно». (т. 2, листы 117—119)

В. П. Черепанов, бывший капитан ОТ-2010:

«Комиссар от имени Андропова Ю. В., председателя КГБ СССР, передал мне благодарность за отлично выполненную операцию... От обкома КПСС меня устно поблагодарили Бортников». (т. 1, листы 77—81)

К. М. Иванов: «Могу сказать, что никаких благодарностей от имени Андропова никому не выносилось...» (т. 2, листы 117—119)

А. И. Бортников: «Я до сих пор задаю себе вопрос, зачем меня туда посылали? В чем была моя миссия?» (т. 2, листы 60—61)

К. М. Иванов: «Кстати говоря, я до сих пор не знаю, какие именно группы людей, к какому периоду относящиеся там были захоронены». (т. 2, листы 117—119)

А. И. Бортников: «Тогда и до настоящего времени считал и считаю, что там захоронены дезертиры». (т. 2, листы 60—61)

РЕЗЮМЕ

Е. К. Лигачев: «Те работы у берега Оби проводили в общем-то порядочные люди, наши люди...» («Комсомольская правда» от 24.11.90)

Январь — август 1991 г.